AP 925, 263
KP 2528

1240.

Госуд. Историч. Музей

Изъ книгъ
Е. Ф. МОРТУКА

ИЗ КНИГ
М. Б. ИТКИНА

ИЗ КНИГ
М. Б. ИТКИНА

СОБРАНІЕ ПИСЕМЪ И АНЕКДОТОВЪ,

относящихся до жизни

АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА

КНЯЗЯ ИТАЛІЙСКАГО,

Графа

СУВОРОВА - РЫМНИКСКАГО,

въ коихъ изображается истинный духъ и характеръ сего героя,

съ присовокупленіемъ

Вахт-Парада, или Науки Повьждать, сочиненной симъ непобѣдимымъ полководцемъ.

Собранные

Васильемъ Левшинымъ.

МОСКВА.
Въ Типографіи С. Селивановскаго.
1809.

Изъ книгъ
Е. Ф. Мортука

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Все, что ни относится до мужей великихъ, достойно нашего вниманія; особливо же письма отъ нихъ и къ нимъ, также и анекдоты, служатъ достовѣрными доказательствами для Исторіи и для познанія ихъ характера. Въ семъ намѣреніи издаю я сію книгу, помѣстя въ ней столько писемъ и анекдотовъ, сколько случай позволилъ мнѣ собрать оныхъ: поелику очень трудно, и даже невозможно, сдѣлать полное собраніе тѣхъ писемъ, которымъ отчасти нѣтъ черныхъ отпусковъ. — Покойный Князь Италійскій имѣлъ сію привычку, что писывалъ всегда на бѣло и собственною рукою, кромѣ публичныхъ сношеній —

Издавая сію книгу, намѣреніе мое состояло въ томъ, чтобъ во первыхъ сообщить публикѣ то, что я могъ, и что для Рускихъ (а можетъ быть и иностранныхъ читателей) конечно будетъ пріятно; во вторыхъ, побудить другихъ, имѣющихъ подлинники или вѣрные списки съ таковыхъ драгоцѣнностей, взять на себя подобный трудъ, и не оставить оныхъ въ забвеніи, и въ третьихъ, услужить чрезъ сіе особамъ, кои имѣютъ возможность и пожелаютъ издать полное и обстоятельное описаніе жизни сего знаменитаго полководца, для того, что описанія, до нынѣ изданныя, составляютъ, едва ли не однѣ выписки изъ реляцій, и вполнѣ намѣренію не удовлетворяютъ. Я съ моей стороны постараюсь продолжать сіе собраніе, и когда обстоятельства дозволятъ, непремину впредь издать къ оному пополненіе — Да

простятъ мнѣ впрочемъ здравствующія особы потомства великаго Суворова, что я осмѣлился включить здѣсь нѣсколько семейственныхъ писемъ: оныя носились въ публикѣ, и я имѣлъ случай взять съ нихъ списки. Оправданіе мое состоитъ въ томъ, что каждая мысль, каждое слово, исходящія изъ устъ мужа великаго, суть наставленія, которыми пользоваться всѣ имѣютъ право.

Я издамъ за симъ вскорѣ критическое обозрѣніе жизни Князя Потемкина-Таврическаго, мужа, коего имя въ свое время было толико знаменито, и который единымъ счастіемъ своимъ и предпріимчивостію вознесся до высокаго степени. Сей современникъ Князя Суворова изобразится мною со всѣми своими талантами и великими страстями, дабы читатели могли удобнѣе вывесть заключеніе, кто изъ нихъ по истиннѣ былъ мужъ

великій: и непобѣдимый Суворовъ не былъ ли нѣкоторымъ орудіемъ воинской славы, сопровождавшей память Князя Потемкина-Таврическаго?

Издатель.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

Высочайшіе рескрипты и письма: - 1

1. Отъ Государственнаго Канцлера Графа Н. И. Панина. - - - - —
2. Высочайшій рескриптъ Екатерины II. - 2
3. Грамота на пожалованіе ордена Св. Александра Невскаго. - - - - 3
4. Грамота о награжденіи за взятье Краковскаго замка. - - - - 4
5. Грамота о пожалованіи Втораго класса ордена Св. Георгія. - - - 5
6. Собственноручный рескриптъ Екатерины II, при которомъ посылаетъ на экипажъ деньги. 6
7. Грамота на пожалованіе ордена Св. Равноапостольскаго Князя Владимира 1 степени. 7
8. Письмо Князя Потемкина, при которомъ посылаетъ медаль. - - - 9
9. Собственноручный рескриптъ Екатерины II, послѣ сраженія на Кинбургской косѣ. - —
10. Рескриптъ о пожалованіи ордена Святаго Андрея Первозваннаго. - - - 11
11. Письмо Князя Потемкина-Таврическаго, о пожалованіи перваго класса ордена Св. Георгія. — Копія съ грамоты. - - - - 13
12. Благодарное письмо Князя Суворова за полученныя милости. - - - 14
13. Записка отъ Князя Потемкина изъ лагеря подъ Бендерами. - - - - 16
14. Выписка изъ рескриптовъ Екатерины II къ Князю Потемкину-Таврическому. - 17
15. Высочайшій рескриптъ, предписывающій осмотръ Финляндской границы. - - 18
16. Рескриптъ о построеніи укрѣпленій на Шведской границѣ. - - - —
17. Высочайшій рескриптъ о принятіи начальства послѣ Принца Нассау-Зигена. - 20
18. Рескриптъ Государя Цесаревича. - 21
19. Письмо отъ Г. Турчанинова, писанное по повелѣнію Императрицы. - - - —
20. Рескриптъ, извѣщающій о заключеніи перемирія съ Турками. - - - 23

Стран.
Приложеніе. - - - - - 23
21. Письмо отъ Г. Турчанинова отвѣтное. - 24
22. Донесеніе Графа Суворова объ окончаніи укрѣпленій въ Финляндіи. - - 25
23. Рескриптъ о принятіи начальства надъ флотиліею на озерѣ Саймѣ. - - —
24. Рескриптъ о вознагражденіяхъ за взятье Измаила. - - - - - 26
25. Письмо Г. Турчанинова въ отвѣтъ. - 29
26. Рескриптъ, относящійся до Роченсальмскаго порта. - - - - 30
27. Письмо Князя Зубова, о пожалованіи во Фрейлины Графини Наталіи Александровны. —
28. Рескриптъ о препорученіи войскъ, находящихся въ Екатеринославской губерніи. - 31
Копія съ предписанія къ Г. Каховскому. - 32
29. Рескриптъ объ мирѣ съ Оттоманскою Портою. - - - - - 33
Извѣстіе. - - - - - 34

Собраніе писемъ отъ иностранныхъ коронованныхъ и знаменитыхъ особъ, расположенное по хронологическому порядку. 35

30. Письмо Принца Саксенъ-Кобургскаго. - —
31. Рескриптъ Императора Іосифа II. - 36
32. Письмо Принца Кобургскаго изъ лагеря при Керлечели. - - - - 38
33. Рескриптъ Римскаго Императора о пожалованіи Суворова въ Графское достоинство. 40
34. Рескриптъ Императора Леопольда II, въ отвѣтъ. - - - - - 41
35. Письмо Принца Кобургскаго прощальное. 42
36. Второе письмо Императора Леопольда. - 44
37. Письмо Принца Кобургскаго въ отвѣтъ. —
38. Письмо отъ него же, съ поздравленіемъ о взятьѣ Измаила. - - - - 46
39. Письмо отъ него же, съ благодареніемъ. 47
40. Рескриптъ Короля Прусскаго. - - 48
41. Высочайшій рескриптъ Императора Павла I. 49
42. Второй при отправленіи его для начальствованія войсками въ Италіи. - - 50

Собраніе разныхъ писемъ Князя Италійскаго и къ нему писанныхъ, о времени коше-

Стран.
рыхъ, когда оныя писанны, утвердить не можно. - - - - 53
43. Письмо къ Князю Григорью Александровичу Потемкину. - - - - —
44. Второе къ нему же. - - - 55
45. Письмо Принца де Линь. - - 56
46. Отвѣтъ на сіе Графа Суворова. - - 57
47. Письмо къ Павлу Николаевичу Скрыпицыну. 59
48. Письмо къ Тимофею Ивановичу Тупольмину. 66
49. Письмо къ Баккалавру Кострову въ стихахъ. 68
50. Письмо Г. Р. Державина. - - 69
Отвѣтъ на сіе отъ Графа А. Васильевича. 70
51. Прозьба Графа Александра Васильевича о увольненіи его въ Нилову Пустынь. - 73
62. Письмо Гжи Синицкой о предстательствѣ за сына ея. - - - - —
Отвѣтъ на сіе письмо отъ Графа. - 74
53. Два письма Графа Александра Васильевича, изъ Италіи къ Графу Ѳедору Васильевичу Растопчину. - - - - —
Собраніе писемъ Князя Италійскаго, писанныхъ въ разное время къ дочери его Графинѣ Натальѣ Александровнѣ, отъ части когда она была еще въ Смольномъ монастырѣ, частью же въ супружествѣ за Графомъ Николаемъ Александровичемъ Зубовымъ. - - - 77
54. Изъ Кинбурна 20 Декабря, 1787 года. - —
55. Изъ Кинбурна 18 Марта, 1788 года. - 78
56. Изъ Кинбурна 29 Маія, 1788 года. - 79
57. Изъ Кинбурна 2 Іюня, 1788 года. - 80
58. Изъ Кинбурна 21 Августа, 1788 года. - 81
59. Изъ Берладъ 21 Августа, 1789 года. - 82
60. Ruisseau Rymnick en Walachie. - - 83
Съ рѣчки Рымникъ въ Валахіи. - - 84
61. Въ Октябрѣ 1789 года. - - 85
62. - - - - - - 86
63. 3 Ноября 1789 года. - - - 87
64. Берладъ 20 Маія, 1790 года. - - 88
65. Въ 1791 году изъ Финляндіи. - - 90
66. Октября 4 дня 1794 года. - - 91
67. Изъ Варшавы, Ноября 10, 1794 года. - 92
68. Изъ Кобринъ, Марта 3 дня 1799 года. - 93

Стран.
69. Тортона, въ Маіѣ, 1799 года. - - 94
70. Августа 27 дня, 1799 года въ Піемонтѣ городъ Исти. - - - - —
71. Изъ Кобрина, Марта дня, 1800 года. - —
Вахтъ-Парадъ Графа Суворова. - - 95
Вахтъ-Парадъ отъ онаго главное вліяніе обученіевъ. - - - - 97
Разговоръ съ солдатами ихъ языкомъ. 104
Анекдоты, относящіеся до жизни Александра Васильевича Князя Италійскаго, Графа Суворова-Рымникскаго. - 114
Прибавленіе. Письма Князя Италійскаго, Графа Суворова-Рымникскаго, писанныя большею частію во время Италійской войны, также и къ нему. - 163
Окружное письмо Г. Суворова къ Италіянцамъ. 170
Окружное письмо къ Піемонтцамъ. - 173
Письмо Графа Суворова къ Генералу Кейму. 175
Записка, читанная въ собраніи Генералитета Іюня 16 числа 1799 года предъ сраженіемъ при Требіи. - - - - —
Письмо Г. Суворова-Рымникскаго къ Императору Австрійскому, съ предварительнымъ донесеніемъ о побѣдѣ при Требіи. - 176
Посланіе Графа Суворова-Рымникскаго къ республикѣ Генуэзской. - - 177
Письмо Графа къ Королю Сардинскому отъ 22 Августа 1799 года. - - 181
Высочайшій рескриптъ Императора Павла I, при которомъ прислалъ Г. Суворову портретъ свой. 183
Рескриптъ Императора Австрійскаго Франца II къ Суворову. - - - - —
Письмо Графа Суворова-Рымникскаго, которымъ прощался онъ съ Италіанскою арміею. 185
Письмо Князя Суворова, писанное къ Генераламъ, начальствовавшимъ надъ отрядами войскъ въ Швейцаріи. - - 187
Нѣкоторыя стихотворенія малоизвѣстныя, въ честь Князя Италійскаго сочиненныя. 192
Эпистола Баккалавра Ермила Кострова. —
Эпистола отъ того же Кострова на полученіе воинскихъ наградъ. - - 199
Эпитафія. - - - - 204
Надгробіе. - - - - 205

ВЫСОЧАЙШІЕ РЕСКРИПТЫ

и

П И С Ь М А.

П и с ь м о I.

Отъ Государственнаго Канцлера Графа Никиты Ивановича Панина.

Государь мой!

По волѣ Всемилостивѣйшей Государыни, награждающей особливую къ службѣ отечесiпва ревность, жалуетъ васъ Его Императорское Высочество Кавалеромъ своего ордена святыя Анны. Съ радостiю исполняю я долгъ званія своего пересылкою къ вамъ, Государю моему, знаковъ сего ордена съ тѣмъ, чтобъ вы оной сами на себя возложа, носили. Я увѣренъ, что Монаршая сія милость, съ которою я васъ сердечно поздравляю, конечно поощритъ васъ къ приобрѣтенію вашей славы, усерднымъ продолженіемъ полезной для отечества

службы вашей. Съ истиннымъ почтеніемъ пребуду я навсегда, вашъ

Государя моего
покорно вѣрный слуга
Графъ Н. Панинъ.

С. Петербургъ,
31 Сентября, 1770.
Къ Г. Генералъ-Маіору Суворову.

2.

Высочайшія рескриптъ Екатерины II, *о пожалованіи ордена Св. Георгія* III *класса.*

Нашему Генералъ-Маіору Суворову.

Храбрость и мужественные подвиги, оказанные вами прошедшаго 1770 и сего 1771 года, во время командированія вашего съ ввѣреннымъ вамъ деташаментомъ противу Польскихъ возмутителей, когда вы благоразумными распоряженіями вашими въ случившихся сраженіяхъ, поражая и разсылая вездѣ ихъ партіи, одерживали надъ ними побѣды, учиняютъ васъ достойнымъ къ полученію отличной чести Нашей Монаршей милости, по узаконенному отъ Насъ статуту военнаго ордена свя-

таго великомученика и побѣдоносца Георгія; а потому мы васъ въ третій классъ сего ордена всемилостивѣйше жалуемъ, и знакъ онаго здѣсь включая, повелѣваемъ вамъ на себя возложить и носить на шеѣ по установленію Нашему. Сія ваша заслуга увѣряетъ Насъ, что симъ Монаршимъ поощреніемъ наипаче потщитесь и впредь равнымъ образомъ усугублять ваши военныя достоинства. Дано въ С. Петербургѣ Августа 19 дня 1771 года.

Екатерина.

3.

Грамота на пожалованіе ордена Св. Александра Невскаго.

Божіею милостію Мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская, и проч. и проч. и проч.

Нашему Генералъ-Маіору Суворову.

За оказанную Намъ и отечеству отличную услугу, совершеннымъ разбитіемъ возставшаго противу Нашихъ войскъ Литовскаго Гетмана Огинскаго, всемилостивѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ Нашего ордена св. Александра

Невскаго, котораго здѣсь включенные знаки самимъ вамъ на себя возложа, носить повѣлеваемъ. Мы надѣемся, что сіе Наше Монаршее къ вамъ отличное благоволеніе, послужитъ вамъ вящшимъ побужденіемъ посвятить себя службѣ Нашей. Впрочемъ пребываемъ Нашею Императорскою милостію вамъ благосклонны. Дано въ С. Петербургѣ 20 Декабря, 1771 года.

Екатерина.

4.

Грамота о награжденіи за взятье Краковскаго замка.

Божіею милостію, Мы Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская, и проч. и проч. и проч.

Нашему Генералъ-Маіору Суворову.

Изъ полученныхъ нынѣ отъ Нашего Генералъ-Порутчика Бибикова реляцій мы усмотрѣли, что Краковскій замокъ возвращенъ изъ рукъ мятежничьихъ, мы восхотѣли изъявить вамъ и всѣмъ бывшимъ съ вами штабъ и обер-офицерамъ, такожде и всему войску за подъятые вообще во время блокады

пруды, Наше Монаршее благоволеніе, въ знакъ котораго, всемилостивѣйше жалуемъ вамъ тысячу червонныхъ, а прочимъ десять тысячь рублей; о чемъ отъ Насъ нашему Генералъ-Порутчику Бибикову повелѣніе дано, и пребываемъ вамъ впрочемъ, Нашею Императорскою милостію, благосклонны. Дано въ царскомъ селѣ, Маія 12 дня, 1772 года.

Екатерина.

5.

Грамота о пожалованіи втораго класса ордена Св. Георгія.

Божіею милостію, Мы Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская.

Нашему Генералъ-Маіору Суворову.

Произведенное вами храброе и мужественное дѣло со ввѣреннымъ вашему руководству деташаментомъ при атакѣ на Туртукай, учиняетъ васъ достойнымъ къ полученію отличной чести и Нашей Монаршей милости, по узаконенному отъ Насъ статуту военнаго ордена святаго великомученика и побѣдоносца Георгія; а потому Мы васъ во второй классъ сего орде-

на всемилостивѣйше жалуемъ, и знаки онаго включая, повелѣваемъ вамъ на себя возложить, и крестъ носить на шѣе по установленію Нашему. Сія ваша заслуга увѣряетъ Насъ, что вы, будучи поощрены Монаршею Нашею милостію, потщитесь снискать Наше къ себѣ благоволеніе, съ которымъ мы пребываемъ вамъ благосклонны. Дано въ Царскомъ селѣ, 30 Іюля, 1773 года.

Екатерина.

6.

Собственноручный рескриптъ Ея Величества Екатерины II, *при которомъ посылаетъ ему на экипажъ деньги.*

Господинъ Генералъ-Поручикъ Суворовъ!

Увидя изъ письма Генерала Графа Панина отъ 25 числа Августа, что вы на канунѣ того дня пріѣхали къ нему такъ скоро и на легкѣ, что кромѣ испытаннаго вашего усердія къ службѣ инаго экипажа при себѣ не имѣете, и что вы тотъ же часъ отправились паки на пораженіе враговъ Имперіи. За такову хвалы достойную скорую ѣзду

весьма васъ благодарю. Зная, что ревность ваша вамъ проводникомъ служила, Я ни малѣйшаго сумнѣнія не полагаю, что призвавъ Бога въ помощь, предъуспѣете истребить сихъ злодѣевъ славы отечества вашего и общаго покоя, судя по природной вашей храбрости и предпріимчивости. Дабы же вы скорѣе нужнымъ экипажемъ снабдиться могли, посылаю къ вамъ двѣ тысячи червонныхъ, и осіпаюсь вамъ доброжелательная

Екатерина.

Сентября 3 дня, 1774 года.
Въ С. Петербургѣ.

7.

Грамота на пожалованіе ордена Св. Равноапостольскаго Князя Владимира первой степени.

Божіею милостію, Мы Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская и проч. и проч. и проч.

Нашему Генералъ-Порутчику Суворову.

Усердная и ревностная ваша служба, доказанная предъ Нами искуствомъ въ части, вамъ порученной, и особливымъ радѣніемъ въ дѣлахъ, вамъ ввѣренныхъ,

понеже въ исполненіи предлежащаго вамъ подъ руководствомъ Нашего Генерала Князя Потемкина, по случаю присоединенія разныхъ Кубанскихъ народовъ ко Всероссійской Имперіи, обращаютъ на себя Наше вниманіе и милость. Мы, желая изъявить оныя предъ свѣтомъ, всемилостивѣйше пожаловали васъ Кавалеромъ ордена Нашего Святаго Равно-Апостольнаго Князя Владимира большаго креста первой степени, котораго знаки при семъ доставляя, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить установленнымъ порядкомъ. Удостовѣрены Мы совершенно, что вы, получа сіе со стороны Нашей ободреніе, потщитеся продолженіемъ службы вашей вящше удостоиться Монаршаго Нашего благоволенія. Въ Царскомъ селѣ, Іюля 28 дня, 1783 года.

Екатерина.

8.

Письмо Князя Потемкина, при которомъ посылаетъ медаль.

Милостивый Государь мой,
Александръ Васильевичь!

Всемилостивѣйше пожалованную вамъ золотую медаль, изъ числа сдѣланныхъ на присоединеніе къ Россійской Имперіи полуострова Крымскаго, такъ какъ имѣвшему участіе въ томъ дѣлѣ, симъ имѣю честь препроводить къ вашему превосходительству, пребывая впрочемъ съ отличнымъ почтеніемъ,

Вашего Превосходительства,
Милостивый Государь мой,
Ноября 5го дня, покорнымъ слугою
1784 года. Князь Потемкинъ.

9.

Собственноручный рескриптъ Екатерины II, *писанный къ Князю Суворову послѣ сраженія на Кинбургской косѣ.*

Александръ Васильевичь! По открытіи сей войны за дарованную вамъ въ первые, въ 1 день Октября паки побѣду и одоленіе надъ врагомъ Христіанскаго имени, достодолжная хвала Богу сего дня приносима была при пушеч-

ной пальбѣ въ присудствіи Нашемъ: тутъ чинаны были въ церквѣ всенародно дѣянія ревности и усердія, дѣяніи неутомленнаго попеченія, дѣянія и примѣры храбрости, употребленные при защищеніи Кинбурна вами, и подъ начальствомъ вашимъ находящихся вышнихъ, среднихъ и нижнихъ чиновъ войскъ Нашихъ; реляціи прежняя и нынѣшняя отъ Нашего Генерала-Фельдмаршала Князя Потемкина-Таврическаго, сими похвальными свидѣтельствами наполнены. Мы въ семъ случаѣ сами принимаемъ перо, дабы вамъ и всѣмъ вашимъ среднимъ и нижнимъ чинамъ, въ семъ подвигѣ участіе имѣющимъ, объявить Наше справедливое удовольствіе и признательную благодарность. Чувствительны Намъ раны ваши; мы Бога молимъ, да излечитъ скорѣе сіи уязвленія, претерпѣнныя при защитѣ вѣры православной и предѣловъ Имперіи, и возстановитъ оными болящаго къ обрѣтенію вящшихъ успѣховъ. Пребываемъ съ отличнымъ благоволеніемъ къ вамъ доброжелательная

Екатерина.

Октября 17 дня,
1787 году.

10.

Рескриптъ о пожалованіи ордена Святаго Андрея Первозваннаго.

Александръ Васильевичь!

При семъ посылаю къ вамъ знаки кавалеріи святаго Андрея Первозваннаго: возложите ихъ на себя; вы оные заслужили вѣрою и вѣрностію, одержаніемъ побѣды подъ Кинбурномъ, гдѣ вы вовсе время себя отличили. Я же къ вамъ пребываю признательною и доброжелательною

Екатерина.

Ноября 9 дня,
1787 года.

11.

Письмо Князя Потемкина-Таврическаго, съ приложеніемъ высочайшей Грамоты о пожалованіи перваго класса ордена Св. Георгія.

Молостивой Государь мой,

Графъ Александръ Васильевичь!

Не устрашимость ваша и искуство въ предводительствованіи войсками, ознаменованныя въ сраженіи Рымникскомъ, гдѣ совершенная надъ верьхов-

нымъ Визиремъ одержана побѣда, доставила вамъ право къ полученію перваго степени военнаго ордена святаго великомученика и побѣдоносца Георгія. Ея Императорское Величество благоволила воздать сію справедливость заслугамъ вашимъ; и я съ особливымъ удовольствіемъ препровождая къ вамъ высочайшую Ея Императорскаго Величества Грамоту, съ знаками ордена, предвижу ревностное рвеніе, съ которымъ ваше сіятельство стремитесь на новые подвиги къ службѣ Ея Императорскаго Величества и пользѣ отечества. Будьте увѣрены объ истинномъ почтеніи и нелицемѣрной преданности, съ коими имѣетъ честь быть

Вашего Сіятельства,

Милостивый Государь мой,

покорнѣйшимъ слугою

Князь Потемкинъ-Таврической.

Ноября 3 дня,

1789 года.

Лагерь подъ Бендерами.

Копія съ грамоты:

Божіею милостію, Мы Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская, и проч. и проч. и проч.

Нашему Генералъ Графу Суворову-Рымникскому.

Особливое усердіе, которымъ долговремянная служба ваша была сопровождаема; радѣніе и точность во исполненіи предложеній главнаго начальства; неутомимость въ трудахъ; предпріимчивость; превосходное искуство и отличное мужество во всякомъ случаѣ, наипаче же при атакѣ многочисленныхъ Турецкихъ симъ, Верьховнымъ Визиремъ предводимыхъ, въ 11 день Сентября при рѣкѣ Рымникѣ оказанное, гдѣ вы съ войсками Нашими, и корпусомъ союзника Нашего, Его Величества Императора Римскаго, подъ командою Принца Саксенъ-Кобурскаго находящимся, совершенную надъ непріятелемъ одержали побѣду, приобрѣтаютъ вамъ особливое Наше Монаршее благоволеніе. Во изъявленіе онаго Мы, на основаніи установленія о военномъ орденѣ нашемъ Свяпаго Великомученика и побѣдоносца Георгія, пожаловали васъ

кавалеромъ того ордена большаго креста перваго класса, котораго знаки при семъ доставляя, повелѣваемъ возложить на себя. Удостовѣрены Мы совершенно, что таковое отличіе будетъ вамъ поощреніемъ къ вящшему продолженію ревностной службы вашей, Намъ благоугодной. Въ С.Петербургѣ, Октября 18, дня 1789 года.

Екатерина.

Контросигналъ *Петръ Заводовскій.*

12.

Благодарное письмо Князя Суворова за полученныя милости.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Вашего Императорскаго Величества изъ всемилостивѣйшаго мнѣ указа отъ 18 Октября, всего восхитительнѣе мнѣ ознаменованіе старой моей всеподданнѣйшей службы, неограниченными, не ожидаемыми и незаслуженными мною милосердіями Монаршими, Вашими Великая Императрица! Я нынѣ паки нововербованный рекрутъ, жертвующій жизнію своею, пока предѣломъ Божіимъ случится разстаться съ нею и моею ма-

терью, матерью отечества. У меня кромѣ Бога и Великія Екатерины нѣтъ! И простите мнѣ Ваше Величество — Посредникъ сближенія моего къ нижнимъ степенямъ высочайшаго престола Вашего, великодушный мой начальникъ, великій мужъ Князь Григорій Александровичь да процвѣтетъ въ славнѣйшій вѣкъ царствованія Вашего, въ наипознѣйшія времяна. Мышца Твоя да водворяетъ благоденствіе въ Европѣ и вселенной; я же послѣднѣйшій, дерзаю упасть къ освященнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, и буду съ наинепорочнѣйшею ревностію и рвеніемъ,

Всемилостивѣйшая Государыня,

Вашего Императорскаго Величества,

всеподданнѣйшій и всенижайшій

Графъ Александръ Суворовъ Рымникскій.

Ч. 8 Ноября,
1789 года.

13.

Записка отъ Князя Потемкина изъ лагеря подъ Бендерами.

Я съ удовольствіемъ сердечнымъ препровождаю вамъ, мой любезной другъ, милости Монаршія. Вы конечно во всякое время равно бы приобрѣли славу и побѣды; но не всякой начальникъ съ удовольствіемъ, моему равнымъ, сообщилъ бы вамъ воздаяніе. Скажи, Графъ Александръ Васильевичь! что я доброй человѣкъ; такимъ я буду всегда.

Бендеры, когда Богу угодно, завтре будутъ наши. О! какъ трудно улаживать съ тремя Пашами, и всё трехъ бунчужными. Прощай, милостивый Государь, я во всю жизнь вашъ

вѣрный другъ и слуга

Князь Потемкинъ-Таврическій.

P. S. Еще будетъ вамъ и шпага богатая.

14.

Выписка изъ двухъ рескриптовъ Екатерины II *къ главнокомандовавшему войсками Генералъ Фельдмаршалу Князю Потемкину-Таврическому.*

1) Отъ 26 Сентября 1790 года.—Генералу Суворову за совершенное разбитіе Визиря пожалованная отъ Насъ богатая шпага, съ надписью дѣла, будетъ прислана вскорѣ, вмѣстѣ съ шпагою для Римскаго Императорскаго Генерала Принца Саксенъ-Кобургскаго. Впрочемъ, ежели Нашъ союзникъ разсудитъ заблаго въ знакъ признательности своей къ знаменитымъ заслугамъ Генерала Суворова почтить его достоинствомъ Графа Римской Имперіи: Мы повелѣваемъ принять сію почесть, и оною пользоваться.

2) Отъ 5го Октября того же года. — Благопризнаніе Наше къ знаменитымъ заслугамъ Графа Суворова, особливо же къ послѣднему дѣлу, произведенному имъ, обще съ начальствующимъ войсками союзника Нашего Императора Римскаго, противу многочисленной Турецкой арміи, Верховнымъ Визиремъ предводимой при

рѣкѣ Рымнѣ, 11 Сентября, изъявили Мы возвышеніемъ его съ рожденными отъ него дѣтьми, въ Графское Россійской Имперіи досто инство, указавъ именовать его Графомъ Суворовымъ-Рымникскимъ.

15.

Высочайшей, рескриптъ предписывающій осмотръ Финляндской границы.

Графъ Александръ Васильевичь!

Я желаю, чтобъ вы съѣздили въ Финляндію до самой Шведской границы для познанія положенія мѣстъ, служащихъ для обороны оной. Пребываю къ вамъ доброжелательна

Екатерина.

Апрѣля 25 дня,
1791 года.

16.

Рескриптъ о построеніи укрѣпленій на Шведской границѣ.

Графъ Александръ Васильевичь!

Въ слѣдствіе учиненнаго вами, по волѣ Нашей, осмотра границы Нашей

съ Шведскою Финляндіею, повелѣваемъ полагаемыя вами укрѣпленія построить подъ вѣденіемъ вашимъ, употребя въ пособіе тому войска, въ Выборгской губерніи находящіяся. Деньги на сіе вообще потребныя, выданы будутъ въ распоряженіе ваше отъ Генерала Графа Салтыкова, изъ суммы, на чрезвычайные расходы къ нему отпускаемой; такъ какъ онъ же снабдитъ васъ чиновниками инженерными: да и всякое пособіе, отъ него зависящее, вамъ подать не оставитъ. Равнымъ образомъ предписано отъ Насъ къ Генералу Графу Брюсу, по управленію его въ упомянутой губерніи, дабы и отъ земли всевозможная помощь учинена была, какъ то изъ копіи съ указа Нашего, при семъ прилагаемаго, усмотрите. Пребываемъ къ вамъ благосклонны

Екатерина.

Іюня 25 дня,
1791 года.

17.

Высочайшій рескриптъ о принятіи начальства послѣ Принца Нассау-Зигена.

Графъ Александръ Васильевичь!

Дозволивъ Адмиралу Принцу Нассау-Зигенъ по прозьбѣ его отлучиться въ чужіе краи: поручаю въ ваше вѣденіе, до возвращенія его, всѣ укрѣпленія и строенія въ Роченсальмѣ назначенныя, до которыхъ касающіяся наставленія, планы и прочія дѣла онъ вамъ сообщитъ. Эскадра, тамъ находящаяся, подъ командою Контръ-Адмирала Маркиза де Траверсе, съ имѣющимися на ней войсками, потому же подъ вашимъ начальствомъ быть должна. Я впрочемъ на усердіе, дѣятельность и искуство ваше полагаюсь, что все Мною предположенное для безопасности границъ наилучшимъ образомъ исполнено будетъ. Пребываю вамъ доброжелательная

Екатерина.

Іюля 4 дня,
1791 года.

18.

Рескриптъ Его Императорскаго Высочества Государя Цесаревича.

Получилъ рапортъ вашъ, Графъ Александръ Васильевичь, о приняпіи въ вѣдомство ваше порта и команды; о чемъ васъ симъ письмомъ извѣщаю. Пользуюсь симъ случаемъ увѣрить васъ, что есть съ извѣстнымъ вамъ моимъ къ вамъ расположеніемъ, вашимъ благосклоннымъ

Павелъ.

Іюля 15 дня,
1791 года.

19.

Письмо отъ Г. Гурьянова, писанное по повелѣнію Императрицы.

Сіятельнѣйшій Графъ,
Милостивый Государь!

Ея Императорское Величество, прочитавъ письма вашего Сіятельства ко мнѣ отъ 4 числа сего мѣсяца писанныя, соизволила препоручить мнѣ увѣдомить васъ, милостиваго государя, объ особливомъ Ея благоволеніи и благодарности за подъятые вами труды по Финляндіи, и что она совершенную

полагаетъ на васъ надежду, что довершите безопасность границъ по всѣмъ частямъ благоустроеваемымъ вами. О чемъ спѣша донесть, имѣю честь быть съ досподолжнымъ почитаніемъ

Вашего Сіятельства,

всепокорнѣйшимъ слугою

Петръ Гурьяниновъ.

20.

Рескриптъ, извѣщающій о заключеніи перемирія съ Турками.

Графъ Александръ Васильевичь!

Четвертаго дня въ вечеру, къ особливому удовольствію Нашему получили Мы отъ Генерала Фельдмаршала Князя Григорья Александровича Потемкина-Таврическаго извѣстіе, о подписаніи преліминарныхъ артикуловъ мирныхъ между Имперіею Нашею и Портою Оттоманскою, которое въ приложеніи при семъ вамъ сообщаемъ, пребывая вамъ благосклонны

Екатерина.

Августа 13 дня,
1798 года.

Приложеніе.

„Отъ Генерала Фельдмаршала Князя Григорья Александровича Потемкина-Таврическаго получено извѣстіе, что въ 31 день Іюля, Генералъ-Аншефъ Князь Рѣпнинъ, командующій войсками Ея Императорскаго Величества въ отсудствіи Генерала Фельдмаршала, по даннымъ отъ него наставленіямъ, и Верьховной Визирь Порты Оттоманской, Юсуфъ-Паша, заключили и подписали прелиминарные пункты мира между Имперіею Всероссійскою и Портою Оттоманскою, по силѣ которыхъ трактатъ вѣчнаго мира въ Кайнарджи заключенный, и послѣдовавшія за тѣмъ договоры и постановленія подтверждены въ полномъ и точномъ ихъ разумѣ: рѣка Днестръ назначена границею обѣихъ Государствъ, такъ, что земли между сей рѣки и Буга лежащія, оспанупся во владѣніи Россійскомъ; прочія же предѣлы между нами утверждены тѣ, которые до нынѣшней войны существовали. Въ слѣдствіе таковыхъ предварительныхъ условій, по уняпіи оружія на твердой землѣ и водахъ, уполномочиваемые отъ Генерала Фельдмаршала и Верьховнаго

Визиря, по силѣ данной имъ власти отъ Государей ихъ, должны поспѣшить заключеніемъ окончательнаго мирнаго договора.“

21.

Письмо отъ Г. Гурканинова отвѣтное.

Сіятельнѣйшій Графъ,
Милостивый Государь!

Ея Императорское Величество съ особливымъ удовольствіемъ читать изволило поздравленіе ваше, и повторять Нѣмецкую всегдашнюю вашу пословицу, въ письмѣ ко мнѣ упоминаемую. Господинъ Бардингъ сюда прибылъ, и завтре испрошу Высочайшее объ немъ повелѣніе; не знаю куды его лучше пристроить безъ зазору.

Съ душевнымъ почитаніемъ имѣю честь быть, и проч.

П. Гуркаиновъ.

19 Августа,
1791 года.

22.

Донесеніе Графа Суворова объ окончаніи полевыхъ укрѣпленій въ Финляндіи.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Роченсалмьской гавани на сей годъ положенныя укрѣпленія совершены; для сей водруженіе флага въ Высочайшей волѣ Вашего Императорскаго Величества. Такожъ устроены пограничныя полевыя укрѣпленія; онымъ слѣдуютъ за симъ планы, которые повергаю къ освященнѣйшимъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества съ наиглубочайшимъ благоговѣніемъ

всеподданнѣйшій

Графъ А. Суворовъ-Рымникскій.

На семъ письмѣ собственною Ея Величества *рукою написано:* флагъ не ставить до будущей осени до окончанія всей работы.

23.

Рескриптъ о принятіи начальства надъ флотиліею на озерѣ Саймѣ.

Графъ Александръ Васильевичь!

Состоящую на озерѣ Саймѣ флотилію въ одномъ катерѣ и двадцать

одной канонерской лодкѣ, предписали Мы Адмиралтейской Нашей Коллегіи, укомплектовавъ по штату морскими служителями, предоставить въ точную вашу команду, соизволяя, чтобъ вы учинили распоряженія, дабы та флотилія, по наступленіи удобнаго времени, могла производить обыкновенную экзерцицію. Пребываемъ впрочемъ вамъ благосклонны

Екатерина.

Января 21 дня,
1792 года.

24.

Рескриптъ о вознагражденіяхъ за взятье Измаила.

Графъ Александръ Васильевичь!

Получа донесеніе отъ покойнаго Генералъ-Фельдмаршала Князя Потемкина-Таврическаго о взятіи приступомъ города и крѣпости Измаила, съ истребленіемъ арміи Турецкой, тамъ находившейся, и воздая справедливость рвенію къ службѣ Нашей, и мужественнымъ подвигамъ Генераловъ и прочихъ чиновъ сухопутныхъ и морскихъ силъ Нашихъ, въ семъ знаменитомъ дѣлѣ

участвовавшихъ: пожаловали Мы тогда же всѣхъ таковыхъ заслуженныхъ знаками милостей Нашихъ, предоставя ему данные слѣдующіе чины объявить, съ одобрительнымъ листомъ каждому, и съ дачею каждому же золотаго знака, по образцу, Нами утвержденному, на основаніи рескрипта Нашего, ему же Генералъ-Фельдмаршалу отъ 14 Апрѣля 1789 года даннаго; но постигнувшая его кончина не допустила привесть во исполненіе сихъ Нашихъ предписаній. Разсматривая же вновь дѣянія отличившихся въ семъ знаменитомъ дѣлѣ, нашли Мы тутъ многихъ Штабъ- и Оберъ-Офицеровъ, оказавшихъ подвиги, достойные праведной награды; а потому и восхотѣли отличить нынѣ всѣхъ таковыхъ знаками милости Нашей, какъ-то вы усмотрите изъ росписи, при семъ прилагаемой, повелѣвъ предсѣдательствующему въ Военной Нашей Коллегіи Генералу Графу Салтыкову о всѣхъ прочихъ отличившихся Штабъ- и Оберъ-Офицерахъ и нижнихъ чинахъ сухопутныхъ войскъ Нашихъ, привести во исполненіе вышеозначенныя предписанія Наши, данныя покойному Генералу-

Фельдмаршалу Князю Потемкину-Таврическому, въ рескриптѣ отъ 25 Марта 1791 года, съ коего препровождена ему копія. Награжденія чинами Штабъ- и Оберъ-Офицеровъ и нижнихъ чиновъ служившихъ во флотахъ Черноморскихъ, повелѣли Мы учинить Нашему Черноморскому Адмиралтейскому правленію; о чемъ и данъ указъ Нашъ предсѣдательствующему во ономъ Нашему Виц-Адмиралу Мордвинову. Что касается до одобрительныхъ листовъ по силѣ онаго рескрипта, всѣмъ отличившимся пожалованныхъ, оными снабдить по списку и образцу, здѣсь включаемому. Мы поручаемъ вамъ, яко главному начальнику, бывшему во ономъ дѣлѣ, и добрыми онаго распоряженіями, отличною предпріимчивостію, искуснымъ и благоразумнымъ предводительствомъ вашимъ, толь знаменитую побѣду одержавшему, къ славѣ и пользѣ Нашей и Государства Нашего. Пребываемъ вамъ всегда благосклонны

Екатерина.

Марта 31 дня,
1792 года.

25.

Письмо Г. Турчанинова въ отвѣтъ на желаніе Графа Суворова быть при войскахъ въ Польшѣ.

Сіятельнѣйшій Графъ,
Милостивый Государь!

Ея Величество, прочитавъ письмо ваше, соизволила мнѣ отозваться, что Польскія дѣла не стоятъ того, чтобъ васъ употребить, и что употребленіе васъ требуетъ важнѣйшихъ предметовъ, нежели Польское дѣло. — Съ душевнымъ почтеніемъ имѣю честь быть

Вашего Сіятельства,
Милостиваго Государя,
покорнѣйшій слуга
Петръ Турчаниновъ.

Іюля 24 дня,
1792 года.

P. S. Прилагаю при семъ Высочайшій Ея отзывъ для единственнаго вашего только свѣденія:

„Польскія дѣла не требуютъ Графа Суворова: Поляки просятъ уже перемирія, дабы уложить, какъ впредь быть.“

Екатерина.

26.

Рескриптъ, относящійся до Роченсальмскаго порта.

Графъ Александръ Васильевичь!

По представленію вашему, повелѣли Мы Адмиралтейской Коллегіи доставить вамъ для употребленія при Роченсальмскомъ портѣ кейзеръ-флагъ и штандартъ, которые и имѣете вы приказать, по обыкновенію прочихъ приморскихъ крѣпостей, поднимать: кейзеръ-флагъ въ будни, а штандартъ въ праздничные дни. Впрочемъ пребываемъ къ вамъ всегда благосклонны

Екатерина.

Въ Царскомъ селѣ,
26 Августа,
1792 года.

27.

Письмо Князя Зубова, извѣщающее о пожалованіи во Фрейлины дочери Александра Васильевича Суворова, Графини Натальи Александровны.

Милостивый Государь,

Графъ Александръ Васильевичь!

По всемилостивѣйшему Ея Императорскаго Величества соизволенію, съ

удовольствіемъ препровождаю къ вашему Сіятельству, высочайше пожалованной дочери вашей вензель Ея Величества, съ глубочайшимъ почтеніемъ навсегда,

Вашего Сіятельства,
покорный слуга
9 Ноября, *Платонъ Зубовъ.*
1792 года.
С. Петербургъ.

28.

Рескриптъ о препорученіи войскъ, находящихся въ Екатеринославской губерніи, Тавридѣ и вновь пріобрѣтенной области.

Графъ Александръ Васильевичь! Препоручивъ въ начальство ваше войски, расположенныя въ Екатеринославской губерніи, Тавридѣ и во вновь пріобрѣтенной области, возлагаемъ на васъ и всѣ предположенныя для безопасности тамошнихъ границъ, и апробованныя Нами по проэктамъ Инженеръ-Маіора де Волане въ разныхъ мѣстахъ укрѣпленія, немедленно привесть къ исполненію, истребовавъ подлежащія свѣденія отъ Генералъ-Маіора и правителя Екатеринославскаго

намѣстничества Каховскаго касающія-ся какъ до апробованныхъ всему тому плановъ, такъ объ ассигнованной на то суммѣ и всѣхъ нужныхъ для того пособіяхъ. Мы совершенно полагаемся на усердіе, дѣятельность и искусство ваше, что все предположенное Нами къ обезпеченію тамошнихъ предѣловъ наилучшимъ образомъ и къ особливой Нашей благоугодности вами исполнено и устроено будетъ. Пребываемъ вамъ всегда доброжелательны

Екатерина.

Ноября 10 дня,
1792 года.

Копія, съ предписанія по сему предмету къ Г. Каховскому.

Господинъ Генералъ-Маіоръ и правитель Екатеринославскаго намѣстничества Каховской.

Препоручивъ войска, расположенныя въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ, Тавридѣ и вновь пріобрѣтенной области Нашему Генералу Графу Суворову-Рымникскому, возложили Мы на него же приведеніе во исполненіе всѣхъ предположенныхъ къ обезпеченію тамошнихъ предѣловъ, и апробо-

ванныхъ Нами по проектамъ Инженеръ-Маіора де Волана укрѣпленій; которому и имѣете вы, доставя по требованіямъ его всѣ принадлежащія до сего статьи, планы и свѣденія, преподавать во всѣмъ преписанныя вамъ отъ Насъ пособія, содѣйствуя общимъ вашимъ усердіемъ къ совершенію сего полезнаго для Государства дѣла, къ особливому Нашему благоволенію. Впрочемъ пребываемъ вамъ всегда благосклонны

Ноября 10 дня, 1792 года. Екатерина.

29.

Рескриптъ по случаю торжества объ мирѣ съ Оттоманскою портою, въ вознагражденіе.

Графъ Александръ Васильевичь!

Въ день мирнаго торжества, воспоминая заслуги и дѣла, которыми вы отличились, пожаловали Мы вамъ похвальную грамоту, съ прописаніемъ всѣхъ храбрыхъ подвиговъ, вами произведенныхъ, и воздвигнутыхъ вами оборонительныхъ зданій и укрѣпленій въ теченіи долговременнаго и навсегда знаменитаго вашего служенія, которая по изготовленіи и доставлена

вамъ будетъ. Во свидѣтельство же Нашей къ вамъ довѣренности и въ надѣяніи на знаніе и искуство ваши, ввѣряемъ вамъ одинъ третьяго класса крестъ ордена святаго Георгія побѣдоносца, да возложите оный по выбору вашему на того изъ отличившихся въ военномъ званіи и храбрости, котораго почтете достойнымъ. Сверхъ того, въ знакъ Монаршаго Нашего къ вамъ благоволенія, посылаемъ вамъ при семъ эполетъ и перстень алмазные, пребывая вамъ благосклонны

Екатерина.

Въ С. Петербургѣ,
Сентября 7 дня,
1793 года.

Извѣстіе.

Издатель сихъ писемъ и анекдотовъ не былъ щастливъ далѣе въ собраніи Высочайшихъ рескриптовъ и другихъ замѣчанія достойныхъ писемъ, которыхъ должно быть не мало въ разсужденіи войны съ бывшею Польшею и съ Французами въ Италіи, гдѣ себя Князь Италіянскій увѣнчалъ безсмертною славою. Нѣсколько до сего относящихся рескриптовъ и писемъ помѣщено будетъ въ слѣдующихъ отдѣленіяхъ.

СОБРАНІЕ ПИСЕМЪ

ОТЪ ИНОСТРАННЫХЪ КОРОНОВАННЫХЪ И ЗНАМЕНИТЫХЪ ОСОБЪ, РАСПОЛОЖЕННОЕ ПО ХРОНОЛОГИЧЕСКОМУ ПОРЯДКУ.

30.

Письмо Австрійскаго Генералъ-Фельдмаршала Принца Саксенъ-Кобургскаго.

Милостивый Государь мой!

Я недостаточенъ въ выраженіяхъ, любезнѣйшій другъ мой, чтобъ вамъ засвидѣтельствовать участіе, которое принимаю въ оказанной вамъ справедливости Его Величествомъ Императоромъ, въ пожалованіи вамъ на память табакерки, украшенной бриліантами, сопровождаемой письмомъ сего Государя, а мною сей часъ полученной изъ Вѣны съ курьеромъ, и которую я имѣю честь сообщить Вашему Превосходительству чрезъ старшаго при дежурствѣ Его Величества ординарца Г. Порутчика Раца.

Его Величество въ то же время присовокупить изволилъ бриліантовой перстень для Г. Полковника Золотухина.

Я слишкомъ надѣюсь на дружбу вашу, любезнѣйшій другъ мой, чтобы

не быть увѣрену въ томъ, что вы примете нѣкоторое участіе въ чести, которую Его Величество благоволилъ мнѣ оказать, возложа на меня орденъ Маріи Терезіи большаго креста. Господа Полковники Меццаро и Карачай произведены въ Генералы; Фишеръ, Кинмаіеръ и Кнатовской въ Подполковники.

Спѣшу обо всемъ ономъ васъ увѣдомить и повторить вамъ о безпредѣльныхъ чувствахъ дружества и отличнаго уваженія, съ которыми имѣю честь быть навсегда вашъ

всепокорнѣйшій и всенижайшій слуга

Принцъ Кобургской,

Генералъ.

Въ лагерѣ при Гарличани,
22 Августа, 1789 года.

31.

Рескриптъ Римскаго Императора Іосифа II, *при которомъ прислана въ подарокъ табакерка.*

Господинъ Генералъ-Аншефъ!

Я получилъ письмо ваше съ чрезмѣрнымъ удовольствіемъ, и въ ономъ увидѣлъ извѣщеніе объ славной побѣдѣ,

которую войски Ея Императорскаго Величества, подъ начальствомъ вашимъ, соединенно съ моими подъ предводительствомъ Принца Кобургскаго, одержали при Фокшанахъ. Принцъ Кобургской не можетъ довольно нахвалиться вами за благоразумное и храброе ваше вспомоществованіе, равномѣрно какъ и всего корпуса вашего; за что я вамъ особливо признателенъ. Прошу также отъ имени моего засвидѣтельствовать мою благодарность Господину Генералъ-Фельдмаршалу Князю Потемкину за ревностное препорученіе, которое вамъ предоставилъ. Я желалъ бы имѣть больше случаевъ доказать Ея Императорскому Величеству мое соучастіе, какъ ревностной и дѣятельной моей союзницѣ. И такъ, Господинъ Генералъ-Аншефъ, пребудьте несомнительны въ моемъ уваженіи, которое вы заслужили многими геройскими подвигами.

Іосифъ.

Лаксенбургъ,
Августа 13 дня,
1789 года.

32.

Письмо Принца Кобургскаго къ Генералъ-Аншефу Суворову изъ лагеря при Керлетели, по случаю присланнаго къ нему отъ Екатерины II *награжденія.*

Monsieur!

C'est avec un double plaisir, que je reçois le premier souvenir de votre incomparable Imperatrice par les mains de mon ami, au quel je dois le bonheur d'avoir vaincre les ennemis des illustres empires.

Permettez, mon sublime maitre, que je temoigne encore à votre exellence toute ma reconnoisance de la part glorieuse, que vous meritez de cette victoire et des suites fecondes qui en resultent.

Je ne regarderai jamais ce precieus souvenir de la plus grande Souveraine, sans penser en même tems à mon respectable ami, et a tout ce que je lui dois. J'ai l'honeur d'être —

du 4 Octobre,
1789.

Переводъ *).

Милостивой Государь мой!

Съ сугубымъ удовольствіемъ получилъ я первое напоминовеніе отъ вашей несравненной Императрицы чрезъ руки моего друга, которому обязанъ я щастіемъ побѣды надъ врагами обѣихъ свѣтлѣйшихъ имперій.

Позвольте, отличнѣйшій учитель мой, еще засвидѣтельствовать вамъ полное мое признаніе въ славномъ участіи, которымъ отличились вы въ сей побѣдѣ, и плодовитыхъ слѣдствіяхъ, отъ оной происходящихъ.

Я никогда не воззрю на сіе драгоцѣнное напоминовеніе съ стороны величайшей изъ Монархинь, не помысля въ тоже время объ моемъ почтеннѣйшемъ другѣ и о всемъ томъ, чемъ я ему обязанъ.

Я имѣю честь быть, — и проч.

Октября 4 дня,
1789 года.

---

*) Всѣ письма, которыхъ подлинники писаны на Французскомъ языкѣ, какъ къ Князю Италійскому, а паче имъ самимъ, будутъ здѣсь вносимы на томъ же языкѣ, съ приложеніемъ перевода. Письма сіи доказываютъ, съ какою легкостію могъ знаменитый Суворовъ объясняться и на языкѣ Французскомъ.

33.

Рескриптъ Римскаго Императора, извѣщающій Суворова о пожалованіи его въ Графское достоинство.

Господинъ Генералъ-Аншефъ!

Вы сами легко разсудите о удовольствіи, доставленномъ мнѣ извѣстіемъ о побѣдѣ, которую вы 22 Сентября при рѣкѣ Рымникѣ одержали надъ Визиремъ. Совершеннѣйше признаю, что я за оную одолженъ наипаче вашему скорому соединенію съ корпусомъ Принца Кобургскаго, какъ и вашей личной храбростіи и геройству войскъ Ея Императорскаго Величества, подъ начальствомъ вашимъ бывшихъ. Примите, какъ всенародный знакъ моей благодарности, дипломъ на Имперское Графское достоинство, у сего приложенный. Я желаю, чтобы чрезъ него потомство ваше незабвенно воспоминало объ семъ славномъ днѣ; и я несумнѣваюсь, чтобы по дружбѣ ко мнѣ и по благоволенію, которое вы заслуживаете, Ея Императорское Величество не позволила вамъ принять сего диплома и оный употреблять.

Впрочемъ будьте удостовѣрены, что есмь вамъ со уваженіемъ благосклонный

Вѣна, *Іосифъ.*
9 Октября,
1789 года.

34.

Рескриптъ Римскаго Императора Леопольда II, *въ отвѣтъ на письмо отъ Графа Суворова-Рымникскаго.*

Господинъ Генералъ-Аншефъ!

Ваше письмо отъ 15 Марта доставлено мнѣ было чрезъ Генералъ-Фельдмаршала Принца Кобургскаго. Чувства, которыми преисполнены вы были къ покойному Императору *Іосифу*, нашему любезнѣйшему брату, и которыя вы послѣ его высокопечальной кончины оказываете собственно мнѣ и пользѣ общественнаго дѣла, мнѣ весьма драгоцѣнны, и оныя пріемлю съ величайшимъ удовольствіемъ. Я удостовѣряю васъ чрезъ сіе письмо, Г. Генералъ-Аншефъ, что я желаю имѣть случай оказать вамъ мое благоволеніе и уваженіе.

Вѣна, *Леопольдъ.*
Маія 10 дня,
1790 года.

35.

Письмо Принца Кобургскаго прощальное, при отъѣздѣ его къ войскамъ въ Венгрію.

Милостивый Государь мой,

Графъ Александръ Васильевичь!

Я отѣзжаю въ слѣдующую пятницу къ новому начальству моему, въ Венгрію, и ни о чемъ столько при отъѣздѣ моемъ не сожалѣю, какъ о томъ, что еще далѣе разлученъ буду отъ васъ, моего достойнаго и почтеннаго друга. Я научился, любезнѣйшій Графъ, познать истинную цѣну великой души вашей: самоважнѣйшія обстоятельства связали первые узлы нашего дружества, и я находилъ въ каждомъ случаѣ причины удивляться вамъ, какъ герою, и обожать васъ, какъ человѣка изъ достойнѣйшихъ на земли.

Суди, безподобный наставникъ мой, сколько разлученіе съ человѣкомъ, котораго я любить и почитать имѣю столько права, для меня должно быть чувствительно! Отъ васъ самыхъ только я могу ожидать умягченія строгости судьбы моей продолженіемъ той же самой привязанности, которою вы меня до сихъ поръ удостоивали, и

прошу васъ съ наипоржественнѣйшимъ увѣреніемъ, что самыя частыя напоминанія съ стороны вашей о дружествѣ вашемъ необходимо нужны для благополучія моего.

Состояніе прощанія моего съ вами съ лишкомъ для меня прудно, чтобъ я могъ на ономъ остановиться; я ссылаюсь на собственныя ваши чувствованія, и ограничиваюсь только тѣмъ, чтобы увѣрить васъ, что съ самымъ нѣжнымъ расположеніемъ прошу васъ, сохранить ко мнѣ ту же самую привязанность, которая до сихъ поръ дѣлала услажденіе моей военной жизни. Надѣйся, любезной другъ взаимно, на безпредѣльную мою благодарность: ты будешь навсегда изъ любезнѣйшихъ друзей, которыми небо меня одарило, и никто не будетъ имѣть столько права на особливѣйшее высокопочитаніе, съ коимъ я имѣю честь быть,

Вашего Сіятельства,

Милостиваго Государя моего

всепокорнѣйшій и всенижайшій слуга

Принцъ Кобургскій.

Букарештъ,
Октября 13 дня,
1790 года.

36.

Второе письмо Императора Леопольда въ отвѣтъ на письмо Графа Суворова-Рымникскаго.

Вселюбезный Графъ Суворовъ!

Я никогда не позабуду важныя услуги, которыя вы оказали Нашему Императорскому дому въ теченіе настоящей войны, которая къ концу приходитъ. Я пріемлю съ особеннымъ удовольствіемъ письмо, полученное отъ васъ отъ 8 сего мѣсяца, тѣмъ паче, что удостовѣренъ въ нелицемѣрности чувствъ вашихъ и преданности. Вы можете быть совершенно увѣрены, что каждый случай мнѣ пріятенъ будетъ, гдѣ я могу оказать вамъ знаки особливаго моего къ вамъ расположенія, съ которымъ я есмь вамъ доброжелатель

Леопольдъ.

Вѣна,
Ноября, 25 дня,
1790 года.

37.

Письмо Принца Кобургскаго въ отвѣтъ Графу Суворову-Рымникскому.

Милостивый Государь мой!

Хотя письмо ваше отъ 9 Октября вчерась только мнѣ вручено было, но

мнѣ оное не менѣе пріятно, какъ доказывающее напоминаніе друга, котораго я почитаю, и который всегда желаетъ дѣлать меня соучастникомъ славы оружія его Государыни. И такъ приношу вамъ поздравленіе со всѣми полученными выигрышами недавно вашими войсками, не сумнѣваяся, что сіе много будетъ споспѣшествовать доброму миру, котораго я вамъ отъ всего сердца желаю. Я надѣюся, что нашъ миръ вскорѣ заключенъ будетъ; и какъ народъ Бельгской наконецъ при приближеніи войскъ нашихъ покорился, то есть надежда намъ наслаждаться плодами мира. Поелику я вскорѣ надѣюсь предпринять путешествіе на нѣсколько мѣсяцовъ къ моимъ роднымъ, то имѣю честь съ вами проститься и просить васъ объ продолженіи, даже въ разлукѣ, любезной вашей дружбы, какъ и я пребуду во всю мою жизнь со всевозможнымъ высокопочитаніемъ,

Милостивый Государь мой,

Вашего Сіятельства

нсенижайшій и всепокорнѣйшій слуга

Будъ, *Принцъ Кобургскій.*

Декабря 21 дня,

1790 года.

58.

Письмо отъ него же, съ поздравленіемъ о взятьѣ Измаила.

Милостивый Государь мой!

Съ неограниченнымъ удовольствіемъ получилъ я пріятное извѣстіе собственно отъ васъ о взятьѣ крѣпости Измаильской. Я тороплюсь принести вамъ съ тѣмъ мои чистосердечнѣйшія поздравленія. Да здравствуетъ герой Суворовъ и оружіе Екатерины! Дай Боже, чтобъ вы всегда были такъ щастливы; я приму въ томъ величайшее участіе. — Однакожь ... не безъ поревнованія, что не могу болѣе раздѣлять лавры съ вами, любезнѣйшій другъ мой. Я послѣ завтра ѣду въ Вѣну. Живите щастливы и довольны, и не забывайте друга, которой имѣетъ честь быть со всевозможнымъ уваженіемъ,

Вашего Сіятельства,
Милостиваго Государя моего,
всепокорнѣйшій слуга
Принцъ Кобургскій.

Будъ,
Января 9 дня,
1791 года.

39.

Письмо отъ него же, съ благодареніемъ за присылку плана Измаилу и подробной реляціи о взятьѣ сей крѣпости.

Милостивый Государь мой!

Гдѣ мнѣ найти довольно словъ для изъявленія вамъ чистосердечной моей благодарности за всѣ знаки уваженія и дружбы, которые вы мнѣ снова оказали почтеннымъ письмомъ вашимъ отъ 23 Декабря, со вложеніемъ плана Измаильскаго и подробной рѣляціи вашихъ подвиговъ, которыми я восхищенъ, какъ не льзя болѣе! Я думаю, смотря на планъ, что я самъ тутъ находился. Принцъ де Линь, которой уже сюда возвратился, увѣрилъ меня, что вы вступили въ ваши прежнія зимнія квартиры, когда я мечталъ видѣть васъ въ Браиловѣ, посылающаго Козаковъ, чтобы разсыпать конгрессъ Чистовской, столько для насъ бѣдоносный. И такъ живите щастливо и покойны, наслаждайтесь вашими лаврами и не забывайте друга, которой къ вамъ привязанъ по гробъ.

Вашего Сіятельства,

Милостиваго Государя моего,

Вѣна, всенижайшій слуга

Января 28 дня, *Принцъ Кобургскій.*

1791 года.

40.

Рескриптъ Короля Прусскаго, при которомъ онъ прислалъ оба свои ордены, въ 1794 году.

Высокопревосходительный и достолюбезный Генералъ Графъ Суворовъ!

По многимъ опытамъ извѣстны мнѣ усердіе и ревность къ службѣ отечества вашего и искуство въ воинскихъ дѣлахъ, кои сдѣлали во всей Европѣ славнымъ имя ваше. Я, имѣвъ уваженіе къ подвигамъ вашимъ столько неподражаемымъ и рвенію къ службѣ въ велѣніяхъ своей Монархини, удивляющей свѣтъ дѣлами, жалую васъ орденами Чернаго и Краснаго Орла, кои при семъ препровождаю и прошу возложить на себя, какъ знаки сего нелестнаго признанія къ славнымъ дѣламъ вашимъ.

Фридрихъ Вильгельмъ,
Король Прусскій.

Вѣнской кабинетъ въ 1799 году по смерти Принца Оранскаго, назначеннаго главнокомандующимъ въ Италіи, затруднясь на мѣсто его выборомъ и преодолѣвъ самолюбіе, рѣшился у Государя Императора Павла I требовать живущаго въ деревнѣ и въ отставкѣ Фельдмаршала Суворова. И какъ время не терпѣло, то и присланъ былъ отъ Римскаго Императора нарочный гонецъ. Прочитавъ письмо два раза, Императоръ Павелъ изволилъ мнѣ (*) сказать: *вотъ! Рускіе на все пригожаются; радуйся!* и взявъ перо, написалъ къ Фельдмаршалу Суворову слѣдующее:

41.

Высочайшій рескриптъ Императора Павла I.

Графъ Александръ Васильевичь!

Теперь намъ не время разчитаться. Виноватаго Богъ проститъ. Римской Императоръ требуетъ васъ въ началь-

---

(*) Такъ говоритъ Графъ Ѳедоръ Васильевичь Растопчинъ, сообщившій о семъ произшествіи и нѣсколько другихъ писемъ и анекдотовъ издателю Рускаго Вѣстника, (кои всѣ здѣсь будутъ помѣщены). Сей достопочтенный мужъ былъ тогда государственнымъ канцлеромъ.

ники своей арміи и вручаетъ вамъ судьбу Австріи и Италіи. Мое дѣло на сіе согласиться, а ваше спасти ихъ. Поспѣшите пріѣздомъ сюда, и не отнимайте у славы вашей время, а у меня удовольствія васъ видѣть. Пребываю вамъ доброжелательнымъ

Павелъ.

Съ симъ письмомъ отправленъ былъ Г. Адъютантъ Толбухинъ. Графъ Александръ Васильевичь получа оное, пошелъ въ церковь, отпѣлъ молебенъ, занялъ у старосты своего на прогоны денегъ, пріѣхалъ въ С. Петербургъ, и оттуда отправился доказывать Французамъ въ отчизнѣ древнихъ Римлянъ, что такое Руской Суворовъ.

42.

Высочайшій рескриптъ Императора Павла I *при отправленіи его для начальствованія войсками въ Италіи.*

Господинъ Генералъ-Фельдмаршалъ Графъ Суворовъ-Рымникскій!

Отправляя васъ по требованію вѣрнаго союзника Нашего Римскаго Императора и сходственно съ желаніемъ Нашимъ для предводительства вой-

сками, подъ начальствомъ Эрцгерцога Іосифа, Палатина Венгерскаго, назначенными въ Италію дѣйствовать противъ Французовъ, предоставляемъ вамъ право, когда вы нужнымъ признаете, требовать числа войскъ Нашихъ, относясь лично къ Намъ.

Впрочемъ подвиги ваши, усердіе и вѣра всѣмъ извѣстны; продолжайте съ Богомъ, и врагъ блага общаго вами же пораженъ будетъ. Пребываю вамъ благосклоннымъ

Павелъ.

Февраля 17 дня,
1799 года.

Примѣчаніе.

Издатель не имѣлъ случая получить копій съ другихъ рескриптовъ сего Монарха къ Генералъ Фельдмаршалу Графу Суворову-Рымникскому, который отъ сего Государя пожалованъ Княземъ Россійскимъ, съ наименованіемъ Италійскаго. Отъ Его же Величества получилъ онъ орденъ Св. Іоанна Іерусалимскаго большаго креста, отдаваніе почестей подобно отдаваемымъ особѣ Государевой и чинъ Генералиссимуса всѣхъ Россійскихъ войскъ. Съ другой

стороны Король Сардинскій пожаловалъ его Генералиссимусомъ своихъ армій и возвысилъ въ достоинство Принца, принадлежащаго къ Королевскому дому, и въ достоинство Вельможи Короны. При всѣхъ сихъ случаяхъ рескриптамъ къ нему и отзывамъ отъ него должно быть любопытнымъ. Издатель сіе замѣчаетъ для другихъ, кои предпріимутъ издать въ послѣдствіи полное собраніе писемъ и анекдотовъ, относящихся до жизни покойнаго Князя Италійскаго, Графа Суворова-Рымникскаго: поелику такое полное собраніе очень полезно для исторіи и любопытно въ разсужденіи сего великаго мужа, который въ жизни всѣхъ побѣждалъ, но самъ никогда и никѣмъ побѣжденъ не былъ.

СОБРАНІЕ РАЗНЫХЪ ПИСЕМЪ
Князя Италійскаго и къ нему писанныхъ, о времени которыхъ, когда оныя писанны, утвердить не можно.

43.

Письмо отъ Графа Суворова-Рымникскаго къ Князю Григорью Александровичу Потемкину.

— Не думалъ я, чтобъ гнѣвъ вашей свѣтлости такъ далеко простирался; во всякое время я старался оный утолять моимъ просподушіемъ. Изреченіе къ Пайсару отпадаетъ на меня. Велика ли та вина, хотя бы три морскихъ офицера на мой спросъ въ неважномъ примѣрномъ счетѣ ошибались? Удаленіе отъ познанія наводитъ важную неизвѣстность.— Вотъ легкомысліе! я хочу видѣть племянника; вы до него милостивы! я не знаю! услыша тотчасъ обращаю; но и по поступокъ не службы. Изволите помнить, Сергей Лаврентьевичь какой мой пріятель, и онъ могъ здѣсь на меня поднять. . . . Онъ при васъ шутитъ мною. Здѣсь меня не почитаютъ. Невинность не терпитъ оправ-

даній. Знаю прочихъ. Всякой имѣетъ свою систему: такъ по службѣ я имѣю мою; мнѣ не переродиться, и поздно! — Свѣтлѣйшій Князь! успокойте остатки моихъ дней. Шея моя не оцараплена, но чувствую сквозную рану, и она не пряма; корпусъ изломанъ, чувствую прежнія раны; такъ не длинны тѣ дни — — Я Христіанинъ; имѣйте человѣколюбіе. Ежели вы не можете побѣдить вашу немилость, то удалите меня отъ себя; на что вамъ сносить отъ меня малѣйшее безпокойство? Есть мнѣ служба въ другихъ мѣстахъ по моей практикѣ, по моему степени. Но милости ваши, гдѣ бы я ни былъ, вездѣ помнить буду. Въ неисправности же моей готовъ стать предъ престолъ Божій! Остаюсь съ глубочайшимъ почтеніемъ — и проч.

На сіе письмо надлежало быть важному отъ Князя Потемкина отвѣту: поелику вскорѣ слѣдовало отъ Графа нижеприложенное, къ тому же относящееся письмо:

44.

Боже мой! какъ я обезпокоилъ вашу свѣтлость, моего благодѣтеля! Скромность, притворство, своенравіе, твердость, упрямство, равносильны; это разумѣть изволите: общій порокъ человѣчества; на него для меня тóлкъ пятой заповѣди. По естеству или случаямъ одинъ способенъ къ пєрвой ролѣ, другой ко второй; не въ своей испортятъ обѣ. Воинскіе законы: руководство, щастіе отъ ихъ правилъ. *Пизандръ* былъ лживъ и льстивъ: *Агезилай* сдѣлалъ его Гевалдигеромъ. *Лаудонъ*, добрый человѣкъ, взялъ шуткою Дубицу. Кто у васъ отнимаетъ, свѣтлѣйшій Князь! Вы великій человѣкъ; вы начальникъ начальниковъ, вы говорите: ихъ слава, ваша слава; ктожъ изъ насъ за нею бѣгаетъ, она бѣжитъ отъ того; а истинная благосклонна одному достоинству. Милостивый государь! добродѣтель всегда гонима; покровительство ближе всѣхъ къ вамъ; вы вѣчны, мы кратки: оному я себя поручаю съ глубочайшимъ почтеніемъ.

Александръ Суворовъ.

45.

Письмо Принца де Линь, Генерала Австрійскаго къ Графу Суворову.

Любезный мой братъ Александръ Филиповичь (*)! любезный зять Карла XII, любезный племянникъ рыцаря Баярда (**), потомокъ де Блуаза и Монлюка (***)! Ты заставилъ меня проливать слезы чувствительности и удивленія: надѣюсь съ тобою же вмѣстѣ проливать и кровь невѣрныхъ баталіономъ каре, который никогда не остается пустъ, ибо всегда будетъ наполненъ твоею благоразумною храбростію. Увидишь меня подражателемъ тебѣ, сколько возмогу, обнимая тебя отъ всего сердца, подражателемъ славѣ Императрицы нашей, нашего Князя, нашей съ тобою собственной.

(*) Принцъ де Линь былъ другомъ Графу Суворову; онъ всегда называлъ его Александромъ Македонскимъ, сыномъ Филипповымъ, и отчество *Филиповичь*, поставилъ въ письмѣ своемъ вмѣсто Македонскаго.

(**) Знаменитый воинъ Франциска I, Короля Французскаго.

(***) Храбрые полководцы, бывшіе при Генрихахъ III и IV, Короляхъ Французскихъ.

Уповательно, что скоро будетъ еще чемъ похвалиться. Ты оправдалъ мою догадку, любезный сотоварищъ, когда слушалъ слова людей, что они говорили о тебѣ. Кажется мнѣ, что могу подобнаго ожидать и отъ тебя: нѣсколько дружбы ко мнѣ во мзду наижарчайшаго моего къ тебѣ приверженія. —

46.

Отвѣтъ на сіе письмо Графа Суворова-Рымникскаго.

Любезный мой дядя! отрасль крови Юлія Кесаря, внукъ Александровъ, правнукъ Іисуса Навина! — Никогда не прервется мое къ тебѣ уваженіе, почтеніе и дружество; являюся подражателемъ твоихъ доблестей героическихъ. Съ радостію, съ обычайнымъ нашимъ хладнокровіемъ, при содѣйствіи силы, оросимъ мы плодоносныя поля кровію невѣрныхъ, которою покроется она такъ, что послѣ ничего уже на ней расти не будетъ. Толстый и плотный баталіонъ каре, развернутый фалангою, рѣшитъ судьбу; щастіе поможетъ намъ. Поженемъ колонну огромную и колыхающуюся, подобно какъ бы уда-

ряло во оную великое стѣно-бойное орудіе. Во врагахъ, въ которыхъ душа оставила тѣло послѣдняго изъ Палеологовъ (*), будетъ нашъ верхъ. Тамъ то заключу я тебя въ моихъ объятіяхъ и прижму къ сердцу, воскликнувъ: я говорилъ, что ты увидишь меня мертвымъ или побѣдоноснымъ. Слава обоихъ нашихъ Юпитеровъ, Сѣвернаго и Западнаго, и Антуанеты (**) подобной Юнонѣ, обоихъ Князей нашихъ (***), и собственная наша съ тобою слава, какъ нѣкій громъ, наполнитъ насъ мудростію и мужествомъ. Клевретъ знаменитый, имѣющій чистое сердце, чистый умъ! Ты Сюлли великаго Іосифа! Марсъ родитель твой; Минерва родила тебя; обожаютъ тебя Нимфы Циперскія; вну-

---

(*) *Константинъ Палеологъ*, послѣдній Греческій Кесарь, убитъ во врагахъ градскихъ, при взятьѣ Константинополя Магометомъ II, Султаномъ Турецкимъ въ лѣто 1453.

(**) Бывшая нещастная Королева Французская.

(***) Надобно заключать, что Графъ подъ симъ разумѣлъ Князя Потемкина и Принца Кобургскаго, и для того письму сему должно быть писаннымъ въ 1789 или въ 1790 году.

тренніе изгибы сердца твоего устроены токмо для вмѣщенія чести, славы, прочныя владычицы вселенной. Ты, какъ осторожный Улиссъ, преданный великому Іосифу, какъ великодушный левъ укротишъ невѣрныхъ. Страна Бельгская усердствуетъ къ тебѣ: ты ея опора, ты будешь для ней соединителемъ между ею и престоломъ; имя твое сопровождаться будетъ отъ столѣтія къ столѣтію; самыя судьбы участвовать въ томъ станутъ. Провидѣніе попечется о продолженіи лѣтъ твоихъ —

Г. А. Суворовъ-Р.

47.

Письмо Фельдмаршала Графа Суворова-Рымникскаго, писанное на Французскомъ языкѣ къ Павлу Николаевичу Скрыпицыну (*).

Mon adorable Павелъ Николаевичъ!

Vous voiez la copie d'un avis a un de mes amis, né la campagne passée au milieu des célébres victoires,

---

(*) *Павелъ Николаевичъ Скрыпицынъ*, по дружеской связи съ роднымъ дядею его Николаемъ большимъ Ѳедоровичемъ Скрыпицынымъ у Графа Суворова, былъ съ малолѣтспива его любимцемъ; при немъ

remportées par son pêre, et baptisé en mon nom. Le Hêros mentionne est tres hardi sans fougue, célere sans brusquerie, actif sans etourderie, subordonné sans souplesse, chef sans suffisance, vainqueur sans vanité, ambitieux sans fierté, noble sans orgueil, aise sans duplicité, ferme sans opiniatreté, discret sans dissimulation, solide sans pédantisme, agrèable sans frivolité, uni sans melange, disposé sans artifice, pénétrant sans ruse, sincere sans bonhommie, affable sans détours, serviable sans interét; resolu, fugant l'incertitude, il préfére le jugement à l'esprit, ennemi de l'envie, haine et vengeance, il abbat ses antagonistes par le bonté et domine ses amis par sa fidelité; il fatigue son corps pour le renforcer, et est maitre de la pudeur et de la continence; sa morale est la religion, ses vertus sont celles des grands hommes, plein de candeur; il meprise le mensonge, droit par caractére, il culbute la fausseté, son commerce n'est qu' avec les gens de bien, l'honeur et

---

началъ онъ воинскую службу и находился во время низложенія Польши. Графъ всегда отзывался довольнымъ его поведеніемъ, рвеніемъ къ службѣ и храбростію. Часто самъ преподавалъ ему наставленія въ воинскомъ искуствѣ (чему доводомъ и письмо сіе) и говаривалъ, что изъ него выдетъ добрый воинъ. Однакожъ послѣ завоеванія Польши усмотрѣвъ въ немъ слабое здоровье, еще больше разстроившееся отъ воинскихъ трудовъ въ самыхъ молодыхъ еще лѣтахъ, самъ принудилъ его итти на покой и отставилъ съ награжденіемъ маіорскаго чина.

l'honneteté sont ses partages: il est chéri de son maitre et de l'armée, tout lui est devoué, et est a lui pleine de confiance; un jour de battaille ou de marche il pese les objects, il arrange les mesures et le resigne pleinement en la providence Divine; il ne se laisse jamais gouverner par le torrent des circonstances, mais il se soumet au événemens, agissant par les regles de se prevoiance infatigable a tous moments.

Voila copie du lettre.

Mon cher fils Alexandre!

Comme homme militair, etudiés bien un Vauban, un Coughorn, un Curas, un Hübner, un peu de theologie, de phisique et de morale; lisez bien Eugene, Turenne, les commentaires de Cezar, Frideric II, les premiers tomes de Rollin avec suite et C. de Saxe; les langues sont pour la litterature; dansés, montés et tournés un peu des armes. Les vertus militaires sont bravoure au soldat, courrage a l'officier, valeur au général, mais guidés par les principes d'ordre et discipline; domine par la vigilance et la prevoyance. Soiés franc avec vos amis, temperé dans vôtre necessaire et desinteressé dans votre conduite: porte un zele ardent pour le service de votre Souverain, aimez la vraie gloire, distingués l'ambition de la fierté et de l'orgueil, apprenés de bon heure à pardoner les fautes d'autrui, et ne vous pardonnés jamais les votres; exercés bien vos soldats, et donnés leur exemple par vous même. L'etude permanente du coup d'oeil seul vous rendra grand général. Sachez profiter des situation locales; soiés patient dans les travaux militaires, ne vous laissés pas abbatre par les revers, prevenés des objets vrais, doutes et faux; ne vous

laissés pas surprendre par une fougue deplacée. Conserve dans votre memoire les noms des grands hommes, et suives les dans vos marches et vos operations avec prudence: ne meprisez jamais votre ennemi quel qu'il soit, et connoisse bien ses armes, sa maniere de s'en servir et de combatre; sachez ses forces et ses foiblesses. Habitués vous a une activité infatigable, gouvernés la fortune, c'est le moment qui donne la victoire; maitrisés le par la celerité de Cezar, qui savoit si bien surprendre ses ennemis, même en plein jour, le tourner et les attaquer aux endroites ou il vouloit et a quel tems, sans y laisser obliger leur couper les vivres et les fourages, et edudiés l'art de ne faire jamais manquer de subsistance a vos troupes. Que Dieu vous éléve a l'heroïsme de célebre Karatschay!

Переводъ.

Милый мой Павелъ Николаевичь!

Посылаю тебѣ копію съ наставленія, писаннаго къ одному изъ моихъ друзей, родившемуся въ прошлую кампанію среди знаменитыхъ побѣдъ, одержанныхъ его отцемъ, и который при крещеніи нареченъ моимъ именемъ. Упомянутый ирой весьма отваженъ, но безъ запальчивости; скоръ безъ опрометчивости; расторопенъ съ разсужденіемъ; подчиненъ безъ униженія; начальникъ безъ кичливости; побѣди-

тель безъ тщеславія; любочестивъ безъ надменности; благороденъ безъ гордости; ласковъ безъ лукавства; твердъ безъ упорства; скроменъ безъ притворства; основателенъ безъ педанства; пріятенъ безъ легкомыслія; единственъ безъ подмѣси; искателенъ безъ ухищренія; проницателенъ безъ пронырства; откровененъ безъ оплошности; привѣтливъ безъ околичностей; услужливъ безъ всякихъ для себя выгодъ; рѣшителенъ; убѣгаетъ неизвѣстности; основательное разсужденіе предпочитаетъ остроумію. Бывъ врагомъ зависти, ненависти и мщенію, противниковъ своихъ низлагаетъ только своимъ снисхожденіемъ и владычествуетъ надъ друзьями одною своею вѣрностію. Онъ упомляетъ тѣло свое, чтобы укрѣпить оное больше; управляетъ стыдливостію и воздержаніемъ; религія служитъ ему въ нравоученіе; его добродѣтели суть добродѣтели мужей великихъ. Исполненъ бывъ чистосердечія, гнушается онъ ложью, и бывъ врожденно праводушенъ, попираетъ каждое лукавство. Онъ знакомъ и обходится съ одними только людьми добрыми; честь и честность со-

ставляютъ особенно его качества. Онъ любезенъ своему Государю и всему войску: всѣ ему преданы съ полною довѣренностію. Въ день сраженія или похода онъ развѣшиваетъ съ точностію всѣ предметы, распоряжаетъ мѣры, и совершенно препоручаетъ себя промыслу Вышняго. Онъ никогда не попускаетъ увлекать себя стеченію обстоятельствъ; напротивъ покоряетъ себѣ всѣ случаи, всегда дѣйствуя по правиламъ своей прозорливости, на каждое мгновеніе неутомимой.

Слѣдуетъ копія съ письма.

Любезный мой крестникъ Александръ!

Какъ человѣкъ военный упражняйся съ прилѣжаніемъ въ чтеніи Вобана, Кугорна, Кураса, Гибнера; будь знающимъ нѣсколько въ богословіи, физикѣ и нравственной философіи; читай со тщаніемъ Евгенія, Тюреня, записки Юлія Кесаря, Фридриха II, первыя части Ролленевой Исторіи и Графа Сакса; знаніе языковъ предоставлено ученымъ; танцуй, учись верховой ѣздѣ и фектовальному искуству. Достоинства военныя суть: храбрость для солдата, бодрствіе для офицера,

мужество для Генерала; но оныя должны быть руководствуемы правилами порядка и строгости, а управляемы неусыпностію и прозорливостію. Будь чистосердеченъ съ твоими друзьями, умѣренъ въ своихъ нуждахъ и безкорыстенъ въ своемъ поведеніи. Къ службѣ своего Государя являй пламенную ревность; люби истинную славу; отличай любочестіе отъ надменности и гордости. Учись заблаговременно прощать погрѣшности ближняго и никогда не прощай оныхъ въ самомъ себѣ. Упражняй тщательно своихъ подчиненныхъ и во всемъ подавай имъ примѣръ собою. Непрестанный навыкъ все обнимать единымъ взглядомъ содѣлаетъ тебя великимъ Генераломъ. Умѣй пользоваться положеніемъ мѣста, будь терпѣливымъ въ трудахъ военныхъ, не унывай въ нещастіи, предупреждай предметы истинные, сумнительные и ложные, остерегайся безвременной запальчивости. Храни въ памяти своей мужей великихъ и съ благоразумiемъ подражай имъ въ своихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Никогда не презирай своего непріятеля, каковъ бы онъ ни былъ; старайся знать его

оружіе и способъ, какъ онымъ дѣйствуетъ и сражается; старайся узнать, въ чемъ онъ силенъ и въ чемъ слабъ. Приучай себя къ неутомимой дѣятельности, повелѣвай щастію; и когда одна минута вѣнчаетъ побѣдою, покоряй себѣ оное быстростію Кесаревою, который столько хорошо умѣлъ нечаемо нападать на своихъ непріятелей даже среди бѣлаго дня, приводить въ смятеніе и нападать въ томъ мѣстѣ, гдѣ только желалъ, и въ такое время, когда хотѣлъ, не стараясь пресѣкать онымъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ и фуража; и старайся быть искуснымъ въ томъ, чтобъ твоему войску не было недостатка въ пропитаніи. Да возвыситъ тебя Богъ до иройства знаменитаго Карачая. *Суворовъ.*

48.

Письмо отъ Графа Суворова-Рымникскаго къ Тимофею Ивановичу Тутольмину, извѣщающее о побѣдѣ, взятьѣ Косціюшки и проч.

Милостивый Государь мой Тимофей Ивановичь!

Поспѣшаю увѣдомить Ваше Превосходительство о знаменитой побѣ-

дѣ, одержанной Генералъ-Маіоромъ Денисовымъ съ его отдѣленною частью войска надъ главнымъ бунтовщикомъ Косцюшкою въ 29 день Сентября при замкѣ Мушковскомъ, на правой сторонѣ Вислы. Непріятель, бывшій въ девяти тысячахъ, съ 22 пушками, упорно сражался 7 часовъ; но потерпѣлъ совершенную гибель, и самъ Косцюшко въ тяжелыхъ ранахъ, съ Генералами Каминскимъ и Сераковскимъ и всею артиллеріею достался въ наши руки.

Пребываю впрочемъ съ совершеннымъ почитаніемъ и преданностію,

Милостивый Государь мой,

Вашего Превосходительства

покорный слуга

Г. А. Суворовъ-Рымникскій.

Октября 4 дня,
1794 года.
Бржецкъ.

P. S. Отколь отправился къ Варшавѣ 7 числа.

49.

Письмо Графа Суворова къ Баккалавру Кострову, которымъ въ стихахъ отвѣчаетъ на присланную къ нему эпистолу отъ 3 Апрѣля 1795 года изъ Варшавы.

Христосъ Воскресъ!

Милостивый Государь мой,
Ермилъ Ивановичь!

Въ священный мудрые водворены бывъ логъ,
Ихъ смертныхъ просвѣщать есть особливый долгъ;
Когдажъ оставятъ свѣтъ, дѣла ихъ возвышаютъ,
Къ ихъ доблести другихъ примѣромъ ободряютъ.
Я въ жизни пользуюсь, чемъ ты меня даришь,
И обожаю все, что ты въ меня вперишь.
Къ услугѣ общества, что мнѣ недоставало,
То наставленіе твое въ меня вліяло:
Воспоминаю я, что были Юлій, Титъ;
Ты къ нимъ меня ведешъ, изящнѣйшій Піитъ.
Виргиліи, Гомеръ, о! естьли бы возстали,
Для превосходства бы твой важный слогъ избрали.

Милостивый Государь мой,
Вашего Высокоблагородія
покорнѣйшій и преданнѣйшій слуга
Графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій.

Слабое приношеніе за эпистолу Ермилу Ивановичу Кострову, Баккалавру Московскаго Университета.

Примѣчаніе.

Сія эпистола и другіе нѣкоторые стихи приложены будутъ послѣ анекдотовъ.

50.

Письмо Его Высокопревосходительства Гаврїила Романовича Державина, при которомъ прислалъ поздравительные стихи на покореніе Польши, и отвѣтъ на оное Графа Александра Васильевича.

Милостивый Государь!

Преисполненъ будучи истинной любви къ отечеству, почтенія ко всему тому, что называется мужество или доблесть, уваженія къ громкой славѣ Россіянъ, обожанія къ великому духу нашей Государыни, беру смѣлость поздравить ваше сіятельство и сотрудниковъ вашихъ съ толико знаменитыми и быстрыми побѣдами. Ежелибъ я былъ піитъ, обильный такими дарованіями, которыя могутъ что либо прибавлять къ громкости дѣлъ, ле именно героевъ, то бы я васъ избр

моимъ и началъ бы пѣть такимъ образомъ:

Пошелъ — и гдѣ пристаты, злобы?
Чему коснулся, все сразилъ;
Поля и грады спали гробы,
Шагнулъ — и царспва покорилъ. — (*)

Но какъ ненадежность на мой талантъ удерживаетъ меня пуспиться въ сіе ристалище чести, ибо достойно воспѣть героевъ надобенъ ихъ же духъ, то между тѣмъ прося Вашего Сіятельства о благосклонномъ приняпіи сего моего искренняго и патріотическаго поздравленія, въ молчаніи съ особливымъ высокопочитаніемъ и глубокою преданностію пребываю — и проч.

Отвѣтъ на сіе отъ Графа Александра Васильевича.

Милостивый Государь мой,
Гавріилъ Романовичъ!

Простите мнѣ, что я на сей разъ чувспвуя себя утомленнымъ, не буду вамъ отвѣтствовать такъ, какъ громкій лирикъ, но въ простотѣ солдатскаго сердца моего излію чувспвія души своей.

(*) Смотри въ сочиненіяхъ Гавріила Романовича Державина.

Царица сѣверомъ владѣя,
Предписываетъ всѣмъ законъ,
Въ десницѣ жезлъ судьбы имѣя,
Вращаетъ сферу безъ препонъ;
Она свѣтилы возжигаетъ,
Она и меркнуть имъ велитъ,
Чрезъ громы гнѣвъ свой возвѣщаетъ,
Чрезъ тихость благость всѣмъ явитъ.
Героевъ Росскихъ мощны длани
Ея велѣнья лишь творятъ,
Речетъ: вселенная заплатитъ дани;
Глаголъ Ея могущественъ и святъ.
О! вы Варшавскіе калифы,
Какую смерть должны пріять!
Предъ кѣмъ дерзнули быть строптивы?
Не должноль мстить вамъ и карать? — —
Ахъ! сродноль Той прибѣгнуть къ мщенью,
Кто вѣкъ свой милости творитъ!
Карать оставя Провидѣнью,
Сама какъ солнце возблеститъ,
Согрѣя всѣхъ лучемъ щедроты.
Се Царь, иль Богъ! . . . исполненный доброты.

Щастливъ витія, могущій воспѣть доспойно дѣянія толико мудраго, кроткаго, человѣколюбиваго, сѣдящаго на тронѣ божества. Вы имѣя талантъ, не косните вступить на сіе

поприще; слава ожидаетъ васъ; Гомеры, Мароны, Оссіяны и всѣ доселѣ славящіеся витіи умолкнутъ предъ вами; пѣсни ваши, какъ важностію предмета, равно и красотою искуства, возгремятъ въ наипозднѣйшихъ временахъ, плѣняя душу, сердце и разумъ.

Парнасскій юноша на лирѣ здѣсь играетъ,
Имянникъ Князя, музъ, достойный сынъ
сплетаетъ.
Какъ Майковъ! возрастетъ, онъ усыпитъ сиренъ,
Попретъ онъ злобы ковъ . . . . правъ имъ ты,
Демосѳенъ.

Вѣнчаю себя милостьми вашего превосходительства въ тріумфѣ моей къ вамъ преданности. Чистѣйшая моя къ особѣ вашей дружба не изчезнетъ, и пребуду до гроба моего съ совершеннѣйшимъ почтеніемъ,

вашего превосход. и проч.

Декабря 21 дня,
1795 года.
Варшава.

51.

Прозьба Графа Александра Васильевича о увольненїи его въ Нилову Пустынь.

Всепресвѣтлѣйшій Державнѣйшій, Великій Монархъ!

Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйше прошу позволить мнѣ отбыть въ Нилову Новогородскую пустынь, гдѣ я намѣренъ окончить мои краткіе дни въ службѣ Богу. Спаситель нашъ одинъ безгрѣшенъ. Неумышленности моей прости, милосердый Государь. Повергаю себя къ священнѣйшимъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества,

Всеподданнѣйшій богомолецъ, Божій рабъ, *Графъ Александръ Суворовъ-Рымникскїй.*

Примѣчанїе. Сіе письмо подавано было, какъ надобно заключать въ 1798 году.

52.

Письмо Гжи Синицкой къ Графу Александру Васильевичу о предстательствѣ за сына ея, сосланнаго въ Сибирь.

Сіятельнѣйшій Графъ,

Милостивый Государь!

Семдесять лѣтъ живу на свѣтѣ; шестнатцать взрослыхъ дѣтей схо-

ронила; семнадцатаго, послѣднюю мою надежду, молодость и запалчивый нравъ погубили: Сибирь и вѣчное наказаніе доспались ему въ удѣлъ; а гробъ для меня еще не отворился.... Государь милосердъ, Графъ Рымникской милостивъ и сострадателенъ: возврати мнѣ сына и спаси отчаянную

Мать Лейбгранадерскаго полка Капитана *Синицкаго.*

Отвѣтъ на сіе письмо отъ Графа.

Милостивая Государыня!

Я молиться Богу буду, молись и ты, и оба молиться будемъ мы. Съ почтеніемъ пребуду — и проч.

Примѣчаніе.

Чрезъ нѣсколько времени Графъ, нашедъ удобный случай, испросилъ у Государя прощеніе Синицкому.

53.

Два письма Графа Александра Васильевича, писанныхъ изъ Италіи къ Графу Ѳедору Васильевичу Растопчину.

Послѣ побѣды, одержанной надъ Французами подъ Нови, прислалъ онъ къ Графу Ѳедору Васильевичу съ Г.

Полковникомъ Кушниковымъ слѣдующее письмо. Точки, въ немъ означенныя, точно такъ находятся и въ подлинникѣ.

„Руской Богъ великъ . . . . охаютъ Французы, усмѣхаются Цесарцы .... а здѣсь хотя и побѣдно, но тяжело..... Наши лучше не льзя; Цесарцы долго равняются; Французы горячи; имъ жарко: побили ихъ много, сберечь трудно..... И въ Англіи мною довольны, и шифръ мой на праздникахъ, и Семенъ Романычь (*) меня хвалитъ!..... а у меня чулки спустились. (**) Кушниковъ храбръ, бодръ, говоритъ языками и все знаетъ ..... Лучше бы было безъ тактики и практики..... Политика, критика, Тугутъ, директорія, Лондонъ, Потсдамъ ..... Боже сохрани ..... и васъ и супругу вашу.“

Послѣ перехода чрезъ Швейцарскія горы писалъ онъ къ нему же Графу Растопчину слѣдующее:

(*) Графъ Воронцовъ, бывшій въ то время Посланникомъ въ Англіи!

(**) Князю Александру Васильевичу можетъ быть чрезъ то хотѣлось напомянуть о орденѣ *подвязки*.

„Пришелъ въ Биллинцопъ (*) ..... Нѣтъ лошаковъ, нѣтъ лошадей, а есть Тугутъ, и горы и пропасти ..... но я не живописецъ, пошелъ и пришелъ ..... Видѣли и Французовъ, но всѣхъ спустили ..... холоднымъ ружьемъ ..... по колѣно въ снѣгу ..... Массена проворенъ, не успѣлъ. ..... Каменской молодой (**) молодъ, но старъ больше, чемъ Г-нъ Маіоръ ..... а подъ Цирихомъ дурно, и Лаватера ранили ..... Цесарцы подъ Мангеймомъ; (***) Тугутъ вездѣ, Гоцъ нигдѣ (****) ..... Геройство побѣждаетъ храбрость; терпѣніе скорость; разсудокъ умъ; трудъ лѣнь; исторія газеты ..... Готовъ носить Марію Терезію: у меня и шакъ на плѣчахъ много сидитъ. ..... Караулъ! ..... ура! ..... я Руской, вы Рускіе. .....

(*) Мѣсто собранія лошаковъ и лошадей для перехода арміи въ Швейцарію.

(**) Графъ Николай Михайловичь.

(***) Куда Цесарская армія пошла изъ Швейцаріи.

(****) Гоцъ убитъ въ Швейцаріи.

СОБРАНІЕ ПИСЕМЪ

Князя Италійскаго, писанныхъ въ разное время къ дочери его Графинѣ Натальѣ Александровнѣ, отчасти когда она была еще въ Смольномъ монастырѣ, частью же въ супружествѣ за Графомъ Николаемъ Александровичемъ Зубовымъ.

54.

Кинбурнѣ, ч. 20 Декабря, 1787 года.

Любезная Наташа!

Ты меня порадовала письмомъ отъ 9 Ноября; больше порадуешь, какъ на тебя надѣнутъ бѣлое платье, и того больше, какъ будемъ жить вмѣстѣ. Будь благочестива, благонравна, почитай свою матушку Софью Ивановну; или она тебѣ выдеретъ уши, да посадитъ за сухарикъ съ водицею. Желаю тебѣ благополучно препроводить святки; Христосъ Спаситель тебя соблюди новой и многіе годы! Я твоего прежняго письма не читалъ за недосугомъ: отослалъ къ сеспирѣ Аннѣ Васильевнѣ. У насъ были драки сильнѣе, нежели вы деретесь за волосы; а какъ въ правду потанцовали, въ боку пушечная картечь, въ лѣвой рукѣ отъ пули дырочка, да подо мной лошади мор-

дочку отстрѣлили: насилу часовъ чрезъ восемь отпустили съ театру въ камеру. Я теперь только что возвратился; выѣздилъ близь пяти сотъ верстъ верхомъ, въ шесть дней, и не ночью. Какъ же весело на Черномъ морѣ, на Лиманѣ! вездѣ поютъ лебеди, утки, кулики; по полямъ жаворонки, синички, лисички, а въ водѣ стерледи, осетры, пропасть! Прости, мой другъ Наташа; я чаю ты знаешь, что мнѣ моя матушка Государыня пожаловала Андрѣевскую ленту за вѣру и вѣрность. Цѣлую тебя. Божье благословеніе съ тобою.

Отецъ твой *Александръ Суворовъ.*

55.

Кинбурнъ, ч. 18 Марта, 1788 года.

Милая моя Суворочка!

Письмо твое отъ 31 числа Генваря получилъ; ты меня такъ утѣшила, что я по обычаю моему отъ утѣхи заплакалъ. Кто-то тебя, мой другъ, учитъ такому красному слогу, что я завидую, чтобъ ты меня не перещеголяла. Милостивой Государынѣ Софьѣ Ивановнѣ мое покорнѣйшее почтеніе! О! айда Суворочка, какъ же у насъ

много полеваго салата, птицъ, жаворонковъ, сперледей, воробьевъ, полевыхъ цвѣтковъ! Морскія волны бьютъ въ берега, какъ у васъ въ крѣпости изъ пушекъ. Отъ насъ слышно, какъ въ Очаковѣ собачки лаютъ, какъ пѣтухи поютъ. Куда бы я, матушка, посмотрѣлъ теперь тебя въ бѣломъ платьѣ! Какъ-то ты растешь! Какъ увидимся, не забудь мнѣ разсказать какую нибудь пріятную исторію о твоихъ великихъ мужахъ въ древности. Поклонись отъ меня сестрицамъ. Благословеніе Божіе съ тобою!

Отецъ твой *Александръ Суворовъ.*

56.

Кинбурнъ, ч. 29 Маія, 1788 года.

Любезная Суворочка здравствуй!

Кланяйся отъ меня всѣмъ сестрицамъ. У насъ ужъ давно поспѣли дикіе молодые зайчики, уточки, кулички. Благодарю, мой другъ, за твое письмо отъ 6 числа Марта; я оное сего дня получилъ. Не ошиблась ли ты ужъ въ мѣсяцѣ. Тутъ же письмо получилъ отъ Елизаветы Ивановны Горихвостовой. Правда! это попозже писано, 15 ч.

Марша; кланяйся ей отъ меня, и обѣимъ вамъ благословеніе Божіе! Недосугъ много писать: около насъ сто корабликовъ; иной такой большой, какъ Смольной. Вода очень студена, и такъ солона, что барашковъ можно солить. Когда буря, то на насъ выбрасываетъ волнами; прощай душа моя!

Отецъ твой *Александръ Суворовъ.*

57.

Кинбурнъ, ч. 2 Іюня, 1788 года.

Голубушка Суворочка цалую тебя! Ты еще меня потащила письмомъ отъ 30 Апрѣля. На одно я вчера тебѣ отвѣчалъ. Коли Богъ дастъ, будемъ живы, здоровы и увидимся: радъ я съ тобою говорить о старыхъ и новыхъ герояхъ; лишь научи меня, чтобъ я имъ послѣдовалъ. Ай-да Суворочка! здравствуй душа моя въ бѣломъ платьѣ: носи на здоровье, расти велика. Милостивой государынѣ Софьѣ Ивановнѣ нижайшее мое почтеніе. Ужъ теперь то, Наташа, какой же у нихъ по ночамъ въ Очаковѣ вой! Собачки поютъ волками, коровы охаютъ, волки блѣютъ, козы ревутъ. Я сплю на косѣ,

она. такъ далеко въ море, въ Лиманъ. Какъ гуляю, слышно, что они говорятъ; они такъ около насъ, очень много! на такихъ превеликихъ лодкахъ! шесты большіе къ облакамъ, полотны на нихъ на версту. Видно какъ табакъ курятъ; пѣсни поютъ заунывныя. На иной лодкѣ ихъ больше, чемъ у васъ во всемъ Смольномъ мухъ, красненькія, зелененькія, синенькія, сѣренькія; ружья у нихъ такія большія, какъ камера, гдѣ ты спишъ съ сестрицами. Божіе благословеніе съ тобою!

Отецъ твой *Александръ Суворовъ.*

58.

Кинбурнъ 21 Августа, 1788 года.

Ma chere Soeur!

Baisez pour moi mes autres amies, et la mains à Софья Ивановна. Въ Ильинъ и на другой день мы были въ Refectoire съ Турками. Ай да охъ! какъ же мы потчивались! Играли, бросали свинцовымъ большимъ горохомъ, да желѣзными кеглями, въ твою голову величины; у насъ были такія длинныя булавки, да ножницы кривыя и прямыя:

рука не попадайся, потчасъ отрѣжутъ, хоть и голову. Ну, полно съ тебя, забрались! Кончилось иллюминаціею, фейерверкомъ. Хастатовъ весь изцарапанъ. Съ Festin Турки ушли, ой далеко! Богу молиться по своему; и только, больше нѣтъ ничего. Прости, душа моя! Христосъ Спаситель съ тобою!

Отецъ твой *Александръ Суворовъ.*

59.

Берладъ ч. 21 Августа, 1789 года

Суворочка, душа моя, здравствуй!

Baisé mains à Софья Ивановна; поцѣлуй за меня сестрицъ. У насъ стрепеты поютъ, зайцы прыгаютъ, скворцы летятъ на воздухѣ по возрастамъ. Я одного поймалъ изъ гнѣзда; кормили изъ рота, а онъ и ушелъ домой. Поспѣли въ лѣсу грѣцкіе и волошскіе орѣхи. Пиши ко мнѣ изрѣдка; хоть мнѣ и недосугъ, но я письма твои читать буду. Молись Богу, чтобъ мы съ тобою увидѣлись. Я пишу къ тебѣ орлинымъ перомъ; у меня одинъ живетъ, ѣстъ изъ рукъ, помнитъ. Послѣ того я ужъ ни разу не танцовалъ. Прыгаемъ на конькахъ, играемъ такими большими

кеглями желѣзными, насилу поднимешь; да свинцовымъ горохомъ: когда въ глазъ попадетъ, то и лобъ прошибетъ. Прислалъ бы тебѣ полевыхъ цвѣтовъ, очень хороши, да дорогой высохнутъ. Прости голубушка сестрица! Христосъ Спаситель съ тобою.

Отецъ твой *Александръ Суворовъ.*

PS. Мое письмо отъ 27 Іюня поздо придетъ. Послѣ того сгорѣло: раненыхъ отъ блокформа 1 фрегатъ, 1 шебека и 1 брандеръ изъ блокированныхъ. Потомъ ранено 7 суденъ, 3 тяжело, нынѣ на морѣ лежатъ въ водѣ; два судна изъ нихъ и одинъ корабль. Здравствуй, Суворочка, съ столь знаменитыми побѣдами; тебѣ въ подарокъ планъ. У милостивой государыни Софьи Ивановны цѣлую руки; кланяюсь сестрицамъ.

60.

Le $\frac{11}{22}$ Septembre 1789.

Ruisseau Rymnik en Walachie.

Champ de battaille.

En ce même jour je vainquis Oginski. . . . . ! Moi et le prince Saxe-Cobourg, avec nos forces combiné, avons battu à Vauderoute la grande armée des infidel-

les, force de 80 à 90,000 ou plus. Cette battaillee dura une journée entiere. Nous perdimes peu; de Turcs il y à 5000 hommes couchés sur le carreau. Nous avons emporté trois camps et tous leur bagages. Trophées de 50 á 100 etendarts et drapeaux, canons et mortiers 78, cette à dire toute leurs artillerie. Je vous felicites, mon ame, avec cette victoire signalée.

Отецъ твой *Александръ Суворовъ.*

PS. Le qrand vizir commandait en persone, 81 piece d' artillerie, avec tout leur train et munitions; il y en a de l'attellage à 20 boeufs.

Dieu soit merci! je me porte bien, après une fievre, que j'ai perdu en marche.

Милостивая государыня Софья Ивановна! цѣлую ваши руки. Поздравляю съ побѣдою.

Переводъ.

22 Сентября 1789 года.

рѣчка Рымникъ въ Валахіи, мѣсто сраженія.

Въ самой сей день побѣдилъ я Огинскаго. . . . . Нынѣ я и Принцъ Саксенъ-Кобургской, съ нашими соединенными силами, разбили на голову великое войско невѣрныхъ, состоявшее въ 80 или 90000 или больше. Сраженіе сіе продолжалось цѣлый день. Мы потеряли мало; Турковъ осталось на мѣстѣ 5000 тѣлъ. Мы взяли 1при лагеря и весь ихъ

багажъ, трофеевъ отъ 50 до 100 штандартовъ и знаменъ, пушекъ и мортиръ 78, то есть всю ихъ артиллерію. Поздравляю тебя, душа моя, съ сею отличною побѣдою.

Отецъ твой *Алекс. Сув.*

PS. Великой визирь самъ начальствовалъ. 81 пушка артиллеріи, со всею упражью и припасами; подъ нѣкоторыми впряжено было по 20 воловъ. Благодареніе Богу! я здоровъ; лихорадка оставила меня дорогою.

61.

Въ Октябрѣ 1789 года.

Comtesse de deux Empires! (*) Любезная Наташа Суворочка! Ай-да надобно тебѣ всегда только благочестіе, благонравіе, добродѣтель. Скажи Софьѣ Ивановнѣ и сестрицамъ, у меня горячка въ мозгу; да кто и выдержитъ! Слышала ли, сестрица, душа моя? еще de ma magnanime mere (**) рескриптъ

(*) Графиня двухъ Имперій.
(**) Отъ моей щедрой матушки: разумѣетъ Императрицу.

на полулистѣ, будто Александру Македонскому, знаки Св. Андрея тысячь вѣ пятдесятъ, да выше всего, голубушка, первой классъ Св. Георгія; вотъ каковъ твой папинька за доброе сердце. Чуть право отъ радости не умеръ. Божіе благословеніе съ тобою.

Отецъ твой *Графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій.*

62.

Душа моя, сестрица Суворочка!

Цѣлую руки милостивой Государыни Софьи Ивановны; нижайше кланяюсь любезнымъ сестрицамъ. Письмо твое отъ 7 Сентября только нынѣ получилъ, т. е, 24 Октября, и благодарствую. У насъ сей ночи былъ громъ большой, и случаются малыя землетрясенія. Охъ! какая жь у меня была горячка: такъ безъ памяти и упаду на праву, и по всему тѣлу все пятны. Теперь очень здоровъ. Дичины, фруктовъ очень много, рыбы пропасть, какой у васъ нѣтъ въ прудахъ, озерахъ, рѣкахъ и въ Дунаѣ; дикихъ свиней, козъ, цыплятъ, телятъ, гусятъ, утятъ, яблоковъ, грушъ, винограду, орѣхи Грецкіе

и Воложскіе поспѣли. Съ кофѣмъ пьемъ буйволовое и овечье молоко. Лебеди, тетеревы, куропатки живыя, такія жирныя; синички ко мнѣ въ спальню летаютъ. Знаешь ли рой пчелиной? У меня одинъ рой отпустилъ четыре роя. Будь благочестива, благонравна и здорова. Христа Спасителя благословеніе съ тобою!

Отецъ твой *Графъ А. С. Рымникской*,
24. Октября,
1789 года.

63.

Ч. 3 Ноября 1789 года.

Ай-да любезная сестрица. Ich küsse die Hände meiner gnädigsten Софья Ивановна; она твоя матушка. Je salue tres respectuelement, avec devotion mes trés cheres soeurs (Съ почтеніемъ и благоговѣніемъ поздравляю моихъ дорогихъ сестрицъ). У меня козочка, гуси, утку, индейки, пѣтухи, тетерьки, зайцы. Чижикъ умеръ, а другихъ я выпустилъ домой. У насъ листки еще не упали и зеленая трава. Гостинцовъ много: наливныя яблоки, дули, персики, винограду на зиму запасъ. Сестрицы! при-

ѣзжайте ко мнѣ, есть чемъ попод-чивать, и гривенники и червонцы есть. Что хорошаго, душа моя сестрица? мнѣ очень тошно; я ужь отъ тебя, и не-помню, когда писемъ не видалъ. Мнѣ теперь досугъ: я бы ихъ читать сталъ. Знаешь, что ты мнѣ мила; полетѣлъ бы въ Смольной на тебя посмотрѣть, да крыльевъ нѣтъ. Куды право какая! Еще тебя ждать 16 мѣсяцовъ, а тамъ пойдешь домой. О какъ же долго! нѣтъ, ужь не долго. Привози сама гостинцу. Я для тебя сдѣлаю балъ. Кланяйся, какъ увидишь, Катеринѣ Ивановнѣ и обѣимъ. Adieu, ma chere comtesse Суворочка! цѣлую тебя, душа моя. Божье благословеніе съ тобою.

Отецъ твой *Графъ Александръ Суворовъ-Рымникской.*

64.

Берладъ, ч. 20 Маія, 1790 года.

И я, любезная сестрица Суворочка, былъ тожь въ высокой скукѣ, да и такой черной, какъ у старцовъ кавалерскіе робронды. Ты меня своимъ крайнимъ письмомъ отъ 17 Апрѣля такъ упѣшила, что у меня и теперь изъ

глазъ течетъ. Охъ, какъ же я радъ сестрица, что Софья Ивановна слава Богу! Куда какъ она умна, что здорова; поцѣлуй ей за меня ручки. Вотъ еще, душа моя, по твоему письму: ты ужь умѣешь разсуждать, располагать, намѣрять, рѣшить, утверждать въ благочестіи, благонравіи, добродушіи и просвѣщеніи отъ наукъ. Знать тебя Софья Ивановна много хорошо сѣчетъ. У тебя другой батюшка, мой дядюшка Петръ Васильевичь; какъ будешъ видѣть,ему руку поцѣлуй!—Здравствуйте, мое солнце, мои звѣзды, сестрицы! У насъ въ полѣ и въ лѣсу дикія петрушка, пустарнакъ, свекла, морковь, салаты, травы зеленыя, спаржи и инаго очень много; всякія овощи еще не поспѣли, и фрукты; гуси маленькіе. Ай-да такія выросли большія караси бѣлые, больше скрыпки, стрепеты, да Дунайскія стерледи и овечье толстое молоко. Прости, сестрица Суворочка! Христосъ Спаситель съ тобою!

Отецъ твой *Графъ А. Суворовъ-Рымникской.*

65.

Въ 1791 году изъ Финляндіи.

Душа моя Наташа! Божіе благословеніе съ тобою. Будь благочестива, благонравна и въ праздности не будь. Благодарю тебя за письмо съ дядюшкой; тетушкѣ кланяйся. Какъ будто мое сердце я у тебя покинулъ. Ай-да здѣсь у насъ великое катанье на водѣ, въ лѣсу, на каменныхъ горахъ, и много очень хорошихъ вещей, рыбы, дикихъ птицъ, цвѣтовъ, маленькихъ цыплятъ. Какъ нашъ колдунъ подполковникъ Берръ пріѣхалъ къ гостьѣ, то и время теперь хорошее: поютъ ласточки, соловьи и много птицъ. Мы вчера кушали на острову; завтра хочемъ плавать въ Нѣмецкую обѣдню; а тамъ пойдемъ далеко; я вездѣ буду тебя за глаза цѣловать. Кланяйся Софьѣ Ивановнѣ и Маргаритѣ Яковлевнѣ. Какъ пойдешъ куда гулять и придешъ назадъ домой и будешъ скакать дома, то помни меня, какъ я тебя помню.

Отецъ твой *Графъ Александръ Суворовъ-Рымникской.*

66.

Октября 4 дня 1794 года.

Увѣдомляю симъ тебя, моя Наташа:
Кастюшка злой въ рукахъ; взяла вотъ такъ-
то наша!
Я жь веселъ и здоровъ, но лишь не много лихъ,
Тобою, что презрѣнъ мной избранный женихъ.
Когда любовь твоя велика есть къ отцу,
Послушай старика! дай руку молодцу.
Но впрочемъ никакихъ не слушай, другъ мой,
вздоровъ.
Отецъ твой Александръ Графъ Рымникской
Суворовъ.

Ответъ.

Для дочери отецъ на свѣтѣ всѣхъ святѣй,
Для сердца же ея любезнѣй и милѣй.
Дать руку для отца, жить съ мужемъ по
неволѣ,
И Графска дочь ничто, её крестьянка болѣ.
Что можетъ въ старости отцу утѣхой быть
Печальный вздохъ дѣтей? иль имъ въ весельѣ
жить?
Все въ свѣтѣ пустяки, богатство, честь и слава:
Гдѣ нѣтъ согласія, тамъ смертная отрава.
Гдѣжъ царствуетъ любовь, тамъ тысяча
отрадъ,
И нищій мнитъ въ любви, что онъ, какъ Крезъ,
богатъ.

67.

изъ Варшавы, Ноября 10 1794 года. Господь благослови Напашу съ домашними.

Que la Deésse d' innocence vous conduira à jamais. Vous changés d' etat. Souvenés vous, que la familiarité engendre le mepris, gardés vous de la professer; accoutumés vous à une politesse naturelle; fuyes les compagnies, qui veulent eclater par leur esprit, pour la plupart leurs moeurs sont perversés.

Soyes farouche avec les hommes: ne leur parlés que trés peu, lorsqu' ils vous parleront; repondés à leurs louanges par un silence modeste.

Esperés en la Providence! elle ne tardera pas á rendre votre sort plus solide. . . . j'en reponds.

Lorsque vous serés dans les apartemens de la cour, et que par hazard là les anciens vous accostent — vous fairés mine de leur baiser la main, sans leur rendre la votre pour le même objet. Ils sont: le prince, J. J. Schuvalow, les C. Soltikof, C. Besborodko, Sawadowsky, le maitres de cour C. Tchernischef vieux et d'autres.

Переводъ.

Богиня невинности да водительствуетъ тебя навсегда.

Ты перемѣняешь состоянiе (*). Помни, что фамилiарное обращенiе

(*) Когда Графиня Напалья Александровна назначена была во фрейлины ко двору Ея Императорскаго Величества.

раждаетъ презрѣніе: остерегайся сего обхожденія. Привыкай къ вѣжливости простой; убѣгай общества съ желающими блистать своимъ разумомъ: большею частью нравы таковыхъ развращены.

Будь сурова съ мущинами; говори съ ними мало, когда они войдутъ съ тобою въ разговоръ; отвѣчай на ихъ хвалы благонравнымъ молчаніемъ.

Уповай на Провидѣніе! оное неумедлитъ основать участь твою..... я за сіе отвѣчаю.

Когда будешь при дворѣ и случится, что кто-либо изъ почтенныхъ мужей подойдетъ къ тебѣ — показывай видъ, что хочешь поцѣловать у него руку, отнюдь не допуская цѣловать своей руки. Таковы Князь І. І. Шуваловъ, Графъ Салтыковъ, Графъ Безбородко, Заводовскій, особы придворныя, на прим. Графъ Чернышевъ спарой и иные.

68.

Кобринъ, Марта 5 дня, 1799 года.

Любезная Наташа! Христосъ съ тобою и съ дѣтьми.

А. С.

69.

Торпона, въ Маіѣ, 1799 года.

Сестрица Наташа! отъ 2 Марта письмо твое я получилъ 30 Апрѣля въ Торпонѣ. Цѣлую тебя съ дѣтьми.

Л. С.

70.

Августа 27 дня, 1769 года въ Піемонтѣ
1779 городѣ Исти.

Любезная Наташа! За письмо твое отъ 3 Іюля тебя цѣлую. Здравствуй съ дѣтьми; благословеніе Божіе съ вами! *Л. С.*

71.

Кобринъ, Марта дня, 1800 года.

Наташа! когда я пишу къ Дмитрію Ивановичу, благословеніе Божіе съ домашними, или подобное, ты естественно тутъ же разумѣешся; слѣдственно въ особливыхъ письмахъ дальней нужды нѣтъ. По такимъ письмамъ ты вѣдаешь, какъ я здоровъ. Не ужъ ли то Д. И. такъ рѣдко къ тебѣ пишетъ. Сохрани тебя Боже впредъ отъ болѣзни, и даруй тебѣ свою милость! Его благословеніе тебѣ и дѣтямъ. Я одною ногою изъ гроба выхожу. Цѣлую тебя! *Л. С.*

ВАХТ-ПАРАДЪ
ГРАФА СУВОРОВА.
1795.

Извѣстіе.

Я счелъ за необходимое, чтобъ помѣстить здѣсь сей Вахт-Парадъ Князя Италійскаго, который онъ сочинилъ послѣ завоеванія Польши. Сіе достопамятное твореніе его содержитъ настоящую Рускую тактику, тактику Суворова, съ которою онъ всегда и всегда остался побѣдоноснымъ. Онъ роздалъ сіе сочиненіе въ полки, приказалъ роздать въ каждую роту, совѣтовалъ вытвердить оное офицерамъ, предписалъ читать часто солдатамъ, и для того присовокупилъ разговоръ съ ними образомъ для нихъ вразумительнымъ. Чрезъ сіе сближилъ онъ себя съ своими подчиненными, далъ имъ уразумѣть свои мысли, должность солдата и содѣлалъ оныхъ, какъ по своему выраженію, такъ и на дѣлѣ, богатырями; ибо внушилъ имъ духъ свой и храбрость врожденную возбудилъ къ дѣйствію. Онъ доказалъ, что для воиновъ Рускихъ потребна и Рус-

кая тактика.—Сіе сочиненіе знаменитаго въ свѣтѣ нашего героя было уже напечатано въ книжкѣ: *Наука побѣждать*, но съ великими неисправностями. Сіе побудило меня издать сей Вахт-Парадъ вторично, и притомъ съ исправнаго списка. Можетъ быть скажутъ мнѣ и благодарность за сіе преданіе.

ВАХТ-ПАРАДЪ,

ОТЪ ОНАГО ГЛАВНОЕ ВЛІЯНІЕ ОБУЧЕНІЕВЪ.

Исправся! бей сборъ. По командѣ, по флигельману.

Пріемы и поворо-ты. По барабану.

Ученіе будетъ. Заряжай ружье, и проч. Плутонгами, полудивизіями или дивизіями.

При заряжаніи прикладъ отнюдь на землю не класть: опскакиваетъ шомполъ, пуля некрѣпко прибита.

Наблюдать косой рядъ. Прикладъ крѣпко упертъ въ сгибъ праваго плеча; стволъ бросить на лѣвую ладонь: пуля бьетъ въ полчеловѣка. Примѣрно можно и съ порохомъ. Ружья чистить между часовъ.

Наступными плутогами зачинай! Выстрѣлить отъ одного до двухъ патроновъ.

Отбою нѣтъ; сигналъ барабана походъ, выстрѣля отъ одного до двухъ патроновъ.

Атакуй первую непріятельскую линію штыками.

Взводные командиры кричатъ: коли! коли! рядовые ура! громогласно.

Краткой отбой.

Ура!

Непріятельская конница скачетъ на выручку къ своей пѣхотѣ.

Здѣсь держать штыкъ въ брюхо человѣку, случится, что попадетъ штыкъ въ тѣло, въ морду, въ грудь лошади. (*)

Краткой отбой.

Атакуй!

Атакуй вторую непріятельскую линію; или атакуй непріятельскіе резервы.

Отбой симъ кончится.

Третья сквозная атака.

Линія равняется въ мигъ; впередъ! никто не смѣетъ пятиться назадъ ни четверти шага.

(*) Въ сраженіи подъ Прейсиш-Эйлау Россійская пѣхота на штыкахъ остановила и разбила Французскую конницу.

Маршъ!

Повзводно, полудивизіонами или дивизіонами.

На походѣ плутонги вздваиваютъ въ полудивизіоны: или сіи ломаются на плутонги.

Солдатской шагъ аршинъ; въ захожденіи полтора шага. Барабанъ начинаетъ бить свои три колѣна; его смѣняетъ музыка, играетъ полный маршъ; паки барабанъ. Такъ смѣняются между собою. Бить и играть скорѣе; отъ того скорѣе шагъ; и интервалы между взводовъ весьма соблюдать, дабы пришедъ на прежнее мѣсто, когда произойдетъ командованіе: стой! всѣ взводы вдругъ стояли, и заходили въ линію.

Вторая или первая половина линіи по рядамъ или на

право; ступай на атаку.

У сей барабанъ: фельдмаршъ; она заходитъ противъ части, стоящей на мѣстѣ, съ картечнаго выстрѣла вонъ.

Ступай!

Походъ во всѣ барабаны; на 80 саженяхъ отъ противнаго фронта, бѣжитъ отъ десяти до 15 шаговъ чрезъ картечную черту полевой артиллеріи; на шестидесяти саженяхъ тожъ чрезъ картечную черту полковой артиллеріи; а на шестидесяти шагахъ чрезъ вѣрную черту пуль.

Ступай ступай! въ штыки, ура!

Противная линія встрѣчаетъ пальбою на сей послѣдней дистанціи: а на 30 шагахъ ударитъ сама въ штыки; съ обѣихъ сторонъ сквозная атака. Такожъ отдѣленная часть заходитъ колонною, для деплояда фронта, ежели

Равно сему другая линейная атака; обѣ части на прежнихъ мѣстахъ.

Объ части дѣлаютъ колонны.

есть мѣсто по числу людей въ разводѣ, въ одну или двѣ колонны.

Атака будетъ: колонны ступай!

Барабанъ бьетъ маршъ; въ бо шагахъ одни отъ другихъ.

Ступай, ступай! атакуй въ штыки! ура!

Мушкетъ въ правой рукѣ; на переводѣ колонны между собою насквозь быстро, примѣрно колютъ.

Колонны строй каре.

Здѣсь строятъ каре на мѣстѣ.

Стрѣлки стрѣляй въ ранжирѣ.

Стрѣлки бьютъ наѣздниковъ и набѣгающихъ Турковъ, а особливо чиновниковъ.

Плутонги начинай! ступай, ступай!

Плутонги палятъ въ ихъ толпы; пальба должна быть коротка, ибо тутъ дѣло больше картечъ. Потомъ бросаются колоть, что представляется сквозною карейнею атакою.

Атакуй въ штыки, ура!

Стрѣлки впередъ! докалывай, до стрѣливай, бери въ полонъ!

На оставшихъ басурманъ между кареевъ. барабанъ, краткой сборъ; стрѣлки въ свои мѣста.

Карей строй колонны! колонны стройте каре!

Исполненіе тожь, какъ выше о колоннахъ.

Каре маршъ!

Ступай, ступай! атакуй въ штыки. Ура!

Здѣсь безъ пальбы атака же прежняя.

Каре строй линейной фронтъ.

По рядамъ или по четыре на право или на лѣво.

А заходившей части по разсмотрѣнію вмѣсіпо линіи строиться въ колонну, или по четыре, какъ будетъ командовано.

Ступай на прежнее мѣсто.

Барабанъ. Фельдмаршъ.

Стой фронтъ.

Примѣчаніе. Сіи основательные маневры, марщи и эволюціи равны въ баталіонахъ полковыхъ и корпусныхъ экзерціяхъ.

Начальникъ можетъ требовать баталнаго огня.

Исправный прикладъ править пальбою; здѣсь онъ разстроивается по

неминуемой торопливости; но въ взодной пальбѣ онъ виденъ. Однако же пальба на баталіи выдетъ сама собою. Тутъ для сбереженія пуль каждаго выстрѣла всякой своего противника долженъ цѣлить, чтобъ его убить.

Залпъ.

Въ разводѣ, когда съ пальбою для очищенія ружей; въ иномъ строю только для исправности прикладa.

Наступные плутонги только для движенія; но противъ непріятеля сія ломаная линія негодится; а особливо, онъ ее и слабою конницею прорубить можетъ.

Можетъ ли начальникъ спросить отступныхъ плутонговъ?

Лучше объ нихъ не помышлять; инфлюенція ихъ солдату весьма опасна: ниже ни о какихъ репирадахъ въ пѣхотѣ и кавалеріи.

Подкуровъ!

Разговоръ съ солдатами ихъ языкомъ.

Коблуки сомкнуты; подколѣнки спянуты; солдатъ стоитъ стрѣлкою: четвертаго вижу, пятаго не вижу.

Военной шагъ аршинъ; въ захожденіи полтора аршина; береги интервалы.

Солдатъ во фронтѣ на шагу строится по локтю; ширенга отъ ширенги три шага; въ маршѣ два; барабаны не мѣшай.

Береги пуль на три дни, а иногда и на цѣлую кампанію, какъ не гдѣ взять. Стрѣляй рѣдко, да мѣтко. Штыкомъ коли крѣпко; пуля обмишулится, штыкъ не обмишулится: пуля дура, штыкъ молодецъ! Коли одинъ разъ; бросай басурмана съ штыка; меритъ на штыкѣ: царапаетъ саблею шею; сабля на шеѣ, отскокни шагъ. Ударь: коли другаго, коли третьяго; богатырь заколетъ полдюжины,больше! Береги пулю въ дулѣ; трое на скочатъ: перваго заколи, втораго застрѣли, претьему штыкомъ карачунъ; это не рѣдко, а заряжать нѣкогда. Въ атакѣ не задерживай.

Для пальбы стрѣляй сильно въ мишень; на человѣка пуль 20; купи свинца

изъ экономіи, не много стоитъ. Мы стрѣляемъ цѣльно: у насъ пропадаетъ придцатая пуля; а по полевой и полковой артиллеріи меньше десятаго заряда. Фитиль на картечь; бросся на картечь: летитъ сверхъ головы; пушки твои, люди твои: вали на мѣстѣ, гони, коли, остальнымъ давай пощаду; грѣхъ напрасно убивать: они такіежь люди.

Умирай за домъ Богородицы, за матушку, за пресвѣтлѣйшій домъ. Церковь Бога молитъ; кто остался живъ, тому честь и слава!

Обывателя не обижай: онъ насъ поитъ и кормитъ. Солдатъ не разбойникъ: возьми лагерь, возьми городъ, святая добычь! все ваше. Въ Измаилѣ, кромѣ иного, дѣлили золото и серебро пригоршнями; такъ и во многихъ мѣстахъ. Безъ приказа отнюдь не ходи на добычь.

Баталія полевая.

Три атаки: въ крыло, которое слабѣе; крѣпкое крыло закрыто лѣсомъ — это не мудрено: солдатъ проберется; болотомъ тяжелѣе — рѣку безъ моста не перебѣжишъ; шанцы всякіе перескочитъ. Атака въ средину не выгодна; развѣ конница хорошо ру-

бить будетъ; инако сами сожмутъ. Атака въ тылъ очень хороша, только для небольшаго корпуса, а арміею заходить тяжело. Баталія въ полѣ: линіею противъ регулярныхъ; кареями противъ бусурманъ; колоннъ нѣтъ; а можетъ случиться и противу Турковъ, что пятисотному карею надлежитъ будетъ прорвать пяти или семи тысячную толпу съ помощію фланговыхъ кареевъ; на тотъ случай бросится онъ колонною; но въ томъ до сего нужды не бывало. Есть безбожные, вѣтреные, сумасбродные Французишки: они воюютъ на Нѣмцовъ и иныхъ колоннами. Естьли бы намъ случилось противъ ихъ, то надобно намъ ихъ бить колоннами же.

Баталія на окопы

на основаніи полевой. Ровъ не глубокъ, валъ не высокъ; бросся въ ровъ, скочи чрезъ валъ: ударь въ штыки, коли, гони, бери въ полонъ! Помни отрѣзывать тутъ подручныя конницы. Въ Прагѣ отрѣзала пѣхота, да тутъ были тройные и большіе окопы и цѣлая крѣпость: для того атаковали колоннами.

Третье штурмъ.

Ломи чрезъ засѣки, бросай плѣтни чрезъ волчьи ямы, быстро бѣги, прыгай

чрезъ полисады, бросай фашины, спускайся въ ровъ, ставь лѣстницы. Стрѣлки, очищай колонны! стрѣлки! по головамъ колонны! лети чрезъ стѣну на валъ, окалывай на валу, вытягивай линію, ставь караулъ къ пороховымъ погребамъ; отворяй вороты конницѣ.—Непріятель бѣжитъ въ городъ: его пушки обороти по немъ, стрѣляй сильно въ улицы: бомбандируй живо; недосужно за нимъ ходить. Приказъ: спускайся въ городъ, рѣжъ непріятеля на улицахъ; конница руби; въ домы не ходи; бѣй на площадяхъ; шпурмуй гдѣ непріятель засѣлъ; занимай площадь, ставь гобвахтъ; разставляй въ мигъ пикеты къ воротамъ, погребамъ, магазинамъ. Непріятель сдался: пощади — стѣна занята: — на добычь.

Три воинскія искусства.

Первое глазомѣръ, какъ въ лагерѣ стать, какъ маршировать, гдѣ атаковать, гнать и бить. Второе быстрота. Походъ полевой артиллеріи, отъ полуверсты до версты въ переди, чтобъ спускамъ подъемнымъ не мѣшала. Колонна ближится; оная опять выиграетъ свое мѣсто подгору; на равнинѣ на рысяхъ: маршъ — по рядамъ или по четыре, для тѣсной дороги и улицы, для узкаго мѣста,

для водяныхъ и болотныхъ мѣстъ, по тропинкамъ; и только когда атаковать непріятеля, то взводами, чтобъ хвостъ сократить; по рядамъ, по четыре у взводовъ, двойные интервалы на шагъ; не останавливайся, гуляй, играй, пой пѣсни; бѣй барабанъ. Десятокъ (версть): отломалъ: первой взводъ снимай вещи, ложись; за нимъ второй взводъ; и такъ взводъ за взводомъ; первые задних не жди. — Линія въ колоннѣ на маршѣ растянется когда по четыре, то въ полтора раза, а по рядамъ въ двое того, какъ стояла; на шагу идетъ на двухъ, стояла на одной верстѣ; растянется на двѣ версты; стояла на двухъ верстахъ, растянется на четырехъ: то досталось бы первымъ взводамъ ждать послѣднихъ полчаса по пустому. На первомъ десяткѣ отдыху часъ; первой взводъ вспрыгнулъ, надѣлъ вещи, бѣжитъ въ передъ десять, пятнадцать шаговъ, а на маршѣ прошедъ узкое мѣсто на гору или подъ гору отъ пятнадцати до двадцати шаговъ. Такъ взводъ за взводомъ, чтобъ задніе между тѣмъ отдыхали. Второй десятокъ, отбой, отдыхъ часъ и больше. Когда претей переходъ малъ, то оба

по полямъ итти. Отдыхъ, три четверти часа, полчаса и четверть часа, чтобъ рабятамъ поспѣть скорѣе къ кашамъ; это для пѣхоты. — Кавалерія своимъ маршемъ въ передъ, съ коней долой, отдыхаетъ мало, и переходитъ свыше десятка, чтобъ дать конямъ въ лагерѣ выспояться. Кашеварныя повозки въ переди съ полаточными ящиками. Братцы пришли, къ кашѣ поспѣли. Артельной староста: къ кашамъ! На завтрикѣ отдыхъ 4 часа; тожь самое къ ночлегу отдыхъ 6 часовъ и до восьми, какова дорога; а сближаясь къ непріятелю, коплы съ припасомъ сноровлены къ полаточнымъ ящикамъ; дрова запасныя на оныхъ же.

По сей быстротѣ и люди не устали (*): непріятель насъ не обсчитаетъ за сто верстъ, а когда издалека за двѣсти, триста и больше; мы на него какъ снѣгъ на голову; закружится у

(*) Въ Италіи Суворовъ съ войсками сдѣлалъ удивительной переходъ: именно, въ 24 часа 105 верстъ: доказательство тому, что люди не устали, онъ едва пришелъ, напалъ на Французовъ и разбилъ оныхъ на голову.

него голова: атакуй съ чемъ пришелъ, чемъ Богъ послалъ. Конница начинай, руби, коли, гони, отрѣзывай и не уступай.

Третье, натискъ.

Нога ногу подкрѣпляетъ, рука руку усиляетъ. Въ пальбѣ много людей гибнетъ; у непріятеля тѣжъ руки, да Рускаго штыка не знаетъ. Вытяни линію, тотчасъ атакуй холоднымъ ружьемъ; а недосугъ выпягивать линіи, то подвигь изъ скрытаго и тѣснаго мѣста: коли пѣхота въ штыки; конница тутъ и есть! Ущелье на версту нѣтъ, картечи чрезъ голову; пушки твои. Обыкновенно конница врубается прежде, пѣхота за ней бѣжитъ; только вездѣ строй. Конница должна дѣйствовать всюду какъ пѣхота, изключая зыби; тамъ кони на поводахъ; козаки вездѣ провѣдутъ. Въ окончательной побѣдѣ, конница гони, руби; конница займется, пѣхота не отстаетъ. Въ двухъ ширенгахъ сила, въ трехъ полторы силы: передняя рветъ, вторая валитъ, третья довершаетъ.

Бойся богадѣльни; Нѣмецкія лекарствицы издалека тухлыя, сплошъ безсильны и вредны. Рускій солдатъ къ нимъ не привыкъ: у васъ есть въ ар-

телѣхъ корешки, травушки, муравушки. — Солдатъ дорогъ! береги здоровье; чисти желудокъ, когда засорился; голодъ лучшее лекарство. Кто не бережетъ людей — офицеру арестъ, унтер-офицеру палочки, да и самому палочки, кто себя не бережетъ. Жидокъ желудокъ, ѣсть хочется, то по закатѣ солнушка не много пустой каши съ хлѣбцомъ; а въ крѣпкомъ желудкѣ буквица въ теплой водѣ, или корень коневей щавель. — Помните, господа, полевой лечебникъ штаб-лекаря Бѣлопольскаго: въ горячкѣ ничего не ѣшь, хоть до двенадцати дней, а пей солдатской квасъ, то и лекарство; а въ лихорадкѣ ни пей, ни ѣшь. Штрафъ, за что себя не берегъ; лишъ бы Богъ далъ здоровье. Въ богадѣльнѣ (*), первой день мягкая постеля, во второй день офицерская похлебка, въ третей день въ ней, братецъ, домовище, къ себѣ и тащитъ. — Одинъ умираетъ, десятки товарищей хлебаютъ его смертной дыхъ. Въ лагерѣ больные слабые, хворые въ шелашахъ, не въ деревняхъ,

---

(*) Такъ Кн. Суворовъ называлъ лазаретъ.

воздухъ чище, хотъ и безъ лазарета. Не надобно жалѣть лекарства, когда есть хуторъ; сверхъ того и прочія выгоды безъ прихотей. Да все это неважно: ты умѣешъ себя беречь: гдѣ умираетъ отъ ста одинъ человѣкъ; у насъ и отъ пяти сотъ въ мѣсяцъ меньше умретъ. Здоровому: питье, воздухъ, ѣда; больному тожь воздухъ, питье, ѣда.

Богатыри! непріятель отъ васъ дрожитъ; но есть непріятель больше богадѣльни: проклятая немогъ-знайка, намѣка, загадка, лживка, лукавка, краснословка, краткоповка, двуличка, вѣжливка. Отъ немогъ-знайки было много бѣды; хличка, что безтолково и выговаривать: хрой, прихахъ, афохъ вой хихъ — и проч. — Стыдно сказать. Солдату надлежитъ быть здорову, храбру, тверду, рѣшиму, правдиву, благочестиву. Молись Богу; отъ него побѣда. Сюда богатыри! Богъ насъ водитъ: онъ намъ Генералъ! — За немогъ-знайку офицеру арестъ, штабъ-офицеру отъ старшаго штабъ-офицера кварперной арестъ.

Ученье свѣтъ, не ученье тьма. Дѣло мастера боится; и крестьянинъ

когда не умѣетъ сохою владѣть, такъ хлѣбъ не родится. За ученаго трехъ неученыхъ даютъ; намъ мало трехъ, давай намъ шесть; мало шести, давай намъ десять на одного: всѣхъ побьемъ, повалимъ, въ полонъ возмемъ. Въ послѣднюю кампанію непріятель потерялъ щопныхъ 75 тысячь, только что не сто. Онъ искусно и отчаянно дрался; а мы и одной полной тысячи не потеряли.

Вотъ братцы воинское обученіе. Господа офицеры! какой восторгъ!

Къ паролю! Съ фланговъ часовые въ передъ; ступай, на караулъ.

По отдачѣ Генералитету или инымъ пароля, лозунга и сигнала, похвала, или всѣмъ хула вахт-параду, и громогласно:

Субординація, послушаніе, дисциплина, обученье, ордеръ воинскій, порядокъ, воинская чистота, опрятность здоровье, бодрость, смѣлость, храбрость, экзерциція. — Побѣда! — слава!

АНЕКДОТЫ,

относящіеся до жизни Александра Васильевича Князя Италійскаго, Графа Суворова-Рымникскаго.

Нѣкогда Суворовъ, находясь на Кубанской линіи, предпріялъ объѣхать оную. Слухъ о семъ разнесся по линіи, и каждый начальникъ въ своемъ мѣстѣ ожидалъ его прибытія; но Суворовъ не любилъ, чтобъ его ожидали: всегда пріѣзжалъ, когда не чаяли, и такъ, что его не узнавали. Въ сей разъ выѣхалъ онъ въ просныхъ пошевняхъ, и ночью пріѣхалъ на почтовую станцію, гдѣ стоялъ съ своею командою Капитанъ * * *, старой служивый и весельчакъ. Онъ никогда Суворова не видывалъ. Услышавъ почтовой колокольчикъ, онъ вышелъ, и никакъ не могъ подумать, чтобъ былъ то корпусный начальникъ, и счелъ его за простаго офицера. „Э! братъ служивой", сказалъ онъ ему; „ты иззябъ; войдемъ въ избу; выпей чарку водки, да поужинаемъ, что Богъ послалъ". Суворовъ, благодаря его, вошелъ съ нимъ. Столъ былъ готовъ, т. е. на ономъ поставлена была кашица и штофъ съ

водкою; сѣли за столъ. Суворовъ съ отмѣнною охотою ѣлъ горячую кашицу. Капитанъ спрашивалъ у него, кто онъ и куда ѣдетъ? Суворовъ на первое отвѣчалъ ему, что въ мысль попало, а на послѣднее, будто бы посланъ отъ Суворова заготовлять для него лошадей по линіи. — „Странно! не нашли тебя моложе. Да сколько надобно лошадей?“ — „Вѣдь Генералъ, отвѣчалъ Суворовъ; хоть ѣдетъ на легкѣ, но все восмнадцать.“ — „Вотъ тебѣ разъ! а здѣсь только восемь — ну! да станица козачья близка, за лошадьми не станетъ; изволитъ подождать. Но скажи мнѣ, камратъ, каковъ этотъ Суворовъ? говорятъ строгъ? — Полно я не боюсь: хоть въ полночь привѣзжай, все у меня исправно. Я люблю служить у строгова командира.“ — Не ужь ли ты не слыхалъ объ немъ? всѣ говорятъ объ немъ, что онъ пьяница и чудакъ. — „Э, э! ты братъ шутишь! видна птица и по полету; онъ такъ загонялъ Поляковъ и Турковъ, что предъ нимъ другіе Генералы дрянь.“ Послѣ сего много наговорилъ онъ въ похвалу Суворова, на что Суворовъ отчасти говорилъ опровержѣнія, часпью же соглашался. Су-

воровъ съ капитаномъ подружились, выпили еще по рюмкѣ водки, перецѣнили всѣхъ знакомыхъ Генераловъ, обнялись, пожали другъ у друга руку, и Суворовъ поскакалъ далѣе. Съ слѣдующей станціи Суворовъ написалъ къ сему Капитану записочку: „Суворовъ проѣхалъ; благодаритъ Капитана *** за ужинъ и проситъ о продолженіи дружбы.“

Во время сраженія, происходившаго на Кинбурнской косѣ Октября 1 дня 1787 года, Суворовъ получилъ опасную рану въ лѣвое плечо. Онъ потерялъ много крови, а для перевязанія раны не было лекаря. Увидѣвши сіе Козачій старшина, привелъ его къ морю, вымылъ рану морскою водою и перевязалъ платкомъ. „Помилуй Богъ!“ сказалъ Суворовъ: „благодарю! помогло, тотчасъ помогло! я раненыхъ и всѣхъ нераненыхъ Турковъ прогоню въ море“. Онъ устоялъ въ словѣ; сѣлъ на лошадь, продолжалъ командовать, и разбивъ непріятеля, въ превосходнѣйшихъ силахъ бывшаго, вогналъ въ море; такъ, что самое малое оныхъ число спаслося на суда.

Предъ сраженіемъ при Фокшанахъ, когда онъ шелъ примкнуть къ корпусу Принца Кобургскаго, на пути уже въ виду непріятеля, шедъ мимо пруда, велѣлъ войску остановиться, построиться въ каре; а самъ, сошедъ съ лошади, раздѣлся и купался въ водѣ болѣе часа, даже погда, какъ передовыя его войски начали съ непріятелемъ перестрѣлку изъ пушекъ. Тогда онъ вышедъ изъ воды, одѣлся и отдалъ приказъ итти впередъ, примолвя: „теперь съ Божіею помощію пойдемъ на непріятелей — нападемъ на нихъ и побьемъ". Слѣдствіемъ сего была знаменитая побѣда.

Во время славнаго сраженія при Мартинешти въ 1789 году, сказалъ ему Принцъ Кобургскій: „видите ли, какое множество Турковъ мы противъ себя имѣемъ?" — „То-то и хорошо," отвѣчалъ Суворовъ: „чемъ больше Турковъ, тѣмъ больше и замѣшательства между ими и тѣмъ удобнѣе можно ихъ переколотить. — Но все же ихъ не столько, чтобъ они намъ солнце заслонили".

Извѣстно, что Австрійцы въ войнѣ противу Турковъ, начавшейся въ 1787 году, до того времени, пока войски ихъ соединились съ Россійскими, были не очень щастливы и въ разныхъ сраженіяхъ потеряли много пушекъ. Послѣ славной побѣды при Рымникѣ съ отправленнымъ съ подробною реляціею къ Князю Потемкину приказывалъ онъ: „донеси его свѣтлости, что я военную добычу съ Австрійцами раздѣлилъ побратски: ихъ пушки имъ отдалъ, а Турецкія себѣ взялъ.“

Предъ самымъ штурмомъ крѣпости Измаильской прибылъ къ Графу Суворову отъ Князя Потемкина курьеръ съ запискою, въ которой между прочаго было сказано: „что ежели дѣло не вѣрно, то лучше на штурмъ не отваживаться.“ Суворовъ отвѣчалъ: „мой планъ рѣшенъ. Два раза уже Россійская армія стояла у воротъ Измаила; стыдно будетъ не войти въ третій разъ.“ — Послѣ чего началъ штурмъ и взялъ сію неприступную крѣпость.

Когда послѣ взятья приступомъ укрѣпленнаго предмѣстія Праги, въ Октябрѣ 1794 года, присланы были изъ Варшавы къ Графу Суворову депутаты, онъ принялъ ихъ сидя въ палаткѣ, разбитой на опровергнутомъ ретраншаментѣ. Одинъ отрубокъ деревянный служилъ ему стуломъ, а другой вмѣсто стола. Простая куртка, на головѣ каска и сабля при бедрѣ составили все убранство сего знаменитаго побѣдителя: палатка была разкрыта. Какъ скоро Графъ увидѣлъ депутатовъ, то не допуская до шатра шаговъ пятнадцать, пошелъ къ нимъ встрѣчу, и снявъ свою саблю, бросилъ въ сторону, сказавъ: „миръ, тишина и спокойствіе да будутъ впредъ между нами!“ и съ распростертыми объятіями принялъ депутатовъ, которые видя кротость и благосклонность въ полководцѣ столько грознымъ; уклонясь предъ нимъ, обнимали его колѣна. Побѣдитель недопуская ихъ до того, поднималъ; слезы радости текли какъ у него, такъ и у присланныхъ; всѣ предстоящіе были тѣмъ тронуты. Такимъ образомъ сей непобѣдимый полководецъ умѣлъ внушать ужасъ мечемъ своимъ и покорять сердца своимъ человѣколюбіемъ.

Когда за покореніе Польши произведенъ былъ онъ не по линіи въ Генералъ-Фельдмаршалы, вдругъ началъ дѣлать прыжки, какъ бы рѣзвый робенокъ, и говорилъ: „помилуй Богъ! легокъ сталъ. Хорошо прыгаю.“ Чрезъ сіе означилъ онъ то, что не по линіи, а заслугами своими обошелъ старшихъ предъ нимъ Генераловъ.

Находясь въ Финляндіи для укрѣпленія пограничной линіи со Швеціею и начальствуя надъ тамошними войсками въ 1791 году, каждое свободное время употреблялъ на обученіе войскъ, особливо же молодыхъ офицеровъ, военному искусству. Въ семъ намѣреніи раздѣлялъ онъ войско на двѣ пропивныя части, посылалъ оныя въ разныя стороны, и каждая сторона должна была имѣть свою осторожность, укрѣпленія и дѣлать поиски надъ непріятелемъ. Онъ поперемѣнно назначалъ молодыхъ офицеровъ въ колоное вожатые, и требовалъ отъ нихъ дѣйствительнаго навыка и исполненія своей должности. Сего рода практическое ученіе воинское много произвело пользы во время

одного изъ таковыхъ маневровъ. Колонна одной стороны, шедшая атаковать своего непріятеля, ведена была неискусно, и подвергшись позиціи между двухъ огней и дѣйствію скрытой въ лѣсу батареи, должна была погибнуть. Графъ, всегда присутствовавшій при такихъ маневрахъ, усмотря, что поставленная въ резервѣ колонна теряетъ время и на помощь итти не думаетъ, прискакалъ къ командовавшему сею колонною подполковнику и кричалъ: „чего вы, сударь, ждете? колонна наша пропадаетъ, а вы не сикурсируете.“ Ваше сіятельство, отвѣчалъ подполковникъ; я давно бы исполнилъ долгъ мой, но ожидаю повелѣнія отъ Генерала, предводительствующаго надъ сею колонною. Сей Генералъ-Маіоръ находился тутъ же въ нѣсколькихъ саженяхъ. „Какого Генерала?“ сказалъ Суворовъ; „онъ убитъ, давно убитъ! посмотри (указывая на него) „вонъ . . . и лошадь бѣгаетъ! — поспѣшайте!“ и самъ поскакалъ прочь.

Нѣкогда въ бытность Графа въ С. Петербургѣ во дворцѣ нѣкто изъ старыхъ военныхъ, но не очень искус-

ныхъ и опытныхъ Генераловъ, подученъ былъ надъ Суворовымъ пошутить и сказалъ: „говорятъ объ васъ, что вы не знаете тактики. — „Такъ,“ отвѣчалъ Суворовъ; „я не знаю тактики, но тактика меня знаетъ; а вы не знаете ни тактики, ни практики.“

Суворовъ хотя имѣлъ немалые доходы, но не любилъ роскоши: столъ его былъ сытенъ, но безъ прихотей; кромѣ водки и пива онъ почти ничего не употреблялъ. Императрица Екатерина II отмѣнно любила его за вѣрныя и отличныя заслуги и нѣкогда въ бытность его въ С. Петербургѣ сама пригласила на балъ ко двору. Въ то время, когда онъ во дворецъ явился и Императрица разговаривала съ нимъ съ отмѣнною милостію, подавали разныя прохлажденія. Суворовъ не касаясь до оныхъ, попросилъ простой водки. Императрица разсмѣялась, и шутя сказала ему: не ужъ ли онъ не стыдится при столькихъ прекрасныхъ дамахъ того, что отъ него будетъ пахнуть водкою? — „Государыня! отвѣчалъ Суворовъ: тогда онѣ догадаются, что я солдатъ.“

Отмѣнное уваженіе его къ достоинствамъ, военному искуству и храбросіи Генерала Голенищева-Кутузова извѣстны во всей арміи Россійской. Опряжая его куда-либо съ частью войска, Графъ оставался спокоенъ, и былъ увѣреннымъ, что все будетъ сдѣлано, что только сдѣлать можно. Нѣкогда въ приватной его бесѣдѣ дошелъ разговоръ объ подначальныхъ Графу Генералахъ, который изъ нихъ умнѣе и искуснѣе. Всѣ отдавали сіе преимущество господину Кутузову. Суворовъ вступившись въ сей разговоръ, подхватилъ: „такъ! онъ уменъ! очень уменъ!... (въ полголоса) его самъ Рибасъ не обманетъ.“ — Покойный Рибасъ былъ также искусный и храбрый Генералъ, но мужъ тонкій и весьма хитрый.

Когда Графъ Суворовъ слѣдовалъ съ войсками въ Италію и прибылъ въ Вѣну, то народъ на улицахъ кричалъ ему: да здравствуетъ Суворовъ! онъ отвѣчалъ народу восклицаніемъ: „да здравствуетъ Францъ Императоръ.“

По нѣсколькихъ дняхъ пребыванія своего въ Вѣнѣ приглашенъ былъ Графъ Суворовъ отъ Императора въ военный совѣтъ. Самъ Императоръ показывалъ ему планъ войны, совѣтомъ утвержденный, и требовалъ его мнѣнія. Графъ разсмотрѣвъ планъ, сказалъ Императору, что планъ сей негодится, и что онъ имѣетъ лучшій. Покажите намъ, отвѣчалъ Императоръ; мы охотно согласимся на предложеніе Полководца столь искуснаго. Тогда Графъ подалъ ему бланкетъ, подписанный рукою своего Государя. Императоръ увидя бланкетъ, произнесъ: о! я согласенъ, планъ вашъ превосходный, и я охотно оный подписываю. Послѣ сего далъ Графу отъ себя такой же бланкетъ, и все распоряженіе войны оставилъ на его волю.

Графъ Суворовъ отмѣнно любилъ объясняться лаконически; сіе можно усмотрѣть изъ донесенія его, когда въ первую, начавшуюся въ 1769 году войну съ Турками, переправясь за Дунай, взялъ онъ городъ Турпукай. Рапортъ его Фельдмаршалу состоялъ въ двухъ строкахъ:

„Слава Богу, слава вамъ!
Турпукай взятъ и Суворовъ тамъ.“

По прибытіи своемъ съ войскомъ въ Италію, Графъ самъ объѣзжалъ рундомъ, и наткнулся на Французской объѣздъ, который въ произшедшей сшибкѣ былъ весь изрубленъ, кромѣ двухъ Французовъ, живыми оставленныхъ. Графъ приказалъ оныхъ отпустить и выпроводить, сказавъ имъ на Французскомъ языкѣ: „поѣзжайте, скажите своимъ, что Суворовъ прибылъ! вотъ онъ! вотъ онъ! не забудьте же, скажите.“

Въ 1799 году, во время той же войны въ Италіи, когда взятъ былъ въ плѣнъ Французской Генералъ Серюрье и приведенъ былъ въ его полатку, Графъ принялъ его съ великою ласкою и сказалъ: „радъ, радъ! помилуй Богъ радъ! прошу садиться . . . пожалуйте садитесь.“ Послѣ нѣкоторыхъ угощеній, предложилъ ему, не хочетъ ли онъ отвѣдать Рускаго военнаго ужина, и приказалъ подать кусокъ ржанаго хлѣба, крѣпко осоленаго. Серюрье изъ вѣжли-

вости сѣѣлъ не много; но едва могъ проглотить и просилъ воды. Графъ подхватилъ: „нѣтъ! квасу, подайте Рускаго квасу!“ когда былъ поданъ, Графъ продолжалъ: „пей, братецъ, пей, помилуй Богъ хорошо! Рускіе все хлѣбъ ѣдятъ и квасъ пьютъ: отъ того они здоровы, сильны и смѣлы. Не правда ли?“

Послѣ взятія города Милана приступомъ, когда Графъ Суворовъ шелъ въ церковь для молебствія, жители устилали путь его вѣтвями и бросали предъ нимъ вѣнки; самые знаменитые изъ нихъ становились предъ нимъ на колѣна и старались цѣловать его платье, руки и ноги. Графъ былъ симъ очень тронутъ, крестилъ рукою всѣхъ къ нему приближающихся и говорилъ: „Богъ помогъ! слава Богу! радъ, радъ! молитесь Богу больше.“

Предъ началомъ сраженія съ Французскимъ Генераломъ Макдональдомъ Австрійской Полковникъ, Шипокъ прозваніемъ, упалъ отъ приключившейся ему, какъ онъ сказывалъ, чрезвычайной колики. Въ сіе время Графъ Суворовъ

наѣхавъ на него, спросилъ: что такое? и когда помогавшіе полковнику отвѣчали о случившемся съ нимъ припадкѣ, Графъ сказалъ: „жаль, молодой человѣкъ, помилуй Богъ жаль; онъ не будетъ съ нами! какъ его оставить! Гей козакъ! козакъ! — и когда сей подъѣхалъ, то Графъ приказывалъ: „прикоди его поскорѣе! помилуй Богъ жаль, Французы возьмутъ; чтобъ наше имъ не доставалось: приколи поскорѣе.“ — Больной о семъ услыша, вскочилъ и сказалъ, что ему стало полегче. „Слава Богу!“ сказалъ Графъ отъѣзжая, „очень радъ! полегче стало, тотчасъ полегче стало.“

Въ туже войну найдена была у Австрійскаго Маіора Тура переписка съ Французами, и когда онъ былъ приведенъ предъ Графа Суворова, то сей взглянувъ на него, сказалъ: „я невиноватъ, невиноватъ! самъ пропалъ!“, — и не отсылая въ Вѣну для суда, приказалъ разстрѣлять его двенадцатью ружьями.

Чрезвычайные успѣхи и быстрыя побѣды Графа Суворова въ Италіи привели Французскую директорію въ крайнее смятеніе; она не зная, что дѣлать, обѣщала тому, кто привезетъ его голову, два милліона ливровъ въ награжденіе. Графъ услышавъ о семъ, приказалъ привести къ себѣ плѣннаго Француза, и отпустя онаго въ отечество, сказалъ ему: „желаю тебѣ щастливаго пути домой, но прежде всего объяви отъ меня директоріи: сумма, за голову мою назначенная, велика; да у васъ и денегъ столько нѣтъ. Скажи своей директоріи: я постараюсь самъ принести къ нимъ голову мою вмѣстѣ съ руками.“

Нѣкогда взятъ былъ въ плѣнъ молодой прекрасной и щеголевато одѣтый человѣкъ, который назывался свойственникомъ нынѣшнему Французскому Императору. Графъ Суворовъ взглянувъ на него, сказалъ: „хорошъ! прекрасной молодецъ; однако. . . . Поди себѣ домой, и неходи сюда, нето Рускіе зарѣжутъ. Съ Богомъ! . . . Да не воротчайся зарѣжутъ. Помни же! ступай, не оглядывайся.“

Во время тойже войны Графъ Суворовъ отпуская во Францію плѣннаго Французскаго Генерала на честное слово, чтобъ болѣе противу Россіянъ не служить, сказалъ ему: „желаю щастливаго пути. . . . Да чемъ ты былъ тамъ? портной или сапожникъ? Лучше работай, инако забудешъ кроить. Поѣзжай домой: тамъ больше достанешъ денегъ; Рускіе не денежны и сердиты; съ Богомъ! . . . . Кланяйся землякамъ.“

Когда Государь Императоръ Павелъ I благоволилъ надѣть на Графа Суворова большой крестъ ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, то онъ сказалъ: „Господи спаси Царя!“ Къ сему Государь примолвилъ: тебѣ спасать Царей.“ — Съ тобою Государь возможно, произнесъ Суворовъ.

По пріѣздѣ своемъ въ 1799 году, когда Графъ Суворовъ отправлялся въ Италію, когда въ первые явился во дворецъ, то всѣхъ окружающихъ Государя называлъ красавцами, увѣряя, что они похорошѣли. На вопросъ нѣкоего

знаменитаго человѣка, для чего всѣмъ одно говоритъ? онъ отвѣчалъ: „вы красавцы, а я кокетка; смѣюсь и не боюсь.“

Предъ отъѣздомъ въ Вѣну Графъ Александръ Васильевичь во дворцѣ на балѣ разговаривалъ съ Княземъ Ауерспергомъ, бывшимъ при Эрцгерцогѣ Іосифѣ, и говорилъ ему на Французскомъ языкѣ, переводя по Нѣмецки: „оборони„тельная война не хороша, наступа„тельная лучше; Французы на ногахъ, „а вы на боку. Они бьютъ, а вы заря„жаете. Взведи курокъ, прикладывай„ся, пали; а они rinfreski *); пропорція „три противъ одного: подите за мной, „я вамъ докажу.“ Послѣ чего повелъ онъ Князя Ауерсперга самыми скорыми шагами по комнатамъ, возвратился въ залъ и оставилъ его одного.

Графъ Ѳедоръ Васильевичь Растопчинъ разсказывалъ, что Графъ Суворовъ на канунѣ отъѣзда въ Вѣну, бывъ съ

(*) По Италіянски: прохладительное. Онъ подъ симъ разумѣлъ штыки, кои называлъ холоднымъ оружіемъ.

нимъ на единѣ, разговаривалъ о войнѣ и о тогдашнемъ положеніи Европы. Графъ Александръ Васильевичь началъ сперва вычитать ошибки Цесарскихъ начальниковъ, потомъ сообщать свои виды и намѣренія. Слова текли какъ рѣка, мысли всѣ были человѣка чрезвычайнаго; такъ его говорящаго (сказывалъ Графъ Ѳедоръ Васильевичь) и подобное отъ него краснорѣчіе я слышалъ въ первый разъ. Но посреди рѣчи, когда я весь превращенъ былъ въ слухъ и вниманіе, онъ самъ вдругъ изъ Цицерона и Юлія Кесаря обратился въ птицу и запѣлъ громко пѣтухомъ. Не укротя перваго движенія, я вскочилъ и спросилъ у него съ огорченіемъ: какъ это возможно! А онъ взявъ меня за руку и смѣючись сказалъ: „поживи съ мое, закричишь и курицой.“

Графъ Суворовъ увѣрялъ, что былъ онъ раненъ тридцать два раза: дважды на войнѣ, десять разъ дома, и двадцать у двора.

Желая узнать мнѣніе его (продолжаетъ Графъ Растопчинъ) о знамени-

тыхъ воинахъ и объ военныхъ книгахъ, проходилъ я всѣхъ извѣстныхъ полководцевъ и писателей; но при каждомъ названіи онъ крестился. Наконецъ, сказавъ мнѣ на ухо: Юлій Кесарь, Аннибалъ,... Бонапарте.... Домашній лечебникъ, Пригожая повариха, и.... заговорилъ объ Химіи.

Онъ находилъ, что были три самыхъ смѣлыхъ человѣка: Курцій, Князь Яковъ Ѳедоровичь Долгорукій и Антонъ спароста. Первый потому, что для спасенія Рима бросился въ пропасть; второй, что для блага Россіи говорилъ правду Петру Великому; а третій, что одинъ ходитъ на медвѣдя.

Ирой Рымникскій и Италійскій въ знакъ уваженія своего къ Генералу Милорадовичу, котораго любилъ за рвеніе его къ славѣ, подарилъ ему свой портретъ, написанный въ самомъ маломъ видѣ искуснымъ Италіянскимъ живописцемъ. Для тѣхъ, кои знали и наблюдали Суворова; каждое его слово, каждый его поступокъ были значущими. И въ семъ случаѣ кажется, что будто бы

онъ хотѣлъ сказать: „смотрите, какъ „малъ человѣкъ самъ по себѣ; но онъ „можетъ быть великимъ по дѣламъ.“— Генералъ Милорадовичь зная своего ироя, поступилъ съ подаркомъ его по Суворовски: онъ вставилъ портретъ въ перстень, и около онаго написалъ четыре слова, озна[illegible]ція душу ироя и силу Рускихъ: „быстрота, штыки, побѣда, ура! Суворовъ увидя перстень и надпись, сказалъ: „хорошо! но не все: между штыками и побѣдою включи слово, натискъ. Вотъ и будетъ вся тактика Суворова.“

Суворовъ утомлялъ славу, но самъ не зналъ усталости: по своему выраженію, „съ чудами богатырями надѣвалъ онъ вихри,“ и вмѣстѣ съ ними леталъ отъ Рымника до горъ Альпійскихъ. Во время сего перехода зашелъ онъ въ хижину: ноги его были изъявлены остріями камней. Ирой бросился на солому и послалъ за нѣкоторымъ изъ своихъ Генераловъ, достойнымъ имени его питомца. Мысль объ славѣ есть отдыхъ ироевъ. Воображенію Суворова представалъ Аннибалъ, перешед-

шій Альпы послѣ долговременныхъ усилій; Суворовъ перешелъ оныя безъ остановки. Сіе не удивительно: съ Аннибаломъ были Карѳагенцы: съ Суворовымъ Рускіе. Отъ Аннибала мысль его перенеслась къ Юлію Кесарю, котораго особенно наблюдалъ онъ на полѣ битвъ и славы. Воспоминая какъ сей Римскій вождь отважнымъ и внезапнымъ расположеніемъ остановилъ цѣлый народъ съ однимъ легіономъ, и представляя себѣ побѣду его на поляхъ Фарсальскихъ, невольно обратился къ тѣмъ подвигамъ, которые совершилъ съ своими „чудо-богатырями. — Суворовъ жилъ для Россіи; для ней желалъ онъ опередить предшествовавшихъ ему любимцевъ славы и побѣдъ; къ чадамъ ея относилъ онъ всѣ свои дѣянія. Ихъ прославлялъ онъ за битвы на поляхъ Оттоманскихъ; имъ дивился въ быстромъ низверженіи царства Литовскаго; или любовался на вершинахъ горъ Альпійскихъ.— Въ сію минуту вошелъ Генералъ.

Суворовъ во всѣмъ былъ Суворовымъ, въ умственномъ и рапномъ полетѣ. „Знаешъ ли ты трехъ сестръ?“ спросилъ онъ вдругъ у вошедшаго къ

нему Генерала. Ненавистнику немогузнайки (смотри выше помѣщенный Вахипъ-Парадъ Суворова) всегда отвѣчали: знаю.

Такъ! подхватилъ Суворовъ, „ты Руской, ты знаешъ трехъ сестръ, Вѣру, Любовь и Надежду. Съ ними слава и побѣда, съ ними Богъ.“

И потомъ обратясь къ сидящаго воинства, продолжалъ: „штыки, быстрота, внезапность, суть вожди Россіянъ. Непріятель думаетъ, что ты за сто, за двѣсти верстъ; а ты удвоивъ, утроивъ шагъ богатырскій, нагрянь на него быстро, внезапно. Непріятель поетъ, гуляетъ, ждетъ тебя съ чистаго поля; а ты изъ-за горъ крутыхъ, изъ залѣсовъ дремучихъ налети на него, какъ снѣгъ на голову; рази, стѣсни, опрокинь, бей, гони, не давай опомниться: кто испуганъ, тотъ побѣжденъ въ половину; у страха глаза больше, одинъ за десятерыхъ покажется. — Будь прозорливъ, остороженъ; имѣй цѣль опредѣленную. Возьми себѣ въ образецъ героя древнихъ временъ, наблюдай его, иди за нимъ въ слѣдъ; поровняйся, обгони — слава тебѣ! — Я выбралъ Кесаря — Альпійскія горы за

нами — Богъ предъ нами: ура! орлы Рускіе облетѣли орловъ Римскихъ.

Слѣдующіе Анекдоты повѣствуетъ о Графѣ Суворовѣ, нѣкто изъ самовидцевъ *).

Суво́ровъ не любилъ немогузнаевъ, а самъ былъ великій могузнай. Онъ совершенно постигъ свойство Рускихъ воиновъ. При каждомъ разводѣ говорилъ имъ: „взоръ, быстрота, побѣда.“ Естьли же кто погрѣшалъ противъ должности, рядовой, офицеръ или Генералъ, онъ ихъ укорялъ одинаково: „ты не Рускій, это не по Руски. Когда же кто оправдывался, то прибавлялъ: „покажи на дѣлѣ, что ты Рускій. Вотъ какъ цѣнилъ и уважалъ Суворовъ то имя, съ которымъ и свое вписалъ въ лѣтописи міра штыками своихъ богатырей.

Рускіе никогда не забудутъ кроткаго и разительнаго наставленія Суворова: „шагъ назадъ — смерть! впередъ два, три и десять шаговъ, позволяю.“ Даже и при многочисленномъ

(*) Смотри Рускаго Вѣстника 1809 года.

строѣ, когда случалось которому нибудь рядовому впередѣ выдаваться, то никто несмѣлъ подвигать его назадъ, но цѣлая тысяча и болѣе по немъ равнялась. По скромности, сродной ирою, Суворовъ никому не разглашалъ объ тактикѣ своей, но явно изобразилъ ее въ дѣлахъ.

Любя страстно славу, онъ желалъ, чтобы каждый подчиненный его пылалъ къ ней равнымъ жаромъ, и строго наблюдалъ честь Рускихъ воиновъ. Нѣкогда при разводѣ будучи недоволенъ Фанагорическимъ своимъ полкомъ, призвалъ адъютанта и сказалъ ему: „поди, скажи Мандрыкину, чтобъ онъ написалъ прошеніе и подалъ Курису (бывшій письмоводитель Суворова): пустъ переведетъ меня въ другой полкъ. Не хочу съ ними служить; они немогузнайки.“ Весь полкъ приведенъ былъ въ чрезвычайное уныніе сими словами. Въ другую очередь Фанагорическаго полка разводъ былъ исправный; Суворовъ по обыкновенію своему, начиная благодарность отъ Полковника до рядоваго, заключилъ рѣчь свою такимъ

образомъ: „я вамъ другъ, вы мои друзья!“ и потомъ приказавъ адъютанту сказать Курису, чтобы онъ оставилъ его въ томъ же полку, продолжалъ: „они добрые солдаты; они исправились; они Рускіе.“ У солдатъ на всѣхъ лицахъ примѣтно было сердечное восхищеніе.

Суворовъ не пропускалъ ни одного случая къ возбужденію въ подчиненныхъ своихъ духа чести и мужества. Онъ зналъ, что полководцу также нужно пользоваться расположеніемъ душъ, какъ и выгоднымъ мѣстомъ. По окончаніи сраженія подъ Мачевицами, Генералъ Денисовъ пріѣхалъ къ нему съ донесеніемъ о побѣдѣ. Суворовъ выслушавъ его, сказалъ: „вотъ Донецъ: онъ Руской, онъ Илья Муромецъ; онъ Еруслань Лазаревичь; онъ Добрыня Никитичь. . . . Побѣда, слава, честь Рускимъ!“

Нѣкогда вышелъ споръ съ союзными войсками о пушкахъ, взятыхъ у непріятеля; союзники требовали, чтобы имъ отдали половину. Суворовъ рѣ-

шилъ сіе такимъ образомъ: „отдать имъ всѣ пушки, всѣ отдать. Гдѣ имъ взять? Мы себѣ еще добудемъ.

Во время одного развода, воспоминая старую свою службу, сказалъ онъ солдатамъ: „вы помните, богатыри мои! какъ я въ семилѣтнюю войну съ однимъ эскадрономъ гналъ цѣлый полкъ.“ Слова сіи произнесены были въ присутствіи Прускаго Генерала. Въ самое сіе время случился разводъ Фанагорическаго полка: гренадеръ шелъ къ Суворову съ рапортомъ объ смѣнѣ. Увидя онаго Суворовъ, отскочилъ, и сказалъ: „боюсь, боюсь; онъ страшенъ!“ и потомъ остановясь спросилъ у гранадера: „можешъ ли на свой штыкъ взять полдюжины? . . . „Этого мало будетъ, ваше Сіятельство, отвѣчалъ вѣстовой: я справлюсь и съ дюжиною.“ Расхваливъ гранадера, Суворовъ приказалъ адъютанту наградить онаго, а самъ между тѣмъ обратилъ рѣчь къ иностраннымъ Генераламъ: „у меня всѣ богатыри; колютъ по дюжинѣ: этотъ гренадеръ сей часъ сказалъ, что ему полдюжины мало.“ Такою силою двигалъ Суворовъ души и сердца!

Послѣ побѣды подъ Крупчицами, когда непріятель ушедъ къ Божесту Литовскому, ожидалъ тамъ Рускихъ доложили Суворову, что должно сушить сухари. Суворовъ отвѣчалъ: „не надобно!“ и давъ войску не большой роздыхъ, вышелъ на непріятеля, отнялъ у него пушки, и сказалъ Генералу представлявшему ему о сушеніи сухарей: „ежели бы мы остались сушить сухари, то пушекъ бы не отняли и непріятель бы ушелъ.“

Суворовъ также былъ быстръ въ изрѣченіяхъ, какъ и въ движеніяхъ воинскихъ. Подходя къ Варшавѣ, разбилъ онъ мимоходомъ непріятельское войско, и писалъ подобно Кесарю: „пришелъ, посмотрѣлъ, разбилъ.“ Изрѣченіе его послѣ взятія укрѣпленнаго Варшавскаго предмѣстія Праги еще достопамятнѣе: „Прага взята; Варшаву отдѣляетъ отъ насъ одна только рѣка Висла.“

Какой духъ, мужество и воинское любочестіе умѣлъ Суворовъ внушить

въ своихъ подчиненныхъ, доказываетъ по недавно случившееся произшествіе съ опсправнымъ гренадеромъ Фанагорійскаго полка. — Когда получено было повелѣніе о вызовѣ опсправныхъ солдатъ на службу: Г. Тютчевъ находился въ Земскомъ войскѣ въ Карачевскомъ уѣздѣ; ему препорученъ былъ осмотръ сихъ служителей отечества. Въ первый день явился къ нему съ указомъ объ отставкѣ Фанагорическаго полка гренадеръ Егоръ Емельяновъ. Хотя ему было болѣе шестидесяти пяти лѣтъ, но по виду и глазамъ его можно примѣтить, что онъ видѣлъ въ лицо Суворова и славу. Онъ написанъ былъ въ третье отдѣленіе, то есть въ городовую службу. Не зная объ назначеніи своемъ, вышелъ онъ покойно, но вскорѣ возвратился въ крайнемъ смятеніи. „Ваше высокоблагородіе!“ сказалъ онъ, „не прикажите обижать стараго служиваго!“ Г. Тютчевъ думая, что его кто нибудь обидѣлъ, спѣшилъ о томъ узнать. Гренадеръ отвѣчалъ: „я служилъ двадцать семь лѣтъ вѣрою и правдою Богу и Государю; былъ на тридцати сраженіяхъ; получилъ много ранъ; Графъ

Александръ Васильевичь вездѣ назначалъ меня въ передовые, а вы написали меня въ запасные. . . . . Не бойтесь, я еще постою за себя! вчера перешелъ я безъ привалу (безъ отдыха) сорокъ верстъ. . . . Какъ бывало вымолвитъ батюшка Суворовъ: надѣвай вѣтры! впередъ. . . Чудо-богатыри! Богъ васъ водитъ. . . . Идемъ, куда вѣлитъ, и сто верстъ казалось за десяткъ. . . . Нѣтъ, ваше высокоблагородіе, мы не дадимъ промаха шпыкомъ; постоимъ еще грудью за вѣру и Царя православнаго.“ Тутъ всѣ отставные воины въ одинъ голосъ вскричали: „умремъ за вѣру и царя православнаго!“ Во весь выборъ ни одинъ отъ службы не отговаривался; а ревностнаго Емельянова по желанію его помѣстили въ подвижное Земское войско.

Всѣмъ служившимъ подъ начальствомъ Князя Италійскаго извѣстно, что онъ любилъ въ своихъ офицерахъ расторопность и рѣшимую готовность для отвѣта. Заминающихся, приходящихъ въ смятеніе и недающихъ ему

скораго отвѣта, хотя бы и не къ статьи, но съ живостію, называлъ онъ немогзнайками. Въ семъ намѣреніи не рѣдко испытывалъ онъ всѣхъ своихъ офицеровъ. Укрѣпляя границу со Шведами, прогуливался онъ (всегда не безъ намѣренія), и увидѣлъ офицера, надзиравшаго за нѣкоторою частью работъ, который размѣривалъ шагами мѣсто, на которомъ слѣдовало производить работу завтрешній день. Онъ подшелъ къ нему и вдругъ спросилъ: „знаешь ли, сколько верстъ до луны? —“ „Знаю, ваше сіятельство! —“ „А сколько же?—“ „Два солдатскихъ перехода,“ отвѣчалъ офицеръ безъ запинки. Суворовъ тотчасъ поворотился и пошелъ отъ него прочь; сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, остановился, посмотрѣлъ на офицера; еще отшелъ нѣсколько шаговъ, опять остановился, и поклонясь офицеру въ поясъ, сказалъ: „прощайте, ваше благородіе! .... Прошу почаще ко мнѣ обѣдать. —“ и ушелъ.

Всѣмъ извѣстно, что покойный Князь Италійскій издавна пріобучилъ тѣло свое къ сношенію всѣхъ воздушныхъ

перемѣнѣ; онѣ могѣ спать не токмо (какѣ обыкновенно бывало) на соломѣ, или сѣнѣ, но и на голой землѣ, подложа подѣ голову сѣдло; вѣ жестокіе морозы окачивался водою со льдомѣ, и зимою, кромѣ дороги, шубы не надѣвалѣ. Вѣ бытность его вѣ С. Петербургѣ блаженныя памяти Императрица Екатерина II изволила замѣтить, что онѣ разѣѣзжаетѣ безѣ шубы, и для того прислала ему шубу, стоющую великой цѣны, приказавѣ сѣ посланнымѣ сказать, чтобѣ онѣ непремѣнно шубу сію носилѣ. — „Какѣ!“ сказалѣ Суворовѣ, „солдату шубы по штату не положено.“ И когда присланный подтвердилѣ, что на сіе есть непремѣнное соизволеніе Ея Величества; Суворовѣ сказалѣ: „Матушка меня балуетѣ! быть такѣ!“ Послѣ чего принялѣ шубу сѣ благодареніемѣ; но никогда оную на себя не надѣвалѣ, кромѣ того когда ѣзжалѣ во дворецѣ; но и тогда сажалѣ сѣ собою слугу который шубу сію держалѣ на рукахѣ и при выходѣ Суворова изѣ кареты надѣвалѣ оную на него; вѣ семѣ нарядѣ онѣ входилѣ до переднихѣ комнатѣ.

Покойный Суворовъ въ подчиненныхъ своихъ офицерахъ не любилъ излишняго и съ порядкомъ воинскаго убранства несогласнаго щегольства. Нетерпѣлъ онъ также одобрительныхъ и препоручательныхъ писемъ, о комъ бы то ни было: онъ требовалъ, чтобъ офицера одобряли служба и поведеніе. — Когда онъ препровождалъ съ корпусомъ войскъ Татаръ, непожелавшихъ остаться въ Крыму на прежнихъ мѣстахъ, за Кубань, прибылъ къ нему въ корпусъ опредѣленный подполковникъ N N. Онъ привезъ съ собою нѣсколькихъ одобрительныхъ писемъ отъ самыхъ ближнихъ къ нему особъ и явился къ Суворову щеголевато причесанный, опрысканный благовоніями и обутый въ башмаки. Суворовъ прочитавъ письма, принялъ его очень ласково. „Очень радъ!“ сказалъ онъ ему; „вы знакомы со всѣми моими ближними. Хорошо! помилуй Богъ хорошо; мы сами постараемся сблизиться.“ И немедленно предложилъ ему прогуляться съ собою верховою ѣздою. Г. N N., обрадованный такимъ привѣтствіемъ главнаго своего начальника, просилъ о позволеніи переодѣться. „Не надобно, не надобно! сказалъ Суворовъ;

въ службѣ не до переодѣванья; должно быпь каждой часъ гопову. N N. принужденъ былъ сѣсть на козачью лошадь и ѣхать доброю рысью въ слѣдъ за своимъ начальникомъ. Между пѣмъ онъ считалъ, чпо поѣздка сія составляетъ небольшую прогулку; но очень ошибся. Они проѣздили двое супокъ по форпостамъ и редутамъ, такъ чпо у г. N N. опъ худаго козачьяго сѣдла не токмо не оспалось чулокъ на икрахъ, но доспалось и собственной кожѣ. — Такимъ образомъ дано было ему чувспвовапь, чпо придворной нарядъ для офицера, служащаго въ полѣ, не годипся.

Хотя Суворовъ зналъ очень хорошо многіе языки, но безъ необходимости не употреблялъ ни копораго, кромѣ Рускаго. Любящихъ непрестанно употреблять Французской языкъ, особливо же слишкомъ занимающихся щегольствомъ, причислялъ онъ въ классъ немогъ-знаевъ подъ особливымъ названіемъ мусье. Ежели доходила рѣчь до такого человѣка, Суворовъ говорилъ: „о! знаю, знаю! помилуй Богъ! это мусье.“

Пока еще не обнаружились военные таланты и великой духъ Суворова, многіе считали его преданнымъ пьянству; вмѣсто того не было человѣка воздержнѣе его какъ въ пищѣ, такъ и питьѣ. Онъ довольствовался самою простою пищею, и очень часто садясь въ кружокъ къ солдатамъ, ѣлъ съ ними кашицу. Пища и мѣра питья назначены были у него съ точностію, и ежели бы оказался въ немъ позывъ употребить нѣчто сверхъ опредѣленнаго, то камердинеръ его Трофимъ имѣлъ строгое подтвержденіе отнимать у него тарелку, стаканъ или рюмку. Александръ Васильевичъ за столомъ и впрочемъ не пилъ кромѣ пива и рюмки Венгерскаго никакого вина. Не рѣдко случалось, что онъ отнимающаго у него Трофима тарелку или стаканъ упрашивалъ самыми убѣдительными словами о снисхожденіи, иногда съ угрозами и повелительно: и горе бывало Трофиму въ случаѣ уступчивости. Разумѣется, что Трофимъ никогда не бывалъ снисходительнымъ, и господинъ его не съѣдалъ и не выпивалъ кромѣ опредѣленнаго количества.

Онъ не любилъ мѣлочныхъ вѣжливостей и прислугъ, но обходился просто. Случилось въ осеннѣе холодное время, когда происходили еще замѣшательства отъ выпровоженныхъ Крымскихъ Татаръ, и главная квартира Суворова находилась на Кавказской линіи, и когда Графъ, объѣзжая линію, возвращался въ свою квартиру, холодъ принудилъ Александра Васильевича взять салопъ у своей супруги, въ которомъ онъ прибылъ въ кибиткѣ, и вышедъ изъ оной, переправлялся чрезъ рѣку на плоту, завернувшись въ салопъ. Нѣкоторые офицеры сочли его по салопу за Генеральшу и бѣжали свести оную съ плота на берегъ. Когда они приготовились къ сему, Александръ Васильевичь спрыгнулъ съ плота, ударилъ ихъ по рукамъ, и сказавъ: безъ церемоніи! безъ церемоніи! ушелъ въ свою квартиру.

Князь Италійскій вставалъ очень рано и обыкновенно каждый день окатывался холодною водою; послѣ того одѣвался и занимался цѣлой часъ ученіемъ партеснаго пѣнія. Пока слышанъ былъ его басъ, никто къ нему входить

не смѣлъ; но когда онъ прокричитъ пѣтухомъ, значило, что онъ готовъ, и тогда немедленно входили къ нему съ дѣлами.

Извѣстно, что непобѣдимый сей ирой, сколько безпримѣренъ былъ въ военномъ искусствѣ, столько же знающъ и въ политикѣ; но любилъ все то скрывать, и съ намѣреніемъ выказывая разныя странности, желалъ, чтобъ въ немъ ошибались и не видѣли того, что былъ онъ въ самомъ дѣлѣ. Отъ сего произошло, что долго считали его хотя хорошимъ партизаномъ, но впрочемъ за страннаго чудака. Таковымъ изобразилъ его, возвратясь изъ арміи ко Двору, покойный Князь Потемкинъ самой Императрицѣ Екатеринѣ II. Однакожъ сія премудрая Монархиня, вѣдая объ воинскихъ успѣхахъ Суворова, желала сама его узнать покороче. Въ первый случай, когда Суворовъ случился послѣ того въ С. Петербургѣ, Государыня сія пригласила его въ кабинетъ, и вошла съ нимъ въ подробный и самый трудный разговоръ. Она удивилась отвѣтамъ, сужденіямъ, свѣденіямъ, доводамъ и заключеніямъ

сего великаго мужа. Онъ болѣе зналъ, болѣе провидѣлъ и доказывалъ въ наукахъ, нежели профессоръ, а въ политикѣ, нежели дипломатикѣ, цѣлый свой вѣкъ въ ней упражнявшійся. При первомъ свиданіи Государыня сказала Потемкину: ахъ, Князь! какъ вы ошиблись; какъ худо вы знаете Суворова! — Возможно ли, Государыня! я не смѣю... но кажется — Конечно вамъ кажется, когда вы не старались его узнать, когда разсматривали его поверхностно; но я доставлю вамъ случай выпти изъ сего заблужденія.

Чрезъ нѣсколько времени Императрица призвала Суворова въ свой кабинетъ, а Князю Потемкину приказала стать въ примыкающемъ къ оному коридорѣ, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ онъ весь разговоръ явственно могъ слышать. Монархиня завела разговоръ съ обыкновенною своею мудростію и требовала его совѣтовъ въ разсужденіи тогдашнихъ политическихъ отношеній Европы. Рѣка краснорѣчія, основательныя истины и тончайшей политики проистекли тогда изъ устъ Суворова. Князь Потемкинъ, долго и со изумленіемъ слушая, не могъ долѣе

вытерпѣть. Ахъ! Александръ Васильевичь, сказалъ онъ, входя въ кабинетъ; служа такъ долго съ вами, я до сего времени не зналъ васъ. — Суворовъ заговорилъ вздоръ и не медленно ушелъ вонъ. —. Однакожъ съ того времени Потемкинъ возъимѣлъ къ Суворову отмѣнное уваженіе.

Когда Князь Италійскій 29го Октября 1799 года возведенъ былъ Императоромъ Павломъ I на вышшій степень чести Генералиссимуса надъ всѣми Россійскими войсками съ тою славою, что онъ есть первый изъ полководцевъ сего и всѣхъ грядущихъ вѣковъ, какъ то означено въ Высочайшемъ рескриптѣ; именно Монархъ сей писалъ: „побѣждая повсюду враговъ „отечества, не доставало вамъ еще „одного рода славы, преодолѣть и са„мую природу. Но вы одержали и „надъ нею нынѣ верхъ. Поразивъ еще „разъ злодѣевъ вѣры, попрали вмѣстѣ „съ ними козни сообщниковъ ихъ, зло„бою и завистію противу васъ воору„женныхъ. Нынѣ награждаю васъ по „мѣрѣ признательности моей и спа-

„вя на выщній степень, чести и герой-
„ству предоставленной, увѣренъ, что
„возвожу на оный знаменитѣйшаго
„полководца сего и другихъ вѣковъ.“—
Бывъ безмѣрно обрадованъ, сказалъ:
„слава Богу! велика милость! великъ
чинъ; онъ меня придавитъ; не долго
мнѣ жить.“ Въ самомъ дѣлѣ онъ скон-
чался 6 Маія 1800 года въ С. Петер-
бургѣ, и погребенъ въ Невскомъ мо-
настырѣ. Надгробіе его украшено
краткою, но много значущею надписью:
„здѣсь лежитъ Суворовъ.“

Послѣ одного форсированнаго марша
въ Италіи солдаты, неимѣвшіе при-
пасовъ и провіанта въ снабзакахъ, на
отдыхѣ, сѣвъ на берегъ рѣчки, выну-
ли ложки и хлебали оными воду. Су-
воровъ пришелъ къ нимъ нечаянно, и
сказалъ: „здорова рабята! что вы дѣ-
лаете?“ — „Хлебаемъ Итальянской
супъ, ваше сіятельство!“ — „Помилуй
Богъ какъ хорошо! сказалъ онъ, не ве-
лѣлъ имъ вставать, что хотѣли они
сдѣлать изъ почтенія, сѣлъ между
ими, взялъ у одного ложку, самъ хле-
балъ воду изъ рѣчки и говорилъ:

„славной супъ!. . . . помилуй Богъ славной! . . . Вашъ Фельдмаршалъ теперь сытъ. Но молчокъ рабята! Французишки близко; одинъ переходъ: у нихъ много напечено и нажарено: все будетъ наше!“ Сказавъ сіе всталъ и отшелъ. Такимъ то образомъ сей великій мужъ умѣлъ своихъ подчиненныхъ ободрять къ перенесенію нуждъ и трудовъ, и снискивать ихъ къ себѣ довѣренность.

Во время той же войны Французы показались въ небольшомъ отрядѣ за рѣкою. Нѣсколько баталіоновъ Русскихъ переправились и напали на непріятелей; но къ Французамъ пришло подкрѣпленіе въ превосходныхъ силахъ, такъ, что они почти отрѣзали Русскихъ, и судя по обстоятельствамъ, принуждали ихъ сдаться; однакожъ усиленной огонь и нападеніе на штыкахъ было отвѣтомъ Русскихъ; и какъ Россіяне сами получили подкрѣпленіе, то Французы были опрокинуты и прогнаны съ немалымъ урономъ. Французской Генералъ Макдональдъ, бывъ очевидцемъ сей отчаянной обороны, уди-

вился и спрашивалъ у плѣнныхъ Цесарскихъ офицеровъ: нѣтъ ли на сіе точнаго предписанія, чтобъ драться съ толикимъ ожесточеніемъ. Слухъ о семъ дошелъ къ Суворову. — „Удивляется,“ сказалъ онъ, „Макдональдъ, спрашиваетъ, не приказано ли Рускимъ быть храбрыми: помилуй Богъ, какъ смѣшно!“

Послѣ прибытія къ Французскимъ войскамъ Генерала Жуберта Суворовъ замѣтилъ по движеніямъ войскъ, что онъ приготовляется къ главному сраженію. „Ну!“ сказалъ Суворовъ, „этотъ молодецъ идетъ учиться: пойдемъ, дадимъ ему урокъ.“ — Извѣстны слѣдствія сего урока: Французы были жестоко разбиты и самъ Жубертъ убитъ.

Когда Французскій Генералъ Серюрье, находясь нѣсколько мѣсяцовъ у Россіянъ въ плѣну, былъ отпущенъ на честное слово, Суворовъ пригласилъ его къ обѣду, обошелся съ нимъ очень ласково, разговаривалъ объ во-

енныхъ дѣлахъ, и прощаясь съ нимъ, спросилъ: „куда вы отправитесь?“ — Въ Парижъ, отвѣчалъ Серюрье. — „Тѣмъ лучше, сказалъ Суворовъ; я надѣюсь скоро видѣться тамъ съ вами.“

Предъ переходомъ чрезъ Сен-Готардскія горы, когда Россійскія войски, послѣ столькихъ побѣдъ и непрестанныхъ военныхъ трудовъ, оставя плодоносныя равнины Піемонтскія и Ломбардскія, съ огорченіемъ смотрѣли на высокія скалы ужасныхъ горъ, всегда снѣгомъ и льдомъ покрытыя, и на которыя взбираясь, надлежало почти каждой шагъ очищать себѣ оружіемъ: первыхъ колоннъ солдаты вознегодовали и не хотѣли итти далѣе. Суворовъ узнавъ о томъ, прибѣгаетъ къ нимъ; онъ велѣлъ вырыть яму на дорогѣ; легъ въ нее и кричалъ солдатамъ: „заройте меня въ землю; оставьте „здѣсь своего Генерала: вы не мои дѣти, „я не отецъ вамъ болѣе; мнѣ пришлось „умереть.“ Солдаты услыша сіе, столпились около Суворова, и просили позволеніе взобраться на вершину Сен-Готарда и согнать оттуду Францу-

зовъ. Они слово свое сдержали, и сей переходъ болѣе, нежели Аннибаловъ, былъ совершенъ.

Когда Вѣнскій кабинетъ, имѣя свои собственные виды, остановилъ умыслами своими успѣхи и намѣренія Россійскаго оружія въ Швейцаріи, скрытныя намѣренія Австрійцевъ не утаились отъ проницательности Суворова; онъ явно выказалъ свое негодованіе, и жаловался на Эрц-Герцога, который собственно не былъ причиною, но принужденъ былъ поступать по предписаніямъ своего кабинета. Эрц-Герцогъ прислалъ къ нему въ Линдау своего офицера, прося на совѣтъ для составленія плана оборонительнаго. „Скажи„те Эрц-Герцогу, произнесъ Суворовъ, „что я не знаю никакихъ плановъ обо„ронительныхъ; мнѣ извѣстны только „наступательные; я пойду впередъ, „когда будетъ нужно, не остановлюсь „болѣе въ Швейцаріи и въ сходственность полученныхъ мною повелѣній „устремлюсь во Франш-Контъ. Ска„жите Эрц-Герцогу, что въ Вѣнѣ я паду „къ ногамъ его; а здѣсь я по крайней

„мѣрѣ ему равной: онъ служитъ Импе-
„ратору, и я также; онъ повелѣваетъ
„арміею, и я также; онъ молодъ, а я
„старъ, а по числу побѣдъ и болѣе опы-
„тенъ: я болѣе опытенъ; я ни у кого не
„прошу совѣтовъ, и не имѣю нужды въ
„урокахъ, отъ кого бы то ни было. Богъ
„и шпага, вотъ мои наставники!“

Сказано уже отчасти прежде, что онъ наблюдалъ всегда строгую діету. Не рѣдко случалось среди обѣда, что кто либо изъ его адъютантовъ вставалъ, подходилъ къ нему и запрещалъ ему болѣе ѣсть. „По чьему это приказанію?“ спрашивалъ Суворовъ. — „По приказанію самаго Фельдмаршала Суворова,“ отвѣчалъ адъютантъ. — „О! должно повиноваться! ему должно повиноваться!“— и вставалъ изъ-за стола.

Извѣстно, что Суворовъ самъ училъ солдатъ своихъ драться на штыкахъ, и тремя различными образами. Когда онъ командовалъ: маршъ противъ Поляковъ! — тогда солдаты производили только одинъ ударъ впередъ штыками. — Маршъ противъ Турковъ! то сол-

даты производили два примѣрныхъ удара штыками. — Маршъ противъ..... Французишковъ! тутъ солдаты кололи два раза впередъ, а въ третій вонзали штыки въ землю и повертывали. Ненависть его къ Французамъ послѣ революціи была чрезмѣрная. Изъ Варшавы, когда писалъ онъ къ Императрицѣ Екатеринѣ II, то очень часто оканчивалъ письма свои въ такихъ словахъ: „Матушка! прикажи мнѣ итти противъ Французовъ.“

Во время войны и находясь противъ непріятеля, безъ точнаго его приказанія утренней зори не били. Онъ выходилъ изъ своей палатки и три раза пѣлъ пѣтухомъ; сіе составляло знакъ къ походу, а иногда къ нападенію на непріятеля.

Суворовъ не любилъ съ лишкомъ точной и педантической дисциплины Нѣмецкой, придерживался старинныхъ воинскихъ установленій, отмѣнно приналовленныхъ къ національному Рускому характеру. Суворовъ послѣ кончины Екатерины II получа повелѣніе

перемѣнить воинскую дисциплину, ввесть новыя правила, также и маленькія палочки для мѣры и образца косъ и буколь солдатскихъ, сказалъ: „пудра не порохъ, букли не пушки, ко„са не тесакъ; я не Нѣмецъ, а при„родной Русакъ.“ Сіи слова сдѣлались у Рускихъ нѣкоторымъ образомъ пословицею, дошли до Двора и были причиною отставки Суворова.

Когда Суворовъ получилъ повелѣніе оставить начальство, онъ хотѣлъ самъ объявить о томъ своему войску, и для того велѣлъ оному собраться въ строй. Предъ фрунтомъ складена была по волѣ его пирамида изъ литавръ и барабановъ. Суворовъ явился одѣтый въ простое солдатское платье, но во всѣхъ своихъ орденахъ, сказалъ къ воинамъ своимъ рѣчь, простился съ ними въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ, и скинувъ съ себя всѣ знаки отличія, положилъ оные на пирамиду. „Товарищи! сказалъ онъ сол„датамъ; можетъ быть придетъ вре„мя, когда Суворовъ снова явится сре„ди васъ и возметъ назадъ то, что

„получилъ съ вами, что теперь оста-
„вляетъ вамъ, и что всегда носилъ
„во время побѣдъ своихъ.“ — Растро-
ганные и огорченные солдаты плака-
ли на взрыдъ.

Послѣ своей отставки пріѣхалъ онъ въ Москву; но вскорѣ приказано было ему удалиться изъ оной; онъ получилъ сіе повелѣніе въ своемъ уединеніи чрезъ полицейскаго Маіора, предписывающее ему удалиться въ деревню. Суворовъ съ хладнокровіемъ спросилъ у него: „сколько назначено времени на то, чтобъ онъ могъ привести въ порядокъ дѣла свои?“ — Четыре часа, отвѣчалъ Маіоръ. „О! съ лишкомъ много милости, сказалъ онъ, для Суворова довольно одного часа. Послѣ чего взялъ свою шкатулку и сошелъ внизъ; дорожная карета ожидала его у подъѣзда. „Нѣтъ! сказалъ онъ, Суворовъ, „ѣдущій въ ссылку, въ каретѣ надобности не имѣетъ. Онъ можетъ отправиться туда въ томъ экипажѣ, „въ какомъ ѣзжалъ онъ ко двору Екатерины, или начальствовать надъ арміею. Пусть привезутъ мнѣ кибитку!“

Должно было повиноваться его волѣ, и Маіоръ принужденъ былъ съ старымъ Фельдмаршаломъ проѣхать въ кибиткѣ пять сотъ верстъ.

По возвращеніи въ Петербургѣ Государь вспомнилъ о Суворовѣ и описалъ къ нему. Въ деревню его пріѣзжаетъ фельдъ-егерь и отдаетъ письмо. На конвертѣ надписано было большими буквами: „Фельдмаршалу Суворову.“ „Это письмо не ко мнѣ, сказалъ старый Ирой, прочитавъ надпись; ежелибъ Суворовъ былъ Фельдмаршалъ то не былъ бы въ изгнаніи и подъ стражею; онъ предводительствовалъ бы войсками.“ Изумленный фельдъ-егерь сколько ни повторялъ, что это письмо приказано вручить Его Высокопревосходительству, но долженъ былъ отвезти оное обратно нераспечатанное. Государь не обнаружилъ своего огорченія, но съ тѣхъ поръ гораздо строже присматривали за Суворовымъ; однакожъ вскорѣ послѣ того вызванъ былъ онъ на новое поприще славы и поѣхалъ начальствовать надъ войсками въ Италіи.

Заключимъ сіи анекдоты повѣствованіемъ нѣкоего иностранца, бывшаго у Суворова 21 Октября 1799 года въ Линдау.

„Теперь половина одинадцатаго часа съ полуночи, а я вышелъ отъ Суворова, уже отобѣдавъ у него, и спѣшу описать вамъ (говоритъ онъ своему другу) сію бесѣду. — Я пришелъ въ 8 часовъ; чрезъ полчаса ввели меня въ комнату къ Фельдмаршалу. Тутъ нашелъ я четверыхъ Англичанъ и Князя Брогли, адъютанта Принца Конде, пришедшаго по дѣламъ. Суворовъ появился: это человѣкъ небольшаго роста, сухой и уже состарѣвшійся, съ лицемъ покрытымъ морщинами и съ глазами почти зажмуренными. Онъ говорилъ, что оные отчасу у него слабѣютъ; но когда откроетъ ихъ, тогда въ нихъ виденъ былъ блистающій огонь генія. Одна нога была у него въ сапогѣ, а другая въ туфлѣ, потому, что онъ разшибъ ее, упавши въ горахъ. Его прическа непышная: волосы собраны въ небольшую кучу безъ пудры. Теперь стану описывать объ разговорѣ и обѣдѣ. Послѣ обниманій и благословеній, которыя обыкно-

венно давалъ онъ всѣмъ его посѣщающимъ, онъ спросилъ у меня: „видѣлиль вы Его Свѣтлость Графа д'Артуа?“ Когда я отвѣчалъ ему, что видѣлъ, онъ продолжалъ: „съ нѣкотораго времени мы говорили только о побѣдахъ и пріобрѣтеніяхъ; но теперь не можемъ болѣе. Непредвидѣнныя обстоятельства принудили насъ перемѣнить тонъ; но даю вамъ честное слово, что все это поправится. Мы надѣялись видѣть здѣсь Графа д'Артуа. . . . Но потерпимъ не много, и я увѣренъ, что нынѣшнею зимою буду имѣть честь упасть къ его стопамъ. Вы возвратитесь въ Англію, увидите его королевское высочество, скажите ему: нашъ переходъ чрезъ Альпы, ежели не превосходитъ Аннибаловъ, то по крайней мѣрѣ оному равняется.“ И потомъ, обратясь къ одному изъ своихъ адъютантовъ, сказалъ: „разскажите сему господину о нашей кампаніи въ Швейцаріи, чтобъ онъ могъ подробнѣе донесть Графу д'Артуа.“ — Поговоря съ другими, онъ продолжалъ ко всему собранію: „Римляне говорили, что надобно публично хвалить себя для того, что сіе

„производитъ поревнованіе.“ Послѣ „того обратясь къ Принцу Амедѣ, „произнесъ: „наконецъ армія Кондіева „съ нами; она показала свое посто- „янство въ Констансѣ; она состав- „лена изъ людей почтенныхъ своею „храбростію и добродѣтелями.“ — По- дали медъ; онъ выпилъ два стакана, и потомъ въ знакъ доброй дружбы, всѣ пили изъ одного стакана сей очень вкусный напитокъ. Подали рѣдьку, из- рѣзанную въ ломтики и осыпанную перцомъ, также масло и сыръ. Суво- ровъ ѣлъ много. Потомъ сѣли около малаго стола; насъ было тринадцать; двоимъ адъютантамъ и сыну его недоставало съ нами мѣста; они сѣ- ли на углу другаго стола, на кото- ромъ не было никакихъ приборовъ. Наконецъ подали чашу, наполненную довольно хорошимъ супомъ; Суворовъ ѣлъ оный съ большимъ аппетитомъ, равно и другія четыре кушанья са- мыя простыя, и въ семъ состоялъ весь обѣдъ. Горшокъ овсяной каши и яблоки служили вмѣсто дессерта.— Между тѣмъ Суворовъ разговаривалъ объ Голландіи; просилъ, чтобъ ему раз- сказывали подробно о всемъ до нее

относящемся; но онъ самъ зналъ страну сію совершенно. „Англичане, го„ворилъ онъ, храбрый народъ; это ве„ликая нація: она больше всѣхъ при„ближается къ Ангеламъ.“ Сказано уже, что четыре Англичанина обѣдали за его столомъ.

Онъ говорилъ о славномъ Оссіянѣ; сравнивалъ его съ Гомеромъ. „Римляне сказалъ онъ, называли себя царями міра; но Шотландцы никогда отъ нихъ побѣжденными не были; они противустояли симъ царямъ цѣлой вселенной.“ Шутилъ надъ ростбифомъ, который продается въ Англинскихъ трактирахъ. Онъ просилъ Полковника Клинтона привесть ему пиво, которое для него выписалъ, и началъ разсуждать объ Руссо. Нѣкто изъ его Генераловъ сказалъ, что есть прекрасныя творенія сего автора. „Вотъ! . . . смотрите просвѣщеннаго, подхватилъ Суворовъ; убирайся вонъ съ своимъ Руссо.“ Чрезвычайно остроумно разсуждалъ онъ объ злѣ, какое причинили религіи Волтеръ, Руссо и Рейналь. Генералъ воспользовался минутою, чтобъ дать замѣтить Суворову, что онъ разумѣлъ Жанъ Батиста Руссо

а не Жанѣ Жака. — „Ну, вотъ это дѣло другаго рода; останьтесь же, когда это такъ.“ — Онъ завелъ рѣчь объ Итальянскихъ своихъ сраженіяхъ, говорилъ объ Швейцаріи, и голосомъ твердымъ и возвышеннымъ произнесъ: „Переговорщикъ! . . . Трактовать о „переговорахъ. Австрійскій Генералъ „принимаетъ переговорщика, вступа„етъ съ нимъ въ разсужденіе. Между „тѣмъ Французы переходятъ Рейнъ, „разбиваютъ его армію и берутъ его „самаго въ полонъ. Цесарь сказалъ, „что никогда не должно вести пере„говоръ съ варварами. Тѣ, кои назы„ваются нашими друзьями, часто бы„ваютъ въ самомъ дѣлѣ такими. Къ „чему служатъ переговоры, переписка „сообщенія для двухъ друзей, хотя бы „они были Русскіе, Французы, Англи„чане или Нѣмцы? (онъ приложилъ ру„ки къ сердцу) оно говоритъ и устрем„ляетъ къ одной цѣли. Я какъ Це„сарь, не дѣлаю никогда плановъ част„ныхъ; гляжу на предметы только „въ цѣломъ; вихрь случая всегда пе„ремѣняетъ наши заранее обдуманные „планы.“ — Потомъ онъ началъ гово„рить съ Княземъ Брогліемъ объ его

братѣ; спрашивалъ о его лѣтахъ, о доходахъ имъ получаемыхъ; началъ разсуждать объ возрастахъ человѣка, раздѣлять ихъ на опасные и безопасные, когда они становятся почтенными, и очень искусно причислилъ его къ симъ послѣднимъ. Далѣе, разсказывалъ о томъ, какъ одинъ изъ его адъютантовъ, который тутъ же находился, упалъ въ пропасть и ни мало не ушибся. — Знаете ли, сказалъ онъ мнѣ, кто его вытащилъ оттуда? чортъ, потому что онъ Франкмасонъ. — Обѣдъ кончился; Суворовъ ѣлъ и пилъ болѣе всякаго изъ насъ; онъ разговаривалъ еще, но коротко и отрывисто. Напослѣдокъ мы встали изъ-за стола; онъ обратился къ образу святаго Михаила, который былъ въ углу его комнаты, помолился, и благословя насъ, пошелъ спать.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Письма Князя Италійскаго, Графа Суворова-Рымникскаго, писанныя большею частію во время Италійской войны, также и къ нему.

Когда Императоръ Францъ II просилъ Государя Императора Павла I о дозволеніи начальствовать надъ войсками Австрійскими противу Французовъ Графу Суворову, сей Монархъ послалъ къ нему нарочнаго съ рескриптомъ, который уже приложенъ прежде. Въ слѣдъ за онымъ отправленъ былъ къ нему еще фельд-егерь съ слѣдующею запискою:

Графъ Александръ Васильевичь!

Спокойствіе Европы требуетъ присудствія вашего въ нашей арміи: пріѣзжайте къ намъ поскорѣе. Пребываю вамъ благосклонный

Павелъ.

На сіе отвѣтъ Графа Суворова состоялъ только въ слѣдующихъ словахъ:

Топчасъ упаду къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества.

Послѣ сего Графъ въ деревнѣ своей отдалъ домашній приказъ таковаго содержанія:

„Часъ собираться, другой отправ-
„ляться; поѣздка въ четырехъ това-
„рищахъ: я въ повозочкѣ; они въ саняхъ.
„Лошадей 18, а не 24. Взять на дорогу
„денегъ 250 рублей. Егоркѣ бѣжать къ
„старостѣ Фомкѣ, и сказать, чтобъ
„такую сумму повѣрилъ, потому что
„я ѣду не на шутку. Да яжъ служилъ
„въ деревнѣ за дьячка; пѣлъ басомъ; а
„теперь поѣду пѣть Марсомъ.“

При отправленіи своемъ къ войскамъ Графъ Александръ Васильевичъ получилъ слѣдующій высочайшій рескриптъ:

Павелъ I, Императоръ,
Суворову.

Я рѣшился послать васъ въ Италію на помощъ Е. В. Императору и Государю, союзнику и брату моему.

Суворову не нужны ни тріумфы, ни лавры; но отечеству нуженъ Суворовъ: и желанія мои согласны съ желаніями

Франца II, который поручая вамъ верховную власть надъ своею арміею, проситъ васъ принять сіе достоинство.

И такъ отъ Суворова зависитъ исполнить обѣты отечества и желаніе Франца II.

Павелъ.

Первая прокламація Графа Суворова, при вступленіи его въ Миланъ раздаванная, была такого содержанія:

„Побѣдоносная армія правовѣрнаго „и Римскаго Императора находится „здѣсь. Она сражается единственно „для возстановленія святой вѣры, ду„ховенства, дворянства и древняго „правительства Италіи. Народы! сое„дините съ нами за Бога и за вѣру; „мы пришли съ великою силою въ Ми„ланъ и Піаченцу для вспоможенія вамъ.“

Суворовъ.

Окружное письмо Графа Суворова къ Италіянцамъ, писанное въ то время, когда Ломбардцы и Цизалпинцы возстали противу Французовъ.

„Народы Италійскіе!

„Къ оружію! къ оружію! спѣшите „спройтеся подъ знаменами вѣры и отте-

„чества, и вы восторжествуете надъ
„націею вѣроломною. Союзныя войски
„двухъ Августѣйшихъ Монарховъ сра-
„жаются за васъ, проливаютъ кровь
„для защищенія вѣры, для возстанов-
„ленія прежняго вашего правленія.
„Французы не перестаютъ угнетать
„васъ. Они обременяютъ васъ налога-
„ми, и подъ мнимымъ предлогомъ ра-
„венства, мечтательной вольности,
„распространяютъ отчаяніе въ вашихъ
„семействахъ, исторгаютъ дѣтей у
„отцовъ и принуждаютъ ихъ подни-
„мать оружіе противу законныхъ Го-
„сударей. Народы Италійскіе, утѣшь-
„тесь! есть Богъ вамъ покровитель-
„ствующій! есть войски васъ защищаю-
„щія! сіи войски несчислимы! Воззрите
„на сіи несмѣтные баталіоны, идущіе
„отъ странъ Сѣверныхъ на помощь къ
„вамъ! Взгляните на возстающихъ со
„всѣхъ странъ народовъ, которые, же-
„лая прекратить сію долговремянную
„и кровавую борьбу, вооружилися и
„преслѣдуютъ врага общаго. И такъ
„два Императорскихъ войска, состоя-
„щія изъ храбрыхъ воиновъ, пришли
„освободить Италію. Всюду, куда про-
„струтъ они путь свой, возстановляп-

„ся законы, вѣра, всеобщее спокойствіе;
„вездѣ вѣрные служители богопочи-
„танія возвратятъ свою собствен-
„ность.

„Ежели бы обрѣлись между вами
„такіе вѣроломные, кои бы подняли
„оружіе на Августѣйшаго нашего Мо-
„нарха, и какимъ нибудь образомъ бла-
„гопріятствовали дѣйствіямъ Францу-
„зовъ; ежели бы могли быть такіе из-
„мѣнники противу своего отечества,
„не вѣрные своей религіи; то они въ
„минуту были бы разстрѣляны, не смо-
„тря на знаменитость, породу и со-
„стояніе; племя ихъ было бы преслѣ-
„дуемо и домы ихъ были бы истреб-
„лены вмѣстѣ съ собственностію.

„Народы Италійскіе! ваше благора-
„зуміе велитъ мнѣ надѣяться, что вы,
„будучи увѣрены въ справедливости
„нашего дѣла, не навлечете на себя
„такихъ праведныхъ и неизбѣжныхъ
„наказаній; напротивъ того докаже-
„те вѣрность и приверженность свою
„къ государю, исполненному къ вамъ
„толикой милости и любви.“

Суворовъ.

Окружное письмо Графа Суворова къ Пiемонтцамъ, разосланное изъ Вогера отъ 8 Маiя 1799 года.

„Народы Пiемонтскiе!

„Побѣдоносное Россiйско-Австрiй-„ское войско идетъ къ вамъ отъ имени „законнаго вашего Государя! Оно при-„шло возвести Монарха вашего на „престолъ великихъ его предковъ, на „престолъ, съ котораго онъ былъ „свергнутъ чрезъ вѣроломство своихъ „враговъ: оно пришло возвратить пор-„жество вѣрѣ, пришло наконецъ осво-„бодить васъ отъ насильственнаго ига „вашихъ притѣснителей и изкоренить „развратъ, который они стараются „поселить во всѣхъ. — Храбрые Пiе-„монтцы! ваша вѣрность, ваша пре-„данность Августѣйшему Савойскому „дому, который столико вѣковъ управ-„ляетъ вами съ такою мудростiю и „славою, составляютъ священный „долгъ, обязывающiй васъ сражаться „за то дѣло, котораго одинъ только „успѣхъ можетъ утвердить ваше бла-„гополучiе. И такъ, послѣдуйте при-„мѣру вашихъ предковъ; возьмите ору-„жiе, которое столько часто торже-„ствуетъ надъ общимъ врагомъ; сое-

„динитесь подъ знаменами неустраши-
„маго войска, надъ которымъ я началь-
„ствую: и лицемѣры, старающіеся
„обольщать васъ для собственной ва-
„шей гибели, будутъ навсегда изгнаны
„изъ вашего отечества. И такъ бери-
„тесь за оружіе для подпоры вашей
„вѣры и сохраненія вашей собствен-
„ности. Я обѣщаю именемъ ихъ И. В.
„покровительство и защиту всѣмъ
„тѣмъ, которые послѣдуютъ гласу че-
„сти и долга; обѣщаю простить сла-
„бымъ, обольщеннымъ наружностію об-
„манчивой вольности: но предамъ са-
„мымъ жестокимъ наказаніямъ злодѣ-
„евъ, которые, пользуясь случаемъ къ
„насильству и измѣнѣ, осмѣлятся воз-
„противиться успѣхамъ нашихъ
„войскъ. Вѣрные обитатели Піемонта!
„спѣшите раздѣлить наши успѣхи, и
„ложный страхъ да не заставитъ васъ
„преступить первыя ваши клятвы.
„Ваша честь, вашъ долгъ уничтожа-
„ютъ клятву, данную вами незаконно-
„му правительству, васъ угнетающему.
„Высокія добродѣтели, которыми сі-
„яютъ мои Государи на своихъ прес-
„лахъ, ручаются вамъ за мои обѣщанія.“

Александръ Графъ Суворовъ-Рымникскій.

Письмо Г. Суворова къ Генералу Кейму, которому поручилъ онъ взять цитадель Туринскую.

Любезный мой Генералъ Кеймъ!

Я отправляюсь въ Піаченцу; иду разбить Макдональда. Возмите скорѣе цитадель Туринскую, чтобъ я не пѣлъ благодарственнаго молебна прежде васъ.

Записка, читанная въ собраніи Генералитета Іюня 16 числа 1799 года предъ сраженіемъ при Требіи.

„До Требіи остается небольше полуторы мили, и столько же до непріятельской арміи.

„На полмили отъ нихъ, то наша линія должна будетъ построиться, и всѣ корпусы должны будутъ расположиться въ боевой порядокъ съ величайшею скоростію.

„Нападеніе сдѣлало будетъ за полчаса до разсвѣта.

„Армія двинется потомъ въ нѣсколькихъ колоннахъ для начатія сраженія.

„Естьли непріятель выступитъ къ намъ на встрѣчу, то всѣ тотчасъ должны стать въ боевой порядокъ, безъ малѣйшаго замѣшательства.

„Ежели непріятель отступитъ, то конница и козаки, подкрѣпляемые пѣхотою, должны безъ отдыха гнаться за нимъ, не въ боевомъ порядкѣ, но въ колоннахъ безъ всякаго замедленія.

„Надобно будетъ употребить всѣ средства сорвать мосты, наведенные непріятелемъ чрезъ Таро, какъ въ случаѣ сраженія, такъ и въ случаѣ перехода чрезъ рѣку.

„Конница, расположится въ двѣ линіи на весьма великое разстояніе одна отъ другой, дабы вторая линія могла пройти въ интервалы, естьли первая приведена будетъ въ безпорядокъ.

„Остановки никакой не будетъ; — это не моя привычка. Сражайтесь, нападайте съ саблями, со штыками, рубите въ куски, колите съ громкими восклицаніями ура! ура!

Письмо Графа Суворова-Рымникскаго къ Императору Австрійскому, съ предварительнымъ донесеніемъ о побѣдѣ при Требіи.

Всемилостивѣйшій Государь!

Капитанъ Торресъ, находившійся на трех-дневномъ сраженіи при Требіи,

можетъ извѣстить Ваше Величество о славныхъ и знаменитыхъ произшествіяхъ, при семъ случившихся. Непріятель оказалъ чудесную храбрость; но союзныя войски умѣли превзойти его въ героизмѣ. Что касается до меня, то я ничемъ не могу похвалиться, кромѣ того только, что исполнилъ повелѣніе Вашего Величества. Вы повелѣли мнѣ напасть на непріятеля и освободить Италію. Непріятель побѣжденъ и Италія свободна.

Посланіе Графа Суворова-Рымникскаго къ республикѣ Генуэзской.

Народъ Генуэзскій!

Послѣ побѣдъ самыхъ блистательныхъ Императорскія войски съ торжествомъ приближаются наконецъ къ предѣламъ твоего отечества. Храбрые наши воины, которымъ предшествуетъ побѣда, не враги твои; они не враги народамъ; не съ тѣмъ идутъ, чтобъ исторгнуть у тебя плоды трудовъ твоихъ; напротивъ того они идутъ освободить тебя отъ бремени низкаго и жестокаго, подъ которымъ ты стонешь; идутъ возвратить тебѣ

похищенный мирѣ, возвратить свободу, честь твоего богопочитанія: идутѣ возстановить политическія и торговыя твои сношенія, оживить твою промышленность и разрушить ковы обольщенія, фанатизма, неблагодарности и обмана. Въ тѣ минуты, когда Французы, истинные враги твои, употребляя во зло самыя священныя побудительныя причины, назывались защитниками вольности народовѣ и человѣчества, провозглашали свободу, должную религіи, людямѣ, собственностямѣ и правительствамѣ, — ты обремененѣ былѣ цѣпями; кровь невинныхѣ лилась рѣкою; частное мщеніе, политическія гоненія были производимы свободно. Богатства твои содѣлались добычею мнимыхѣ твоихѣ защитниковѣ: жертвенники твои были ограблены, служители Божіи поруганы и твое правительство, которое толикими жертвами должно бы удержать намѣренія вѣроломной злобы, пало подѣ ударами отѣ врага преступнаго и невѣрнаго.

Народѣ Генуэзскій! осуши источникѣ толикихѣ слезѣ. Конецѣ страданій твоихѣ наконецѣ приближился. Се

день истиннаго твоего возрожденія политическаго и нравственнаго! и ежели позволено тебѣ слѣдовать желаніямъ твоего сердца, слѣдовать побужденіямъ разума и истины, — прими въ нѣдро свое мужественныхъ нашихъ воиновъ, — прими ихъ, какъ твоихъ защитниковъ, какъ братій; — они въ самомъ дѣлѣ таковы. Народъ Генуезскій! твоя участь въ твоихъ рукахъ; ты можешь рѣшить оную навсегда. Да возрадуются добрые, но да воспрепещутъ обольстители. — Не низкое желаніе мести ведетъ къ симъ странамъ войски Императорскія. Именемъ Ихъ Императорскихъ Величествъ обѣщаю простить всѣхъ вовлеченныхъ въ вихрь заблужденія невѣденіемъ и обманомъ. Обѣщаю миръ и покровительство народамъ миролюбивымъ и покойнымъ. Обѣщаю подпору и награду тѣмъ, кои первые возстанутъ противъ своихъ гонителей; но да трепещутъ коварные энтузіасты, да трепещутъ тѣ, которые могутъ еще предаться очарованію обмана; наконецъ тѣ, которые захотѣли бы препятствовать успѣхамъ побѣдоносныхъ войскъ и сдѣ-

латься щитомъ врага, уже побѣжденнаго и въ бѣгство обратившагося.

Народъ Генуэзской! я принесъ тебѣ миръ. Ежели имена человѣколюбія, свободы, вѣры не такъ часто бываютъ въ нашихъ устахъ, по крайней мѣрѣ сіи священныя слова не менѣе дѣйствуютъ на сердца наши. Но размысли, народъ Генуэзскій, чтобы не быть тебѣ самому причиною своей погибели: обдумай, что я противъ воли принужденъ буду предать ужасамъ войны всю часть той страны, гдѣ произведено будетъ малѣйшее покушеніе для безполезной защиты. И такъ да трепещутъ тѣ нещастные, которые для поддержанія колеблющагося зданія, воздвигнутаго преступленіемъ, захотятъ быть поборниками и исполнителями жестокихъ мѣръ, могущихъ обрушиться на нихъ самихъ. Народъ Генуэзскій! ты вѣрно знаешь свои истинныя выгоды. Пагубный опытъ научилъ тебя, какъ надлежитъ цѣнить обманчивыя обѣщанія сего народа, для котораго вѣроломство есть добродѣтель. Скоро щастливѣйшій опытъ докажетъ тебѣ, что наши обѣ-

щанія для насъ священны, непремѣнны и не погибаютъ.

Письмо Графа Суворова къ Королю Сардинскому отъ 22 Августа 1799 года, послѣ побѣды подъ Нови.

Ваше Величество!

Въ половинѣ сего мѣсяца непріятель дошедъ до окрестностей Нови, расположилъ сорокотысячное свое войско на вершинѣ Апенниновъ, имѣя Гави позади лѣваго крыла своего, а правое простирая до Сераваля. Мы напали на него во всѣхъ его положеніяхъ и дали самое кровопролитное сраженіе. Оно увѣнчано было щастливѣйшимъ успѣхомъ. Правда, мы потерпѣли нѣкоторый уронъ; но онаго никакъ не льзя сравнить съ тѣмъ великимъ урономъ, которой понесли Французы. Непріятель самъ признается, что онъ потерялъ двадцать тысячь человѣкъ, между которыми четыре генерала, Периньоль, Груши, Колли и Пардоно, и около пяти тысячь солдатъ и офицеровъ взято въ плѣнъ. Число убитыхъ Французовъ простирается больше, нежели до восо, между которыми считается генералъ

Жубертъ, главнокомандующій войсками, и Вотрень, бригадный генералъ. Число разсѣянныхъ и пропавшихъ послѣ сраженія простирается до четырехъ тысячъ человѣкъ. Пять тысячь раненыхъ уведены непріятелемъ. Сверхъ того сіе сраженіе доставило намъ 30 пушекъ и 48 пороховыхъ ящиковъ.

Отдавая отчетъ Вашему Величеству объ всѣхъ преимуществахъ, полученныхъ надъ непріятелемъ, я долженъ прибавить, что обстоятельства принуждаютъ меня отложить всякое дѣйствіе на заливъ Генуэзской, и съ самою большею частью силъ своихъ отправиться въ Асти, чтобы воспрепятствовать покушеніямъ корпуса подъ предводительствомъ генерала Шампіонета, который по видимому устремляется отъ границъ Франціи на Піемонтъ.

Съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и преданностію есмь

Вашего Величества.

покорнѣйшій слуга

Александръ Графъ Суворовъ-Рымникскій.

Высочайшій рескриптъ Императора Павла I, при которомъ прислалъ Графу Суворову портретъ свой, осыпанный бриліантами.

Графъ Александръ Суворовъ!

Портретъ мой свидѣтельствуетъ всему свѣту благорасположеніе и признательность Государя къ великимъ дѣламъ своего подданнаго. Вы ознаменовали славою мое царствованіе.

Вашъ доброжелательный

Павелъ I.

Рескриптъ Императора Австрійскаго Франца II къ Суворову, когда онъ былъ уже Княземъ, съ присланнымъ Орденомъ Св. Маріи Терезіи.

Императоръ Францъ II Суворову.

Ваши блистательныя дѣянія въ продолженіи сей войны и во время начальства надъ порученною отъ меня арміею въ Италіи пріобрѣли вамъ похвалу и удивленіе цѣлой Европы. Вы оказали мнѣ и всему моему государству важныя услуги своими побѣдами; я навсегда запечатлѣю ихъ въ памяти и сохраню къ вамъ живѣйшую признательность. Вы имѣете весьма

справедливыя права на орденъ Св. Терезіи. Вы увеличите блескъ сего ордена, учрежденнаго въ моей арміи для ознаменованія и вознагражденія воинской храбрости. И такъ примите большой крестъ въ знакъ моего высокаго почтенія и дружбы. Вы получите такъ же одинъ командорской крестъ и шесть кавалерскихъ; первымъ украсьте Князя Багратіона во уваженіе его отличныхъ талантовъ и храбрости. Прочіе назначены Генераламъ и Офицерамъ Руской арміи въ Италіи, коихъ вы почтете достойнѣйшими. Вашъ выборъ увеличитъ ихъ славу.

Богъ да сохранитъ васъ здравымъ, любезный Князь, въ исполненіи великихъ предпріятій для общаго блага, къ славѣ союзниковъ, къ блеску и величію имперіи и для моего собственнаго удовольствія.

Францъ.

Письмо Князя Италійскаго Графа Суворова-Рымникскаго, которымъ прощался онъ съ Италіанскою арміею, отправляясь съ Россійскимъ войскомъ чрезъ горы въ Швейцарію.

Италіанская армія!

Принужденъ будучи обстоятельствами оставить начальство надъ храброю Италіанскою арміею и отдѣлить Россійскія Императорскія силы, поставляю за долгъ проститься съ господами Генералами и со всѣми войсками, находящимися подъ ихъ командою.

Свидѣтельствую первымъ искреннюю мою благодарность за неутомимое стараніе и дѣятельность, съ какою они исполнили намѣренія своего Государя и поспѣшествовали благу государства въ продолженіе всего того времени, въ которое я имѣлъ честь предводительствовать сею могущественною арміею.

Будучи признательнымъ къ ихъ благоразумной отважности, коей примѣръ показали они во всѣхъ дѣйствіяхъ, и которая давала имъ право быть начальниками надъ своими легіонами, именемъ моимъ прошу изъявить благодарность

всѣмъ вышнимъ чинамъ арміи. Ихъ поведеніе, примѣръ, который они подавали своимъ подчиненнымъ въ присутствіи непріятеля, хорошій порядокъ и строго наблюдаемая дисциплина даютъ имъ право на мою признательность.

Благодарю солдатъ за неутомимую храбрость и твердость непоколебимую, которыя въ столь короткое время моего командованія *) доставили намъ безсмертныя побѣды.

Прошу наконецъ увѣрить всю армію въ томъ высокопочитаніи, которая она во мнѣ поселила.

Никакое выраженіе не можетъ изъяснить ни того удовольствія, которое ощущалъ я, предводительствуя храброю и хорошо устроенною арміею, ни того сожалѣнія, съ какимъ оную оставляю.

Въ душѣ моей также не изгладится впечатлѣніе, произведенное постоянною неустрашимостію Австрійцевъ. — Да будутъ они увѣрены, что я никогда не забуду той любви, той чрезвычайной

(*) Суворовъ въ пять мѣсяцовъ освободилъ и очистилъ отъ Французовъ всю Италію.

довѣренности, которая даровала мнѣ лавръ побѣдителя.

Письмо Князя Суворова, писанное къ Генераламъ, начальствовавшимъ надъ отрядами войскъ въ Швейцаріи, отъ 5 Сентября, изъ Асти.

Господа Фельдмаршалы Лейтенанты: Баронъ Линкенъ, Баронъ Гоцъ и господинъ Генералъ Корсаковъ!

Императорскія Россійскія войски, до сихъ поръ находящіяся въ Италійской арміи, 29 Августа выдутъ изъ Піемонта и отправятся въ Швейцарію. Я надѣюсь прибыть съ ними 8 Сентября въ Айроло при подошвѣ горы Святаго Готарда, которую чрезъ два дни я атакую.

Поелику отряды Императорско-Королевскаго Полковника Страуха съ отрядами Принца Виктора Рогана и Фельдмаршала Лейтенанта Графа Гаддика, должны поспѣшить къ атакѣ, то необходимо нужно будетъ, чтобъ обѣ Императорскія арміи, соединенныя въ Швейцаріи, съ твердымъ постоянствомъ и единодушно произвели генеральную атаку на всѣ не-

пріятельскія положенія. Болѣе же всего лѣвое крыло, находящееся подъ командою Г. Фельдмаршала Лейтенанта Барона Линкена, употребитъ всѣ свои силы, облегчить и споспѣшествовать переходъ корпуса Россійской арміи чрезъ Сен-Готардъ, чрезъ лощины около рѣки Рейсъ и при Линцѣ; притомъ быстрымъ соединеніемъ лѣваго крыла съ Императорскою арміею въ Швейцаріи и согласнымъ нападеніемъ можно будетъ воспрепятствовать непріятелю опрокинуть и и совершенно по частямъ истребить Россійской корпусъ, идущій изъ Италіи.

Я не имѣю совершеннаго свѣденія объ положеніи двухъ Императорскихъ армій, соединенныхъ въ Швейцаріи. По слуху только должно догадываться, что Россійской корпусъ войскъ, подъ командою Генерала Корсакова, занялъ постъ между Цирихомъ и Ааромъ, вдоль праваго берега рѣки Лимата; корпусъ Барона Гоца расположился между Цирихскимъ и Валлей-штадскимъ озерами, чрезъ Менен-фельдъ въ Реинталѣ до самаго Диссентиса. И такъ прежде всего мнѣ

должно ожидать соединенія войскъ сего послѣдняго; и поелику Барону Гоцу болѣе извѣстны мѣстныя положенія, то я желалъ бы узнать отъ него, гдѣ и какимъ образомъ можно произвести оное въ дѣйство. Что же касается до меня, я думаю, что Россійскія находящіяся въ Италіи войски, не будучи удержаны, пройдутъ по обоимъ берегамъ Луцернскаго озера; корпусы Линкена и Гоца между озерами Цирихомъ и Цугомъ; и наконецъ совершенное соединеніе войскъ Россійскихъ Генерала Корсакова воспослѣдуетъ на правомъ берегѣ Рейна и Аара. Сей только маневръ можетъ обѣщать благопріятный успѣхъ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ.

Я поспѣшу изъ Беллинцоны увѣдомить васъ о прибытіи колонны Россійскихъ войскъ, идущихъ изъ Италіи; пишите ко мнѣ туда же, — ежели не можете скорѣе ко мнѣ доставить письмы по дорогѣ Новарской и Варезской; — дайте мнѣ знать о положеніи и силѣ всѣхъ войскъ, какъ Рускихъ, такъ и Императорско-Королевскихъ; равнымъ образомъ извѣстите о положеніи, силѣ и раздѣленіи непріятеля.

Я желалъ бы также получить отъ Бароновъ Линкена и Гоца мѣстныя свѣденія объ землѣ и способѣ вести войну въ сей странѣ. Я въ состояніи буду приготовиться къ атакѣ, — назначишь день и часъ, ежели они покажутъ мнѣ, какимъ образомъ можетъ произведено быть сіе взаимное дѣйствіе войскъ, находящихся въ Швейцаріи и отсюда туда марширующихъ.

За полезное считаю рекомендовать при генеральной атакѣ необходимую въ каждомъ случаѣ предосторожность,— именно ту, чтобы силы были вмѣстѣ соединены, дабы не сдѣлать атаку тщетною, отдѣляя войски безъ нужды и ослабляя произвольно. Сверхъ того каждый командующій отдѣленіемъ долженъ точнѣе знать положеніе и силы находящагося предъ нимъ непріятеля; при всякомъ случаѣ стараться увѣдомлять о томъ, такъ какъ и мы ежедневно чрезъ курьеровъ будемъ другъ другу доставлять самыя подробныя свѣденія, даже объ первыхъ нашихъ шагахъ.

Желаю также, чтобы соединенныя войски въ свободные дни до генеральной атаки приучались дѣлать оную

премя колоннами со штыками и саблями.

Сей только способъ нападенія будетъ успѣшенъ для насъ и меньше кровопролитенъ. По моему мнѣнію, Генералъ Лейтенантъ Корсаковъ для сей экзерціи можетъ послать Русскихъ свѣдущихъ въ томъ Офицеровъ въ Императорско-Королевскія войски въ Швейцаріи.

Сей Генералъ уполномоченъ въ томъ приложенными при семъ повелѣніями.

Князъ Суворовъ.

Нѣкоторыя стихотворенія малоизвѣстныя, въ честь Князя Италійскаго сочиненныя.

Искуства ратнаго Суворовъ геоп — 1.
Въ Италію ногой вступилъ лишь е — 2,
Разбилъ Французовъ внѣ и замѣшалъ вну— 3.
Въ Парижѣ будешъ онъ, какъ дважды два — 4.
Безштанные спремглавъ улизываютъ вс— 5,
И убираются, какъ куры на на — 6.

Суворовъ славы сынъ, военно божество,
Фельдмаршалъ прехъ державъ, съ царемъ вступилъ въ свойство.
Никто сему свойству ни мало не дивится:
Царямъ приличнѣй всѣхъ со славой породниться.

Эпистола Его Сіятельству Генералъ-Фельдмаршалу, Графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому на взятіе Варшавы поднесенная Баккалавромъ Ермиломъ Костровымъ.

Или предчувствіе Касталидъ безмятежныхъ
Въ желаемомъ для нихъ событіи солжетъ?
Ахъ, нѣтъ! въ груди нѣвицъ поль чистыхъ,
кропкихъ, нѣжныхъ
Священный Феба огнь и свѣтъ и духъ живетъ.
Свѣтъ Феба! иль скажу, надежда несомнѣнна
На адаманпіову безпрепетную грудь,
Грудь пламенну вождя, ироя несравненна,
Сквозь тысячи громовъ открывша къ славѣ
путь.

Дражайшій Графъ! тобой предчувствіе вѣн-
чанно,
Что скоро свергнется отъ высоты Сарматъ,
Что будетъ злобное чудовище попранно,
И тщетенъ въ замыслахъ коварныхъ сопо-
статъ.
Суворовъ! ты виной пріятныхъ изумленій;
Руководящъ тебя величественный духъ
Источникъ намъ вездѣ сердечныхъ восхищеній,
И веселится имъ самой побѣды слухъ. .....
Какъ! что я зрю? рекла судьба ЕКАТЕРИНѢ,
И тѣ, которымъ Ты престола отъ высотъ,
Какъ плачущимъ пловцамъ раздоровъ во пучинѣ,
Въ отраду излила лучи твоихъ добротъ;
Которыхъ буйный нравъ и сердце толь строп-
тиво
Ты благостью влекла къ любезной тишинѣ;
Да будетъ щастье ихъ надежно и нелживо,
Подобно въ радостяхъ души Твоей веснѣ,
И тѣ дерзаютъ вновь лукавствомъ ополчаться?
Тобой даруемыхъ дней мирныхъ не любя,
Дерзаютъ злобствовать, безъ крылій возвы-
шаться,
Возстать противъ щедротъ, противъ самой
Тебя? ....
Полна неправды ихъ и досажденій мѣра;
Блесни, блесни уже Ты пламеннымъ мечемъ;
Не будетъ, не было въ подсолнечной примѣра,
Сколь благотворнымъ Ты сіяла къ нимъ лу-
чемъ.
Рекла, и маніемъ Россійскія Паллады
Всеополченъ грядешь, Суворовъ, ты на брань;
Давно уже, давно клятвопреступны грады
Свергать изучена твоя громова длань.

Грядешь! и скорпіонъ уродливъ, многоножный
Съ эѳирна пояса бѣжитъ, скрывая слѣдъ;
То знакъ тебѣ съ небесъ, знакъ вѣрный и неложный,
Что скоро удивишь побѣдами ты свѣтъ.
Бѣжитъ! гонящъ его стрѣлокъ орлекрылатый
Узрѣвъ тебя, тебѣ вручилъ стрѣлу и лукъ;
Да вострепещутъ ихъ, какъ скорпіонъ, Сарматы,
И трепета сего раздастся всюду звукъ.
Но что? и гдѣ враги? познавъ твое стремленье,
Соединяются во темновидный кругъ;
Убѣжище для нихъ отчаянье смущенье,
И осень мрачну ихъ изобразуетъ духъ.
Собравъ разсѣянны, разнообразны тучи,
Одну во слѣдъ другой пропивъ тебя стремятъ;
Противъ тебя и вихрь и бури ихъ летучи
Стремятъ свистящихъ ядръ каленый, частый градъ.
Но ты воззвалъ къ орламъ, и вдругъ единымъ взмахомъ
Простерлись, понеслись шумящи ихъ крылѣ,
Развѣяли туманъ полета бурна страхомъ,
И волны пламенны катятся по землѣ;
Въ нихъ гибнетъ всадникъ, конь упорна горда строя;
Вездѣ встрѣчается врагамъ плачевный видъ;
За хладной Вислою спѣшатъ искать покоя,
Спѣшатъ въ Варшавѣ скрыть и трепетъ свой и сыдъ.
Преграда слабая, Сарматъ объятъ смятеньемъ
И грома твоего ударомъ оглушенъ,
Не помнитъ, гдѣ онъ? что? какъ съ пламеннымъ ты рвеньемъ
Преграды прелетѣлъ! и близъ Варшавскихъ стѣнъ!

Стѣсненъ и томенъ врагъ послѣдню зритъ защиту,
Питающу его надѣянья мечты;
Онъ въ Прагѣ соблюдалъ для Россовъ смерть сокрыту,
И се ее стремитъ онъ Праги съ высоты!
Разверзлись мѣдныя сточисленны гортани;
Исторгся сѣрный дымъ и тусклый блескъ огня;
Неумолимые слуги кровавой брани
Ударамъ шлютъ во слѣдъ удары, не косня....
Что можетъ мужество, отчаянье досада,
Искуство, опытъ, страхъ и ненависть и гнѣвъ,
Все врагъ противъ тебя извлекъ изъ бездны ада,
Но ты лишъ возгремѣлъ, сомкнулся адскій зѣвъ.
Или, ты рекъ полкамъ, иройствомъ пламенѣя,
Мы тако помрача Махметову луну,
Не можемъ помрачить, перунами владѣя,
Орла Сарматскаго толь ложну бѣлизну?
Мы Россы, насъ живитъ душа ЕКАТЕРИНЫ;
Что больше? гряньте вдругъ! кто мы, познаетъ врагъ;
Со трескомъ, съ шумомъ въ долъ продерзки исполины
Падутъ, и горды ихъ хребты покроетъ прахъ.
Скончалъ, и ужасы, тобою воскриленны,
Надъ Прагой носятся и буйныхъ духъ тѣснятъ;
И Росскихъ жаромъ войскъ перуны раскаленны
Имъ въ ребра, въ грудь, въ чело не престая летятъ.
Твоей громовою, гласящей смерть, трубою
И звукомъ мѣдныхъ жерлъ бѣгъ Вислы устрашенъ;

Стеня, клубясь течетъ, покорствуетъ ирою,
И нутрѣ береговъ и горъ симъ стономъ по-
трясенъ.

А вы, Нереиды, ее зря толь нещастну
И толь нечаянный ея прискорбный путь,
Побѣдоносцамъ зря ее уже подвластну,
Вздохнули, и дрожитъ отъ вздоха бѣла грудь;
И ваши нѣкогда ланиты нѣжны, милы,
Румянцемъ, бѣлизной достойныя небесъ,
Въ сей грозный, бурный часъ и томны и
унылы,
Блистаютъ лишь росой кристалловидныхъ
слезъ.

Убѣгли съ вашихъ устъ невинны, кротки
смѣхи,
Уже въ нихъ царствуетъ безмолвіе одно;
Убѣгли пѣсненны, веселыя утѣхи,
И арфъ согласіе громами прервано....
Но громъ не престаетъ, лепитъ, разитъ,
свергаетъ,
И Прага гордая, сей крѣпкій, твердый щитъ
Солгалъ въ убѣжищѣ, въ надеждѣ измѣняетъ,
Онъ Росской молніей, какъ древній дубъ раз-
битъ.

Свершилось, и лишась Варшава сей надежды,
Безъ шлема, брони ставъ, токъ вольный девъ
слезамъ,
Въ печальны облеклась покорствія одежды,
И пала Росскія Минервы ко стопамъ....
И се пріявъ трубу немолчный Ангелъ славы,
Въ Петрополь прелетѣлъ Богинѣ возвѣстить,
Что гордость буйственна мятежныя дер-
жавы
Готова устъ ЕЯ законъ священный чтить.
Внявъ радостную вѣсть Минерва кроткимъ
слухомъ,
Безъ удивленія, какъ божество, рекла:

„Преславныхъ подвиговъ горитъ Суворовъ ду-
хомъ,
„Я отъ Суворова инаго не ждала.“
О помрачающій героевъ древнихъ воинъ!
Ты, естьли гордыхъ строй умѣешь побѣж-
дать,
Такъ знаетъ Россовъ мать, чего и ты досто-
инъ,
Ея всещедрый духъ умѣетъ награждать.
Побѣдъ твоихъ вѣнцы предъ взорами Богини,
Твое усердіе въ душѣ Ея живетъ;
И громъ, чемъ превращалъ ты города въ пу-
стыни,
Еще во слухъ ЕЯ побѣдный звукъ лѣтъ.
Отличнымъ каждый годъ дѣяньемъ ты вѣн-
чаешь,
И любящей тебя угодно такъ судьбѣ,
Что новымъ торжествомъ ты новый годъ
встрѣчаешь,
Мы въ изумленіи дивимся лишъ тебѣ!
Но верхъ твоихъ торжествъ Сарматовъ буй-
ныхъ царство,
Ихъ древней злости мзда тобою воздана;
Тобой постыждено ихъ темное коварство,
Раздора мракъ исчезъ, блистаетъ тишина.
Отъ молніи твоей злость Галловъ поблѣднѣла,
Сарматамъ помощь ихъ явилася тщетной;
И томна робость намъ союзныхъ покраснѣла;
Не стыдно ли и быть превышенну тобой?
И что твоихъ побѣдъ и подвиговъ наградой?
Верхъ почестей.... Вождемъ вождей ты на-
рѣченъ;
Тебѣ отъ Сѣвера гремящею Палладой
Блестящій жезлъ сего достоинства врученъ.
Онъ будетъ для враговъ жезломъ всегда же-
лѣзнымъ,
Ожесточенную ихъ твердость сокрушитъ;

Для Россовъ будетъ онъ лучемъ всегда любезнымъ,
Средь мрачныхъ, бранныхъ тучь сердца ихъ озаритъ.
Въ сіяньи полномъ ты и новомъ вдругъ явился,
Соплещетъ радосшь въ томъ живѣйшая въ полкахъ,
Ихъ быстрый огнь еще быстрѣе воскрилился,
И мѣткость вѣрная умножилась въ рукахъ.
О грозныхъ Марсовъ вождь и дней виновникъ мирныхъ!
Коль Музы сладостны потомственныхъ племенъ
Трубою возгремятъ, иль гласомъ пѣсней лирныхъ,
Преславны торжества ироевъ ихъ временъ,
Уже въ полубогахъ для нихъ не будетъ нужды;
Хваля другихъ, рекутъ: таковъ Суворовъ былъ!
Ахиллъ, Тезей, Иракль ихъ звукамъ будутъ чужды,
Ты новы чудеса для пѣсней ихъ явилъ.
Ты любишь Меонидъ, плѣняешся ихъ тономъ,
И не препятствуютъ онѣ тебѣ гремѣть.
Но что? сей спройный хоръ, водимый Аполономъ,
Не въ силахъ должныя тебѣ хвалы воспѣть;
Паллады Росскія глаголъ и свѣтлость взоровъ,
И благодарныя сердца Россіи всей
Хвала достойная побѣдъ твоихъ, Суворовъ!
И честь твоимъ дѣламъ, превыща всѣхъ чесшей.
Знать, громъ кому вручить, есть долгъ ЕКАТЕРИНЫ;
Твой долгъ, сей громъ въ преступну грудь бросать,
И свѣту показать, низвергнувъ исполины,

Что богъ Она войны и дней Зефирныхъ мать.
Но, муза! опочій. Коль вновь Суворовъ гря-
нетъ,
Твердыни ужасомъ враждебны потрясетъ,
Пусть духъ твой въ пламени рожденномъ вновь
воспрянетъ,
И нову пѣснь ему усердье воспоетъ.

Эпистола его же Сіятельству Графу Суворову-Рымникскому отъ того же Кострова на полученіе воинскихъ наградъ.

Величествомъ почтенъ, безстрашный испо-
линъ,
Гремящій молніей, Россійской славы сынъ,
Перуновъ вѣрный другъ, стрѣла побѣдоносна,
Рушитель гордыхъ стѣнъ и месть враждеб-
нымъ злостна,
Иpой, предъ коимъ нѣтъ преграды и препонъ,
Которому одно усердіе законъ,
Суворовъ, Промысла возлюбленный судьбами!
Почто здѣсь нѣтъ тебя, почто еще не съ
нами?
Въ веселыхъ торжествахъ, при звукѣ строй-
ныхъ лиръ,
Поющихъ щастіе и вожделенный миръ,
Среди отрадъ, среди сердечныхъ восхищеній,
Во изліяніяхъ душа благодареній,
Не знаю гражданамъ чего недостаетъ:
Или виною то, тебя что съ ними нѣтъ?
Кто столь участвовалъ въ торжественныхъ
побѣдахъ?
Кому вѣнцы похвалъ сплеталися въ бесѣдахъ?

Коль лестна, радостна, желанна Россамъ
честь,
Ирою должную признательность принесть!
Но воинствъ божество, престоловъ честь,
Паллада,
Опрадъ всеобщихъ мать, твоихъ побѣдъ на-
града,
Виновницей хотя намъ быть множайшихъ
благъ,
И зная, коль тебя трепещетъ гордый врагъ,
Къ предѣламъ ихъ тебя имъ въ ужасъ при-
ближаетъ,
Твоею мышцею оплоты возвышаетъ.
Но гдѣ узрѣть тебя? гдѣ быстрый твой по-
лѣтъ?
Отъ Норда онъ паритъ внезапу въ Южный
свѣтъ.
Почтеніе въ груди питая, Белтъ и Фины
Взирали на вождя полковъ ЕКАТЕРИНЫ.
Какъ бодръ, неутомимъ и нѣги не любя,
Въ трудахъ и подвигахъ явя въ примѣръ себя,
Ты башни гордыя, твердыни свѣту новы,
И ужасомъ разить и смертію готовы,
И волны изрыгать пламеновидныхъ рѣкъ,
Воздвигнулъ и вознесъ, защитами облекъ,
Да хитрый строя ковъ на Россовъ, сопостаты
Явятся въ замыслахъ постыжены, препяты.
Свершилъ, и се уже по гласу бежества
Стремишся воскрилять ты новы торжества.
Тебя подлунныхъ странъ горяща Серафима,
Едва гдѣ видима, но всюду сердцемъ чтима,
Зоветъ тебя къ себѣ Россіянъ слава; Югъ,
Свидѣтель храбрости твоей, иройства другъ!
Летишь, и нимфы горъ руками восплескали,
Полетъ твой взорами съ улыбкой провождали.
Ревнуя въ щастьѣ имъ нереиды Невы,
Отъ зыблющихся водъ подъявъ свои главы,

Твой стройный быстрый путь почтили хороводомъ,
Почтивъ сокрылися подъ волношумнымъ сводомъ;
Ихъ Лирный гласъ течетъ въ кристальные верхи,
Когда во глубинѣ поютъ тебѣ стихи.
Поютъ; но ты уже отъ Невскихъ нимфъ далече,
Уже тебѣ Херсонъ съ побѣдами на встрѣчѣ:
Тамъ честь твоя, тамъ грудь отважности полна.
Была и будетъ въ вѣкъ трофеями славна;
Гдѣ быть громадамъ вновь, ты перстомъ указуешь,
И чертежи преградъ повсюду образуешь.
Луна, гордящася серебренымъ щитомъ,
Блѣднѣетъ, видя то, блѣднѣетъ со стыдомъ;
Ей слава, о тебѣ гремяща всюду, внятна;
Ты громомъ на челѣ навелъ ей темны пятна.
Почіешь ли когда на воинскомъ плащѣ,
Имѣя замыслы иройскіе въ душѣ,
Агари мрачный сынъ изъ-за своей укрѣпы,
Смиренъ и укротя волненія свирѣпы,
Снявъ побѣжденную тобой свою чалму,
Величественну сну дивится твоему:
Онъ зритъ, какъ надъ тобой пернатъ орелъ летая,
Шумящими съ высотъ крылами помовая,
Во грудь твою ліетъ ЕКАТЕРИНЫ духъ,
Влекущій въ радостный восторгъ подлунный кругъ,
Тебѣ вездѣ друзья Россійскихъ странъ сплещутъ,
Враги постыждены, похвалъ твоихъ трепещутъ,
Чье сердце чуждо лести, едину любитъ честь,
Всякъ тщится искренно хвалы тебѣ сплесть.

Виновникъ радостей, побѣдѣ милый воинъ,
Безсмертныхъ почестей содѣлавшись достоинъ,
Ты свѣту доказалъ, что храбрыхъ Россовъ мать
Щедра, какъ Богъ, труды ироевъ награждать.
Рука, что мужеству и бодру жару войска,
Спремленью быстрому безстрашія иройска
Являла съ вѣрностью къ побѣдамъ славнымъ путь,
И какъ враждебныхъ строй съ лица земли сопхнуть,
Сражая громомъ громъ, летѣть на горды скаты,
Перуны изощрять и молніи крылаты,
Блистательна лучемъ Минервиныхъ щедротъ,
И свѣту знать даетъ, что твой отъ сильныхъ родъ.
То рано, что труды подъемлетъ исполина,
Труды отличные примѣрна Росска сына,
Воинской храбрости почтенна знакомъ вновь,
Являя къ отечеству въ груди твоей любовь.
Ты сердцемъ левъ, орелъ и взоромъ и полетомъ,
Носящь за подвиги безсмертну честь предъ свѣтомъ.
О зависть! укроти злорѣчивый языкъ;
Ирой и во твоихъ очахъ почтенъ, великъ;
Великъ, кого побѣдъ владѣющій судьбами
Минервы гласъ велитъ превозносить хвалами,
Въ потомство почести торжественны воздать,
На хартіяхъ труды безсмертны начертать.
Но коль пріятно зрѣть, какъ вѣрный другъ Арея,
Средь мирной тишины перунами владѣя,

Отлична ратника играющую грудь,
Гошову бодрствовать, стремися славѣ въ
путь,
Торжественно ты тщись побѣдоносца зна-
комъ;
Да будетъ та врагу гремящимъ вновь при-
зракомъ!
Щасливъ и тотъ, щасливъ, кто въ ликѣ Ме-
онидъ
Усердной арфою хвалы твои гласитъ:
Кто уличитъ его во лести ухищренной?
Онъ гласомъ оправданъ и воинствъ и вселенной,
Благословляющимъ твой трудъ среди отрадъ
И славящимъ тебя восторгомъ Росскихъ чадъ.
О ужасъ Рымника, рушитель Измаила,
Гдѣ съ трескомъ, съ шумомъ водъ противных
ныхъ пала сила,
Чтобъ мало опочить отъ бремени трудовъ,
Когда прочтешь моихъ нелестный слогъ
стиховъ,
Ужъ новый годъ тебя въ сердцахъ Россіянъ
встрепитъ
И новое въ тебѣ усердіе примѣтитъ,
Возникнутъ къ небесамъ желанья о тебѣ,
Да будешь Россамъ въ честь, любезенъ ты
судьбѣ!

Эпитафія, на кончину Генералиссимуса Александра Васильевича Князя Италійскаго, Графа Суворова-Рымникскаго.

Остановись, прохожій!
Здѣсь человѣкъ лежитъ, на смертныхъ непохожій:
Въ глуши на крылосѣ съ дьякомъ онъ басомъ пѣлъ,
И славою какъ Петръ иль Александръ гремѣлъ;
Ушатомъ на себя холодную лилъ воду,
И пламень храбрости вливалъ въ сердца народу;
Въ рубахѣ, въ каскѣ онъ предъ войсками верхомъ
Какъ молнія сверкалъ, и поражалъ какъ громъ;
Съ полками тамъ ходилъ, гдѣ чуть летаютъ птицы,
Жилъ въ хижинѣ и отнималъ столицы;
На клячѣ грады бралъ съ нагайкою въ рукѣ;
Чужой народъ носилъ его на головѣ;
Одною пищею съ солдатами питался;
Цари къ нему въ родство, не онъ къ нимъ причитался;
Былъ двухъ имперій вождь, Европу удивлялъ,
Взводилъ Царей на тронъ и на соломѣ спалъ.

Надгробіе Генералиссимусу Князю Италійскому Графу Суворову-Рымникскому.

Суворовъ! умеръ ты? . . .
Не вѣрю я сему. . . .
Ирою умереть возможно ли тому,
Которой въ свѣтѣ семъ безсмертнымъ сталъ
издавна?
И можноль, чтобы смерть, имъ столько разъ
попранна,
Со трепетомъ стоя у ногъ сего вождя,
Изъ грозныхъ устъ его всегда велѣній ждя,
Какъ злаки на полѣ враговъ его косила,
Чтобъ съ ними и сего ироя поразила?
Не умеръ онъ, живетъ; живетъ онъ въ тѣхъ
мѣстахъ,
Гдѣ Росской громъ леталъ, и гдѣ посѣялъ
страхъ;
А умеръ человѣкъ, что смертнымъ въ свѣтъ
родился,
И взятый отъ земли прахъ въ землю воз-
вратился.

Г. Гороханикновъ.

Конецъ.

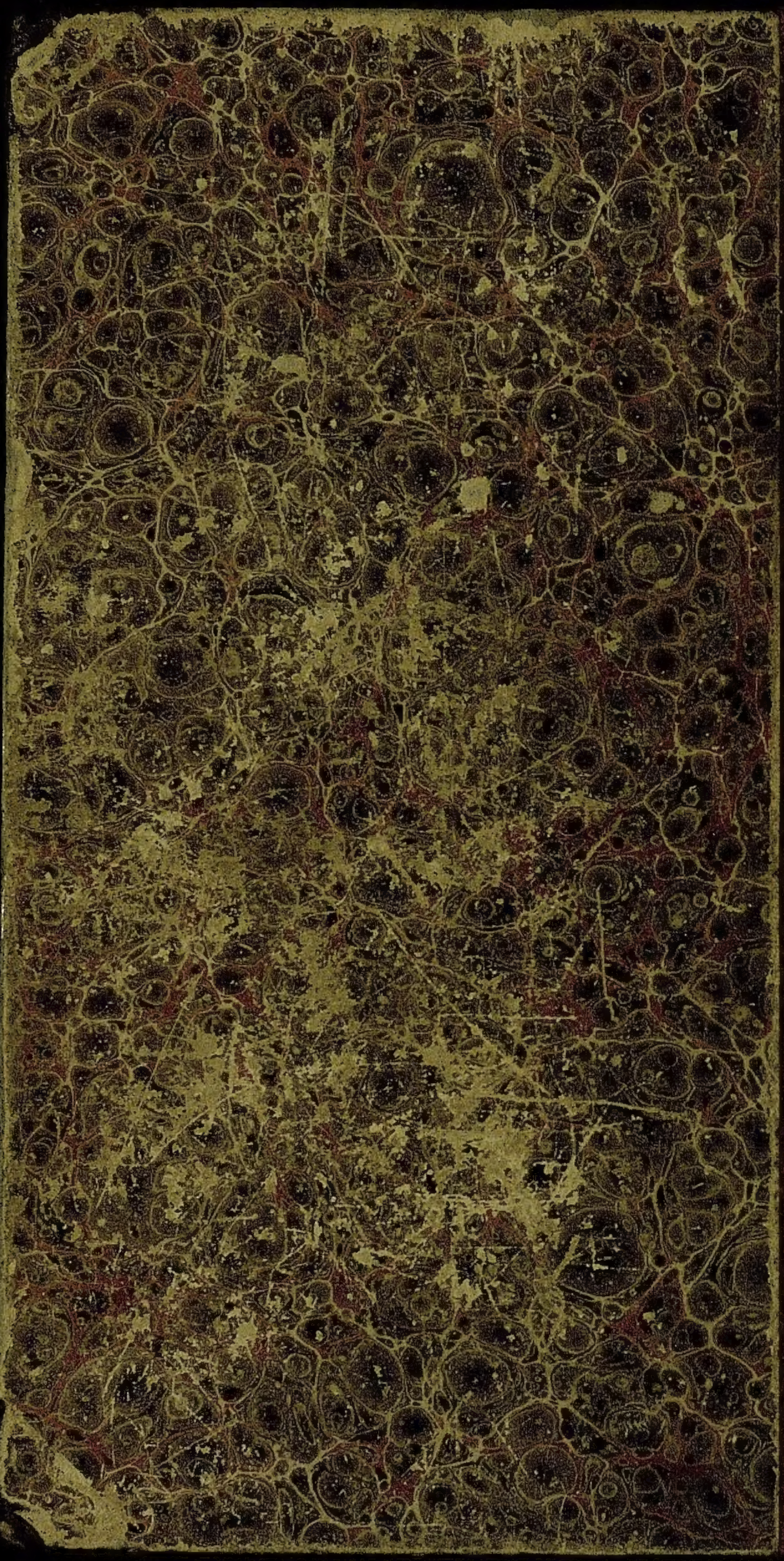
22 апреля 1963 г.

B
CA 1

C. Antikv.
3
12,50

S 1116/46

B
CA 3

C. Antikv.
12,50

472153/XII 73